

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
СЕКТОР ГУМАНИТАРНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И БИОЭТИКИ
МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР БИОЭТИКИ

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО БИОЭТИКЕ

Выпуск 22

Философский анализ проектов конструирования человека:
идеалы и технологии

Под редакцией доктора философских наук П. Д. Тищенко

Москва 2015

Рецензенты:

д-р филос. наук Я. И. Свирский,
д-р филос. наук Е. Г. Гребенщикова

Редакционный совет серии:

Б. Г. Юдин — председатель)
П. Д. Тищенко — ответственный редактор,
Р. Р. Белялетдинов — ученый секретарь,
С. В. Лаврентьева — секретарь,
Д. Л. Агранат,
А. А. Воронин,
Н. В. Захаров,
Вал. А. Луков,
Ф. Г. Майленова,
О. В. Попова,
М. А. Пронин

P13 **Рабочие тетради по биоэтике.** Вып. 22: Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии: сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. — М.: Издательство Московского гуманитарного института, 2015. — 224 с.

При финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-23-01008

ISBN 978-5-906822-33-8

ББК 87.75

ISBN 978-5-906822-33-8

© Авторы статей, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Тищенко П. Д.</i> Экзистенциальный смысл биотехнологического конструирования человека (предисловие)	5
<i>Мелик-Гайказян И. В.</i> Символизм технологий «конструирования человека»	15
<i>Тищенко П. Д.</i> Конструирование человека: идеалы и технологии	36
<i>Попова О. В.</i> Тематизация феноменов смерти, донорства и трансплантации органов в произведениях современной фантастической литературы: этико-антропологический взгляд	65
<i>Воронин А. А.</i> От коммуникации к конструированию	86
<i>Иванюшкин А. Я.</i> Пророчество Норберта Винера «Машина умнее своего создателя»: взгляд из XXI века	104
<i>Попова О. В.</i> Конструирование человека: моральные парадоксы (на примере клонирования).....	121
<i>Ламажаа Ч. К.</i> Этнокультурный фактор персональной модернизации	142
<i>Пронин М. А.</i> Феномен блокирования рефлексии в социальных процессах: виртуальный подход	155
<i>Майленова Ф. Г.</i> Конструирование желаемого будущего с помощью техник НЛП	165
<i>Белялетдинов Р. Р.</i> Персонализированная медицина: проблема социотехнологического артефакта	194
<i>Майленова Ф. Г.</i> Идея самосовершенствования у Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше	203
<i>Авторы выпуска</i>	221

CONTENT

<i>Tishchenko P. D.</i> Existential Meaning of Biotechnological Construction of Human Beings: (Introduction5	
<i>Melik-Gaykazyan I. V.</i> Symbolism of «Human engineering» Technology15	
<i>Tishchenko P. D.</i> Designing of the Person: Ideals and Technologies36	
<i>Popova O. V.</i> Theming Phenomena of Death, Organ Donation and Transplantation in the Works of Contemporary Fiction: Ethical and Anthropological View65	
<i>Voronin A. A.</i> From Communication to Construction86	
<i>Ivanyushkin A. Y.</i> Norbert Wiener's Prophecy «The Machine Smarter Than His Creator»: A View from the 21st Century104	
<i>Popova O. V.</i> Designing of the human: moral paradoxes (on the example of cloning).....121	
<i>Lamazhaa Ch. K.</i> Ethno-Cultural Factor of Personal Modernization142	
<i>Pronin M. A.</i> The Phenomenon of Blocking the Reflection in Social Processes: Virtual Approach155	
<i>Maylenova F. G.</i> Construction of a Desired Future with the Help of NLP Techniques165	
<i>Belyaletdinov R. R.</i> Personalized Medicine: Problem of Socio-Technological Artifact194	
<i>Maylenova F. G.</i> The Idea of Self-Improvement from Fyodor Dostoyevsky and Friedrich Nietzsche203	
<i>Authors</i>221	

Экзистенциальный смысл биотехнологического конструирования человека (предисловие)

Тищенко П. Д.

Existential Meaning of Biotechnological Construction of Human Beings (Introduction)

Tishchenko P. D.

Гуманизм. Биотехнологический конструктивизм является выражением *гуманистической идеологии*, согласно которой человек не просто *может*, но и *должен* самостоятельно определять смысл своего существования и его жизненные формы. В этом его историческое предназначение. Он отказывается от идеи *сверхъестественного* (божественного) *творца*, предполагая, что научные знания дают ему достаточно *силы и власти* для покорения природы и переформатирования ее в желательном для себя отношении. Биотехнологии улучшения человека (*enhancement*'а) реализуют эту установку, постепенно преодолевая природные ограничения человеческого существования. В свою очередь трансгуманизм устремляет ее (эту установку) к пределу, ставя задачу создания полностью искусственного бессмертного человеческого существа. Тем самым человек тотально *сам в отношении к себе* пытается выступить в роли *творца*, окончательно фальсифицировав гипотезу своего божественного происхождения и, одновременно, освободив себя от природной зависимости и уязвимости. Биотехнологический конструктивизм недвусмысленно выражает внутренний смысл радикальных, технократических вариантов гуманизма. Гуманизм изначально «беременен» конструктивизмом. Рационализм (прежде всего философский), в той степени, в которой он пытается дать исчерпывающее самообоснование, является *дополнительной* в отношении к технократическим вариантам стратегией гуманистической конструктивистской идеологии. Рационалистическая философия, преследуя свои особые интересы, попутно осмысляет «пошедшие на ум» предпосылочные гуманистические «предпонимания» биотехнологического конструктивизма.

В этом смысле идеи гуманизма, лежащие в основе биотехнологического конструктивизма, наиболее четко выразил Ж. П. Сартр: «Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причём таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы её задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать»¹.

Иными словами, согласно радикальным светским установкам экзистенциалистского гуманизма, нет никакой природы, нет бога, который бы её задумал и создал. И сам человек в своей *самости* есть чистое *ничто*, устремленное к себе как проекту самого себя. Он должен *сделать себя* (сконструировать) в соответствии с тем, каким он *хочет* стать.

В рамках идеологии биотехнологического улучшения и трансгуманистического преобразования происходит существенное доосмысление или, точнее говоря, переосмысление экзистенциалистской идеи человека как *открытого проекта самого себя*. Человек не только проект себя как выражение чистой свободы, но и проект в качестве телесного существа. Он лишь загадан, представлен как задача. Такое представление достаточно традиционно для биологического мышления. Ведь и с биологической точки зрения человек рождается совершенно неприспособленным к существованию во внешней среде. Ему еще *предстоит стать*, приобрести зрелые формы взаимодействия с внешним миром. Младенец — чистый проект зрелого человека. Поэтому, вторя Сартру, можно говорить, что у него нет готовой природы, её еще следует актуализировать как неопределенную «потенцию», как *возможность себя* в качестве чисто биологического существа. Вынашивание, уход, забота, воспитание и образование представляют собой практики, напоминающие крестьянский труд, которые из того, что дано природой в качестве потенции, выращивают зрелое человеческое

¹ Сартр Ж. П. Экзистенциализм — это гуманизм [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_545.html (дата обращения: 10.12.2015).

существо. Собственно говоря, и сартровское *ничто* также можно, в некотором смысле, считать потенцией (т. е. силой), устремляющей человека в будущее. Правда, «чистое ничто» не дано себе в качестве некоторой структуры, им нельзя распоряжаться по способу манипулирования, властвовать над ним, управлять и контролировать его. Им нужно быть, точнее говоря, *экзистировать из* любого данного для себя, *представленного* бытия в рискованное и неопределенное будущее.

Биотехнологии, разнясь от сартровского экзистенциализма, рассматривают природную потенцию в качестве материи, т. е. стихии возможностей. Но, в отличие от прошлых веков, демонизировавших эту природную мощь, материя биотехнологий в идеале всегда, если пока еще не представлена, то представима. Причем представить означает *поставить перед собой* в качестве предмета преобразования, в качестве хайдеггеровского *постава* — средства для неопределенного по природе чего-то. Эта установка демонстративно ясно выражается в идеологии синтетической биологии, ставящей задачу «разобрать» клетку на составные части, стандартизировать их, разместить каждую из них на виртуальной «полке» и затем, в соответствии с желаниями начать «сборку» новых, неизвестных в природе живых организмов.

Аналогичным образом и человек в *проектах* улучшения (enhancement²) и трансгуманистических *прожектах* так или иначе виртуально разлагает себя на «части», из которых планирует создать себя самого как совершенное, бессмертное человеческое существо. В этом смысл конструирования человека, в котором и через который исторически специфично реализуется идеология гуманизма. Повторюсь: трансгуманизм и есть технократический вариант гуманизма. Он доводит экзистенциалистскую установку до предела, ставя задачу создания полностью искусственного думающего человеческого тела. К примеру, в доктрине отечественного трансгуманистического проекта «Россия 2045» ставится задача создания «голографического» человеческого «аватара». Тем самым гуманистический проект, созданный в эпоху Возрождения, исчерпывает себя. Мечта, вызревшая

как *в себе бытие*, осуществляется — становится покоренным, полностью *контролируемым бытием для себя*, ввергая человека и человечество в новую эпоху за пределами гуманистического мира. В этом смысл «трансгуманизма».

Но пока эта идея не реализована, она остается в статусе «мечты» или *регулятивного принципа* в проектах улучшения человека, подспудно определяя ценностные суждения в отношении тех или иных биотехнологических новаций. Лучшее — это то, что дает человеку власть (а следовательно — свободу) над собой и природой, а худшее — то, что ее ограничивает. К примеру, Маркс считал, что болезнь — это жизнь, стесненная в своей свободе. В этом же смысл автономии как моральной ценности и ценности биотехнологического самоконструирования.

Биотехнологический конструктивизм радикально переосмысляет экзистенциалистскую идею человека как проекта самого себя. Превращает ее из радикальной философской установки в столь же радикальный технологический проект. Переосмысляет, но не отменяет. Человек как свободный, устремляющий себя в будущее проект сохраняется *как тот, кто* представляет, тот, *кто* расставляет виртуальные «части» на полках, тот, *без кого* представить этот мир невозможно. Натурфилософская идея самоорганизации релевантна лишь в мире, созданном экспериментатором или теоретиком. Создание математических моделей самоорганизации (Р. Том), термодинамических (И. Пригожин), а также компьютерных моделей, использующих системы нелинейных уравнений, предполагает в качестве первого шага акт задания теоретической или экспериментальной системы, творческий акт создания мира, в котором эффекты самоорганизации только и могут наблюдаться. Поэтому, даже если мы включаем наблюдателя в наблюдаемую (представляемую) систему, то эта операция релевантна лишь с метапозиции свидетеля, который является условием возможности самоорганизующегося мира, но в самом мире отсутствует. *С метапозиции его (мира) творца.*

Поэтому совершенно не случайно, что рядом с человеком как предметом биотехнологического конструирования развивается общность думающих и спорящих друг с другом профессионалов.

Это существенно междисциплинарное и даже трансдисциплинарное сообщество. Сообщество *творческой свободы*, в котором активную роль играют философы и другие представители гуманитарных дисциплин.

Конструктор. В биотехнологическом конструировании человек выступает как конструктор в двойном смысле. Во-первых, он конструктор как *тот, кто* конструирует. В процессе технологизации процедур конструирования человек, как конструирующий, постепенно отступает от непосредственного предмета своей деятельности, помещая между ним и собой машину как интерфейс. Машинный интерфейс стремительно разрастается, постепенно воспроизводя технологизируемые функции, операции и действия конструктора. Пока реальной опасности полного замещения для думающего конструктора нет. Машинные еще весьма примитивны. Есть, правда, другая опасность, которая заключается в том, что конструктор сам себя проинтерпретирует в терминах машины и начнет свое мышление формировать поэтому, еще примитивному, шаблону. Собственно говоря, в идеологии «тестирований» в образовании и «стандартизации» врачевания в здравоохранении этот опасный процесс превращения думающего человека в машину активно реализуется.

Во-вторых, человек представляет собой конструктор в том смысле, что, как научно данный предмет конструктивного преобразования, он выступает в форме чистого «поставы» — средства для чего-то. До начала 80-х годов XX века наука была озабочена поиском истинной «единой» теории — в физике, геологии, химии, биологии и т. д. Одновременно предполагалось, что возможна *общая картина мира*, раскрытая для обобщающего научного взгляда, которая включит любое знание как «часть» в «целое». Накопление знаний приближало к объективной истине. В том числе и к истине биологического устройства (машины) человека. В качестве «истинной» машины человеческого тела последовательно выступали клеточные машины, нейрофизиологические машины, гуморальные, биохимические и, наконец, молекулярно-биологические... Однако каждый новый вариант машинного представления не отменял предшествующий. Не происходило

диалектического «снятия». Просто рядом с миром нейрофизиологических представлений возникал мир биохимических или молекулярно-биологических представлений. Сегодня эти миры дополняются множасьей серией протеомных, метаболомных, пептидомных и т. д. столь же изолированных миров. Более того, внутри каждого из этих миров также не было и нет своей общей теории или частной картины мира. Эти миры изолированы в том смысле, что в каждом из них события регистрируются и представляются *так, как если бы* других миров не существовало. Только на уровне интерпретации между ними возможно установить частные связи и отношения. Идея целостной картины мира распалась не на частные картины предметных областей, а на мириады модельных представлений, фактов, извлеченных при использовании конкретных «материалов», «методов», условий» для получения интересующего эффекта преобразования одного состояния в другое со значимой вероятностью.

Поэтому не будет преувеличением сказать, что основной стремительно растущий массив научных знаний представляет собой библиотеку элементарных технологических преобразований. Или, можно сказать, не картину мира, а *конструктор природы* (набор стандартизированных деталей и преобразований). Используя такие-то материалы и методы, создав такие-то начальные условия существования изолированной системы *X*, мы можем с такой-то долей вероятности трансформировать ее из состояния *A* в состояние *B*. В этом смысле научное знание представляет человека в качестве конструктора, т. е. набора стандартизированных «деталей», из которых можно сконструировать по заранее заданному плану желаемую конструкцию.

Напомню, желаемая цель не является откровением бога или природы. Человек устанавливает ее сам. Собственно говоря, в этом самоустановлении цели выражается основной смысл конструирования человека как такового.

Однако, веря свою судьбу гуманистическому пониманию предназначения человека, создавая свой собственный проект самосозидания, человек с неизбежностью наталкивается, как на подводный камень, на парадокс целесообразного действия.

Парадокс целесообразного действия. Конструирование — это существенно целесообразная форма деятельности. Но для того чтобы действовать целесообразно, нужно иметь ясно представленную цель. Однако ясное представление о цели формируется в некотором *сейчас* как представление о *будущем*. Это будущее, чем яснее оно представлено, тем в большей степени оно *есть*, выражаясь языком Августина, «будущее» именно того «настоящего», в котором оно формируется как ясно представленное. Для любого следующего момента времени¹ ясное представление о цели будет удерживаться уже не ожиданием (надеждой) в метамоменте настоящего-будущего, а воспоминанием (и основываемся на нем узнаванием) в метамоменте настоящего-прошлого. Для простых действий этот темпоральный сдвиг целеполагания трудно заметен. Но когда действие усложняется и его осуществление растягивается во времени, то последствия могут быть катастрофическими. Например, представленное в XIX веке будущее, в системе марксистского конструирования истории — «коммунизм», уже к началу XX века явно устарело. Оно было интересным проектом будущего того настоящего, которое длилось в эпоху Маркса. Но когда оно (будущее давно прошедшего настоящего) превратилось в цель, то, как ясно догматически (с ориентацией на припоминание) представленное, оно стало заслонять реально происходящее в российском (советском) обществе. Небывалое, постоянно свершающееся в новизне временения было заслонено давно прошедшим прошлым представлением о будущем, выраженным в языке марксистско-ленинской идеологии.

Чем больше плодились идеи научного коммунизма, тем меньше понималось, что, собственно говоря, происходит. В конце коммунистической эпохи этот идеологический язык умер. И мир неодомашненных вещей естественным образом обернулся миром тотального насилия. Весьма схематичные и наивные представления (типа представлений о командно-административной системе) получили в то время широкое распространение имен-

¹ Напомню, по Августину каждый момент времени структурирован тремя мета-моментами — настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящего будущего. Эта тройная структура времени раскрывается тремя действиями души — воспоминанием, вниманием и ожиданием.

но потому, что позволили хоть что-то иное высветить из давно уже свершившегося и тем самым попытаться его одомашнить. Но и наши «реформаторы», столкнувшись с надвигающимся небывалым валом событий, ничего, кроме столь же устаревшего представления о будущем давно прошедшего прошлого мира либеральной буржуазной демократии конца XIX века, предложить не сумели. Вновь желание понять по схеме припоминания уже представленного в прошлом будущего заслонило происходящее. А в тех локусах, где этот заслон оказался слабым, — срочно, как-то в той же колее целесообразного действия, стали возводиться новые заслоны из мира припоминаемого содержания — державности, народности, евразийства, патриотизма, национальной идеи и т. п. *Проскочили — мимо начала. Изначального полемоса — пространства открытости разных, разно-образных представлений о себе для самих же себя.* Ответ на вопрос «Кто Мы?» как конкретная историческая общность — это не готовое представление, удачно высказанное по историческому случаю о российскости россиян (это чаще всего — удачная или нет конъюнктура), а животворное начало спора «о себе», которое, выражаясь языком В. С. Библера, и является источником спор — зародышей мысли. Идея как то, что приводит сущее к явленности, это и есть сам спор, т. е. — полемос.

Та же судьба слепорожденных представлений и у биотехнологического технократизма. Целесообразное преобразование человека (как и человеческого общества) предполагает ясное, готовое представление о человеке и его благе и тем самым — заслоняет от себя все инако-осмысляющееся. Собственно говоря, вопрос о том, кто это такой — человек как «конструирующий» и что он собой представляет как «конструируемый предмет»? — часто просто не ставится. Но как только это представление (почерпнутое из обыденности и взятое как очевидная предпосылка) представлено и поставлено как цель для целесообразной деятельности, то она моментально как ширма (в форме с каждым мигмом устаревающего представления о будущем) оказывается между человеком и наступающим валом событий. Начинает активно вытеснять из его взгляда то, что не вмещается в неотвратимо

устаревающее в идее поставленной цели представление о будущем. Не случайно, что технократические энтузиасты, тратящие невероятные усилия фантазии, чтобы представить самые отдаленные преобразования в области научного и технического прогресса, предполагают архаичную самость новоевропейского субъекта целесообразного действия в качестве самоочевидной предпосылки.

Мне возразят, что цель всегда возможно уточнить с тем, чтобы *представление о ней* более соответствовало реальности и не «закрывало» ее своим давно прошедшим будущим. Соглашусь отчасти, отказав уточнению, а точнее его основаниям в целесообразности. Ведь, чтобы уточнить цель целесообразного действия, необходимо встать в позицию, в которой эта цель лишь возможна, где ее еще нет. И чем радикальней ставится цель действия — некоторого человеческого дела, тем более радикальной должна быть осмыслена и выявлена возможность и насущность для сбережения собственно-человеческого в человеке бездействия, без-делия... Праздника и растраты времени «людей дела» на «болтовню» спора по основаниям самой этой деятельности, т. е. на философию.

В этом экзистенциальный смысл представленных в нашем сборнике публикаций.

И. В. Мелик-Гайказян рассматривает символизм самоорганизующихся технологий «конструирования человека» как иллюзию усложнения социокультурных систем, потерю их внутренней сложности.

П. Д. Тищенко подчеркивает различие человека конструирующего и человека конструируемого. Отмечает роль гуманистических идеалов, играющих регулятивную роль, и гипостазированных «идолов» нормативных представлений о машинной сущности человеческого в человеке.

О. В. Попова исследует проблематизацию феноменов смерти, донорства и трансплантации органов в произведениях современной фантастической литературы. Ею также демонстрируется, что донорство и констатация смерти являются социокультурными феноменами и произведения фантастики отражают связанные

с ними социокультурные коннотации, мировоззренческие установки, мифы и предубеждения. Во второй своей статье, представленной в сборнике, автор анализирует парадоксальный контекст технологий клонирования человека, представляющих процессы «возвращения» и «обращения» к жизненному миру посредством его биотехнологического проектирования.

А. А. Воронин обсуждает новый этап развития систем техники — технологии как переход от коммуникативной к конструктивной сущности технической среды.

Ф. Г. Майленова исследует с философской и психологической точки зрения механизмы конструирования желаемого будущего с помощью техник нейролингвистического программирования (НЛП).

Ч. К. Ламажаа обобщает теоретические представления о персональной модернизации микроуровня модернизации. Анализирует актуальность этнокультурного фактора, который способен определять облик модернизации как на персональном уровне, так и на общественном, не позволяя трансформирующемуся обществу менять свои социокультурные основания, полностью вестернизироваться.

М. А. Пронин обсуждает феномен блокирования рефлексии, описанный Н. А. Носовым, что связано с фундаментальными свойствами человеческой психики. Теоретическая модель механизма позволяет выделять, описывать и объяснять аналогичные феномены на популяционном уровне.

Ф. Г. Майленова исследует идеи самосовершенствования человека в творчестве Ф. Достоевского и Ф. Ницше. Подчеркивается, что поиск смысла жизни, свободы, подлинной любви, богоискательство, богостроительство — все эти тенденции неизменно сопровождаются с напряженным поиском своего «я», стремлением улучшения себя в сочетании с недовольством собой, порой мучительным и трагическим.

Символизм технологий «конструирования человека»¹

Мелик-Гайказян И. В.

Symbolism of «Human Engineering» Technology

Melik-Gaykazyan I. V.

Аннотация. Выдвинут и обоснован тезис об иллюзорном усложнении состояния социокультурных систем, основу динамики которых составляют саморазвивающиеся технологии «конструирования человека». Потерю сложности фиксирует символизм, сформированный под действием этих технологий. В нем выражена суть «конструирования человека» — редупликация того, что является результатами эволюции природных и культурных систем, а повторение всегда проще созидания.

Ключевые слова: символизм, технологии, дегустация ценностей, биоэтика.

Abstract. The thesis about the illusory complication of a state of sociocultural systems, which dynamics basis is constituted by self-organizing «Human engineering» technology, is suggested and substantiated. Symbolism formed by this technology action fixes a complexity loss. The «Human engineering» essence is expressed in symbolism as the reduplication of things which are the nature and culture system evolution results, and repeating is always easier than creating.

Keywords: symbolism, technology, degustation of values, bioethics

Любые технологии, имеющие своей прямой или опосредованной целью «конструирование человека», ведут к упрощению захватываемых ими сфер жизни. Это категоричное утверждение тривиально, но не банально, поскольку опровергает всю сумму констатаций об усложнении современной социокультурной действительности. Стало привычным считать, что тотальное воздействие достигнутого прогресса в разработке и реализации технологий приводит к беспрецедентному повышению сложности современной социокультурной действительности. Удивительным

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-23-01008.

является даже не то, что стало привычным так считать, а то, что считать или измерять параметры констатируемого усложнения никто даже не пытается. Это усложнение принимается в качестве самоочевидности даже теми, кто известен своей приверженностью к синергетической парадигме, следовательно, знает о необходимости подобного измерения. Количественное измерение подменяется качественными оценками, среди которых лидирующее место занимает следующая цепочка выводов: комплекс новых технологий стал саморазвивающейся системой; эффектом самоорганизации стали конвергентные технологии; NBICS-технологии стали условием синтеза всего научного знания, а этот интеллектуальный взлет в принципиальной степени увеличил темп всей социокультурной динамики. Вместе с тем конвергенция означает сходимости сценариев динамики, что указывает на приближение к некому общему для всей системы состоянию, и в этой приближаемой сингулярности человек становится подобием NBICS-машины¹. Или аватара². Слова же «NBICS-машина» и «аватар» есть вербальное и концептуальное обозначение того символического воздействия, которое «производят» технологии, формируя реальность нашей нынешней жизни и образов будущего этой жизни.

Подчеркну, что я не собираюсь придавать анафеме научно-технический прогресс, поскольку уверена в обусловленности позитивных трансформаций культуры достижениями науки. Моя цель в привлечении внимания к одному нюансу, который можно проглядеть при восхищенном наблюдении современного апофеоза интеллектуальной истории. Этот нюанс — в неформальной связи между всеобщей убежденностью в повышении сложности современной нам жизни и способом диагностики усложнения (или упрощения) в динамике самоорганизующихся систем по значениям *управляющего* параметра порядка. Иллюзия повыше-

¹ Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 18: Человек — NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования): сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М.: Изд-во Москов. гуманитар. ун-та, 2014. 152 с.

² Тищенко П. Д. Россия 2045: котлован для аватара. Размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (NBIC) и трансгуманистическая эволюция» // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 181–186.

ния сложности стала закономерным эффектом самоорганизующейся системы технологий. Как же это произошло? В силу двух обстоятельств: «переворота в символизме» и специфического отличия технологий от различных приемов, методик или способов действий. Бегло рассмотрим эти два обстоятельства.

Слова «переворот в символизме» принадлежат А. Н. Уайтхеду¹. Они употреблены им в концептуальном соседстве со словами «самоорганизация» и «когерентность», которые тогда еще не были терминами синергетики. Сейчас мода на синергетику уходит, но с позиции опыта исследований, осуществленных в синергетической парадигме, ясно, что А. Н. Уайтхеду в полной мере удалось предвосхитить постнеклассические трактовки семиотических механизмов самоорганизации социокультурных систем. Так, вариативность траекторий нелинейной динамики данных систем, спонтанный выбор этих траекторий и семиотическая сущность «самоуправления» процессами динамики выражены соответствующими положениями: «неверно, что любой прогресс в масштабах культуры неизбежно ведет к сохранению обществу»², «время от времени требуется переворот в символизме»³, «успешная адаптация старых символов к изменениям социальной структуры»⁴ есть сущность управления. «Переворот в символизме» происходит в результате когерентности всех элементов «символического переноса» («идеи, образы, эмоции», «коды, правила поведения, каноны искусства»), и направление самоорганизации общества зависит от доминирования формы «всепроникающего символизма» — презентативного или вербального символизма. В исследованиях Сьюзен Лангер, последовательницы А. Н. Уайтхеда, эти две формы воздействия символизма нашли выражение в двух основных формах восприятия символизма — презентативной и дискурсивной. Если дискурсивная форма связана с результатом «очищения концептуальным анализом» наблюдаемых образов и переживаемого опыта, то презентативная

¹ Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999. С. 46.

² Указ. соч. С. 50.

³ Указ. соч. С. 46.

⁴ Указ. соч. С. 45.

форма есть непосредственное (без синтаксиса и словаря) усвоение визуальности¹. Стоит отметить, что книга С. Лангер была опубликована в 1942 году, то есть до совершенного выбора той траектории, которая привела к тотальности технологий. Но теперь нам стал понятен итог «переворота в символизме», выразивший сущность избранной траектории социокультурной самоорганизации. Этот итог подведен диагностикой «иконического поворота», пришедшего на смену «лингвистическому повороту». И дело здесь не столько в появлении новой «техники» гуманитарных исследований (дополнения «феноменологически-герменевтического подхода» «преимуществами других исследовательских стратегий, таких как семиотика и аналитическая философия»² или формирования стратегий постижения опыта «за пределами языка»³), сколько то, что насущную актуальность приобрело постижение визуальности. Постигание того нового в социальной жизни, где «поверхность или форма материального объекта — это своего рода магнит, пылесос, засасывающий воспринимающего субъекта в значение»⁴. Или того, как эти объекты «насыщаются значением», «обретают глубину» и превращаются в «архетипические»⁵. Итак, символизм выражает сущность траектории социокультурной самоорганизации, управляет движением по этой траектории и диагностирует актуализацией «поворота к визуальности» упрощение востребованного опыта восприятия происходящего.

Вторым обстоятельством, которое создает впечатление от усложнения действительности современной жизни, является специфика технологий. Ныне различные действия (методики, приемы или способы) получили новое качество — качество технологий.

¹ Лангер С. К. *Философия в новом ключе*. М.: Республика, 2000. С. 100.

² Инишев И. Н. Взаимосвязь визуального восприятия, пространства и действия в герменевтической концепции образа // *Вестник Том. гос. пед. ун-та*. 2014. № 7. С. 23.

³ Шестакова М. А. Эстетический поворот в гуманитарных науках // *Вестник Москов. ун-та. Серия «Философия»*. 2013. № 3. С. 45.

⁴ Alexander J. *Iconic Consciousness: The Material Feeling of Meaning // Environment and Planning D: Society and Space*. 2008. V. 26. P. 793. (Цит. по указ. соч. Инишева И. Н.).

⁵ Alexander J. *Iconic Experience in Art and Life: Surface / Depth Beginning with Giacometti's Standing Woman // Theory, Culture & Society* 25(5). London: Sage, 2010. P. 3. (Цит. по указ. соч. Инишева И. Н.).

А технологии имеют существенное отличие от перечисленных операторов действий. Они являются строго определенными последовательностями операций, каждая из которых приводит — всегда и везде — к запланированному результату, и, чтобы этот запланированный результат достигался при любых условиях и в любом контексте, сами операции доводят до максимального уровня упрощения. Это упрощение есть основное требование технологичности. Понять это требование можно, представив любой конвейер. В его функционировании не должно быть места случайности, вся последовательность действий строго регламентирована, что и требует превращение этих действий в простые операции. Конвейеры неоднократно модернизировались. Например, девизом коренной реорганизации компании «Toyota» был не рекламный слоган «управляй мечтой», который был предъявлен уже после взлета корпорации, а лозунг «точно в срок», что во всей определенности выразило прогностические цели в следовании новому пониманию Дао компании¹. Достижение состояния, соответствующего выражению «точно в срок»², привело к тому, что вся компания стала работать как часы, как один механизм, в котором нужно не «больше», не «лучше», а так, как «все», и эти все должны быть профессионалами высшей пробы и устремлены к общему процветанию. Подобие конвейера существует теперь и в создании ряда интеллектуальных продуктов, где «двигателем» выступает суточное вращение Земли, что позволяет «передавать» результат, полученный за рабочий день в одних часовых поясах, тем «мозгам», рабочий день которых только наступает. Образ конвейера проступает в организации «непрерывного образования», в организации науки, в организации производства любого «креатива». Но перевоплощения конвейера оставляют неизменным следующее: его движение направлено только вперед; достижение целей всех операций находится в предсказуемом, или прогностическом, горизонте; от его работников требуется

¹ Лайкер Дж. *Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира*. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

² Модернизация конвейера позволила осуществлять одновременную сборку всех моделей, избавила от необходимости в складировании комплектующих деталей и готовой продукции.

одинаковый профессионализм, а не уникальность мастерства. Жизнь в обстоятельствах «конвейера» обладает преимуществами — она предсказуема и безошибочна. Устойчивость этой траектории, движение по которой происходит без оглядки назад и короткими шагами, оплачивается подчинением ценностей прошлого конъюнктуре настоящего, утратой спонтанности и потерей осознания асимптотических целей. В результате для понимания прошлого достаточно мифа, а социальная мечта обретает конкретность «котлована», который будет неизбежно «вырыт» через тридцать лет¹. Возникает абберрация восприятия технологического прогресса — «котлован» становится символом «высоты», как когда-то образ Вавилонской башни был символом глубины исканий человека. Отнюдь не случайно, что взгляд биоэтика² увидел «котлован» в образе цели «трансгуманистической эволюции», предлагающей человеку предсказуемое будущее конвейера.

Биоэтика акцентирует социальное внимание на репрессивных потенциалах технологий «конструирования человека» в отношении уникальной индивидуальности. Спектр угроз и преимуществ этих технологий получил подробное обсуждение в ходе ряда конференций «Конструирование человека»³, которые были инициированы одной из статей Б. Г. Юдина⁴. Апофеоз фундаментальных исследований и воплощение их достижений в системе саморазвивающихся технологий был рассмотрен на множестве конкретных примеров в связи с моральными дилеммами, возникающими в связи с претензиями человека творить человека. В предлагаемой работе нет смысла повторять примеры и сумму этических тезисов. Здесь, как было сказано выше, другая цель — привлечь внимание к тому, что технологии «конструирования человека» не творят новое, а копируют уже достигнутое в ходе эволюции природы и культуры, упрощая эти достижения, пре-

¹ Тищенко П. Д. Россия 2045: котлован для аватара. Размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция» // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 181–186.

² Указ. соч.

³ Материалы этих конференций (2007, 2008, 2009, 2011) размещены: URL: <http://www.ipr-tomsk.narod.ru/Series.htm>.

⁴ Юдин Б. Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5. № 5. С. 7–19.

вращая наши способы постижения своей ментальности и телесности в семиотические механизмы социокультурного управления. В результате конструирования памяти и мечты, интеллекта и естества человек становится одновременно создателем, потребителем и продуктом технологий. Ведь пока в итогах технологий родство профанов, поскольку каждый разработчик конкретной технологии оказывается в беспомощности непонимания множества других технологий; упрощение языка коммуникаций, предоставляемое «паутиной» и основанное на двоичном коде «цифровой культуры»; устремленность к коллективным мечтам, продвигаемым социальными технологиями. Итак, в перспективе одна роль, один язык, одна мечта о жизни в «котловане» в стиле Sci-Tech. Произошедший «переворот в символизме» делает актуальным рассмотрение путей пролиферации символов «конструирования человека».

Новый символизм: дегустация ценностей и деформация традиций

К 1928 году относятся слова А. Н. Уайтхеда: «...человечество ищет символ, чтобы выразить себя», «“выражение” есть “символизм”»¹. Этот поиск обнаруживает себя с того, с чего начинается всякий новый период истории человечества — либо с генерации новой идеи о благой жизни, либо с кардинальной перелицовки этой идеи. Причем генерация новой идеи всегда случайна, поскольку принадлежит творческой спонтанности, а перелицовка идей всегда принадлежит коллективным усилиям людей, которым наследие прошлого не дает утешения или не оставляет возможности адаптироваться к настоящему тиражируемая в культуре модель поведения. Переходные периоды отмечает множественность параллельно существующих антропологических моделей поведения, и при выборе своей стези человек вынужден примерять на себя различные семиотические одежды, чтобы апробировать преимущества и обременения каждой роли. Характер подобной пробы ярко проявляет себя на примере маргинальных сообществ. Исследование этих примеров позволило обнаружить

¹ Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999. С. 46.

феномен дегустации ценностей¹. Слово «дегустиация» употреблено здесь отнюдь не в переносном смысле. Легко представить, что дегустация не предполагает насыщения. Точно так же дегустация ценностей есть эрзац морального выбора, поскольку ценностям, избираемым для пробы, человек *a priori* собирается следовать лишь временно. Но кто в иллюзиях молодости «не мечтал о дружбе с Титаном, кто не желал быть на «ты» с Героем, хлопнуть по плечу вундеркинда, великого Мэтра»²... Поэтому первоочередными ценностями, подлежащими дегустации, становятся те, которые отмечены символами-артефактами Титанов, Героев, вундеркиндов и Мэтров. В массовой культуре современной повседневности значения перечисленных персонажей воплощены в образах супергероев, наполняющих сравнительно новый жанр комиксов, в котором визуализация текста доминирует над вербальным компонентом повествования. В последние десятилетия поклонники комиксов организовали особые хронотопы своего поклонения — ComicCon, становящиеся помимо всего прочего и местом демонстраций разнообразных новинок в сфере компьютерной техники, за которыми закрепилось уже легко всеми узнаваемое название — гаджеты. В этом действии есть все признаки хронотопа карнавала³: маскарад в костюмах супергероев, или так называемый косплей; нерушимое правило, касающееся личных отношений: «всё, что случается на КомикКоне, остается на КомикКоне»⁴, etc. Казалось бы, в этом современном карнавале можно увидеть лишь аналог игрового действия, пронизывающего все культурные эпохи, если бы не одно обстоятельство. Подобный косплей⁵ стал неотъемлемой частью реконструкций исторических событий (например, битвы при Гастингсе, Бородинского сражения или битвы при Ватерлоо), собирающих

¹ Горбулёва М. С. Феномен памяти и его роль в маргинальных субкультурах // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2013. № 11. С. 188–193.

² Барбери М. Лакомство. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2006. С. 68.

³ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. СПб.–М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407; Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. С. 126–127.

⁴ Диппер Е., Седов А. Теория Большого взрыва: гид по сериалу по версии Kuraj-Bambeу. М.: Эксмо, 2012. С. 26.

⁵ «Косплей» от англ. «costume play» — буквально «костюмированная игра».

десятки тысяч энтузиастов разных возрастов. В этом обстоятельстве, масштабности и периодичности которого трудно подобрать аналог в традиции культуры, уже нет прямого влияния массовой культуры, но есть нарастающая притягательность событий прошлого, продлевающая действительное существование прежних артефактов как символов-артефактов нынешнего времени.

Феномен дегустации ценностей был обнаружен при поиске причин формирования маргинальных и молодежных субкультур. Вместе с тем стоит отметить воздействие данного феномена за их пределами. Начнем с одной иллюстрации, которой будет бестселлер «Лакомство»¹, поскольку его название и сюжет вызывают ассоциации со словом «дегустиация». В этом современном романе, неким образом пытающемся повторить успех романа «Парфюмер», всё действие сосредоточено на последнем желании умирающего гениального дегустатора и крупнейшего ресторанного критика еще раз ощутить самый незабываемый и любимый вкус. Сложность составляет то, что величайший эстет и гурман не может вспомнить конкретную еду, обладающую этим вкусом. Он перебирает почти всю свою жизнь, воссоздает в памяти испытанные ощущения от шедевров великих кулинаров и от экзотических творений национальных кухонь всего мира. В итоге мучительных воспоминаний он находит этот вкус — его доставлял банальный эклер, повсюду продаваемый в супермаркетах: «...всю мою жизнь я его отрицал. Только в смертный час обрел я его вновь и навсегда после стольких лет заблуждений. Есть или не есть, жить или не жить — дело ведь не в этом, главное знать, зачем. Во имя отца, сына и эклера, аминь. Я умираю»². Пафос и дифирамб бестселлера демонстрирует неоднозначность массового и профанного в современной культуре, способных подчинить себе вкусы высоколобой элиты. Но это же позволяет обнаружить амбивалентность тех продуктов современного производства и современной культуры, которые оказываются в наши дни востребованными большинством. Они одно-

¹ Барбери М. Лакомство. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2006.

² Указ. соч. С. 151.

временно фиксируют жизненные устремления большинства и являют собой образцы, воплощающие коллективные усилия элит в разных сферах. Любой бестселлер, блокбастер, шлягер, образец моды, популярный продукт, архитектурный шедевр или гаджет представляет собой концентрацию достижений интеллектуальных традиций и сплав достижений научно-технического прогресса. В этой концентрации и в этом сплаве отсутствует вульгаризация, поскольку они — концентрация и сплав — есть результаты синтеза и конвергенции всех способов рациональных решений, предлагаемых наукой, и всех способов воспитания чувств, предлагаемых религией и искусством. Эти смыслы феномена дегустации иллюстрирует не только роман «Лакомство», но и бестселлеры «Декоратор», «Есть, молиться, любить», etc. Итак, стоит различать массовую культуру, которую принято корить за ее легковесность и за отсутствие пробуждающего устремления к высоким идеалам, и культуру, необходимую массам как множеству индивидуальностей¹, которым в условиях диверсификации смыслов и дифференциации ролей чрезвычайно нужен навигатор для самостоятельного обнаружения личной траектории в жизненном пространстве.

В романе «Лакомство» присутствует еще одно оригинальное замечание, которое иллюстрирует дальнейшее содержание статьи. Великий дегустатор приходит к выводу, что основы кулинарии, ставшей культом и особым символом европейской культуры XX века, были заложены поколением бабушек его современников. Тем самым бабушки компенсировали «все унижения, которым подвергались не сами по себе, а в силу своей женской доли», и брали реванш за господство мужчин за пределами домашнего очага². «Они повязали своих мужчин не тенетами домашнего уклада, не детьми, не респектабельностью и даже не постелью — нет, вкусовыми бугорками, да так надежно, как если бы посадили

в клетку, в которую их даже загонять не пришлось»¹. Мужчины, воспитанные обществом как будущие хозяева жизни, не могли противостоять тем ощущениям, которые могли испытать только вкушая то простое и лишенное утонченности, что было создано в «домашних лабораториях»², в которые превратились кухни их жен.

Из описания этой частности сделаем свои выводы. Культ чувственных удовольствий возникает в обществах, в которых сложившаяся иерархия или социальная структурность ведет к униженному положению и состоянию неких страт. Эти страты могут оказать сопротивление созданием объектов, обладающих впечатлением легкости и очевидности, перед простотой которых будет млеть пресыщенность при всей своей власти и заносчивой силе. Но создание объектов, обладающих такими качествами, всегда становится результатом отточенного мастерства. Понятно, что подобное мастерство приобретается в опыте множества повторений, а сами эти повторения требуют постоянного возвращения к исходной точке опыта, что создает свою традицию передачи знаний. Теперь представим себе, как эти условия будут выполняться в обществе, всецело устремленном в будущее, то есть в обществе, основанном на инновациях, где темп их предложения заставляет старшие поколения учиться у младших поколений. При чем у тех младших поколений, которые в еще недавнем состоянии общества были всецело подчинены всем видам власти старшего поколения — их политической воле, моральному авторитету и финансовой силе. Это позволяет понять, что младшие поколения не испытывают потребности возвращения к памятно-му ими прошлому, что выражает себя либо в апелляции к тому прошлому, которое они помнить не могут, например к реконструкции очень давних исторических событий, либо к созданию своего прошлого, а вернее — к созданию иллюзии о своем собственном прошлом³.

¹ А это множество индивидуальностей состоит отнюдь не только из молодых людей или маргиналов.

² Барбери М. Лакомство. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2006. С. 32.

¹ Указ. соч. С. 33.

² Указ. соч. С. 33.

³ Мелик-Гайказян И. В. Мемогу-турн: проявленная биоэтикой бренность интеллектуальных традиций // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1. № 1. С. 49–63.

Такой поворот к прошлому создает специфику хронотопа некой новой культуры¹, которая не тождественна современной культуре, поскольку принадлежит не всем людям, живущим в наши дни.

Конструирование создателей технологий «конструирования человека»

Создателям новых технологий отведено «место обитания», имеющее особый семиотический формат, который обладает параметрами трех Т — талант, технологии, толерантность², что создает условие открытости общения³. Все перечисленные параметры несут явный позитивный смысл. Горький привкус появляется при осознании прагматики этих параметров: талант есть основной ресурс для разработки технологий; разработка технологий требует солидарных усилий больших коллективов; солидаризация усилий талантливых людей требует толерантности. Взаимозависимость прагматик этих параметров создает жесткие рамки для самого творчества. Понять парадоксы этих рамок позволяют свежие примеры объявленных конкурсов «Эврика! Идея» и «Эврика. Концепт» на получение грантов «для раскрытия творческого потенциала молодых ученых», содержащих требования предложить «оригинальную идею», но в областях применения, уже со всей конкретностью сформулированных в условиях конкурса. Иными словами, творить новизну предлагается по заданному образцу. Но факт образца превращает творчество в его имитацию. Жесткие рамки, в которых проходит конструирование будущих создателей технологий, иллюстрирует модель «foie gras»⁴. В основе приготовления деликатеса лежит неестественный способ кормления гуся, вызывающий у несчастной птицы специфическое развитие печени. Подобно этому «воспи-

¹ Мелик-Гайказян И. В. Новая культура для новых людей // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2014. № 7. С. 33–44.

² Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2007.

³ Матвеева О. Ю. Новые города. Новые люди // Конструирование человека: сб. трудов междунар. конф.: в 2 т. Т. 1. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. С. 200–204.

⁴ Фрай С. Лжец. М.: Фантом Пресс, 2004. С. 271.

танию гуся», образование развивает только те способности, которые подчинены конъюнктуре технологий. Итак, искусственная жесткость рамок оборачивается конструированием креативного класса.

Ответной реакцией на конструирующую талант и творчество реальность стало перемещение «места обитания» креативного класса в виртуальное пространство, где возникла «новая культура для новых людей». Перечислим приметы этого ареала, чтобы установить меру «естественности» возникшей культуры. Новая культура была создана на основе дегустации ценностей прошлого и настоящего, которая хоть и напоминает игру, но игрой не является. Носители новой культуры принадлежат к классу творческих людей, создающих средства инновационной экономики, поэтому хоть они изначально являли собой некий узкий круг, но к маргиналам не относятся. Творческое начало новых людей делает их яркими индивидуальностями, которым тесны рамки традиций, поэтому в своих вкусовых предпочтениях они создают культуру, завоевывающую широкую популярность в массах, но не тождественную массовой культуре. Деятельность креативного класса ввергла общество в префигуративное состояние, вынуждающее старших учиться у тех младших, которых до этого держали под властью своих нормативных символов, за что новые люди расплатились созданием прошлого, обнаружившего брешь в памяти прежней культуры. Однако эти младшие поколения отнюдь не образуют одно множество с молодежью, поэтому новая культура не является молодежной субкультурой. Новая культура создала из сотворенного креативным классом виртуального пространства и собственной шкалы времени свой хронотоп, который в силу особого понимания творческим меньшинством семиотических параметров своей жизни стал доступен многим. Осталось привести аргументы в обоснование того, что обсуждаемая культура является новой не по времени ее становления, то есть — не в значении понятия «современная культура», а по всем культурным формам: нормативности, языку, представлениям о наследии своего прошлого, стилю и антропологическим моделям.

Нормативность новой культуры основана на *джедаизме*, представляющем собой мировоззренческое следствие из достаточно посредственной серии фильмов «Звездные войны». Мировоззренческие следствия, выраженные в религиозном движении и в философии жизни, не пропорциональны качеству «звездной» саги. Трудно счесть легковесным так называемый «Символ веры Джедая», в котором за исключением слова «Галактика» ничто не указывает на сюжетную линию фильмов: «Джедаи — защитники мира в Галактике. Джедаи используют свои способности, чтобы охранять и защищать — никогда для нападения на других. Джедаи уважают каждую жизнь, в любой форме. Джедаи служат другим, а не властвуют над ними, во благо Галактики. Джедаи стремятся к самосовершенствованию через познание и тренировку»¹. Впечатляет число сторонников «истинно верующих» джедаев, которое тем не менее значительно уступает числу «сочувствующих» этому религиозному движению или сделавших его содержание нормой жизни, что, кстати, наполняет ряды волонтеров и «зеленых» течений.

Культура имеет свой язык — клингонский. На этот язык переводят книги, его «понимают» поисковики в Интернете, на нем издается научный журнал «HolQeD» и действует Институт клингонского языка, регулирующий всю эту деятельность². Язык является собой смесь санскрита и тех языков северо-американских индейцев, носителей которых уже нет. Изначально язык был искусственно создан для большей достоверности действия еще одного «звездного» сериала, имеющего почти восемь сотен телевизионных фильмов. Сериал «Звездный путь» имел такой резонанс, что его поклонники, так называемые треккис (производное от оригинального названия сериала «Star Trek»), были специально отмечены Оксфордским словарем³. Содержание сериала продолжает тему борьбы добра со злом во вселенском масштабе, содержащаяся в сюжете «Звездных войн», но добавляет к ней,

¹ URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Джедаи>

² URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Клингонский_язык; URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Институт_клингонского_языка

³ URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/Trekkie>

во-первых, борьбу разума и чувств, полем для которой является внутренний мир человека, и, во-вторых, борьбу против расовых предрассудков, утверждая ценности толерантного существования в мире разных цивилизаций.

«Память» культуры составляют мифы как обязательная часть наследия любой культуры и «повествования» о реальных людях, которыми стали особо почитаемые ученые, чьи открытия отметили вехи в интеллектуальной истории новой культуры. Персонажами мифов стали супергерои комиксов, герои «звездных» сериалов и жители Средиземья из книг Дж. Р. Толкина.

Прежде чем перейти к презентации таких форм культуры, как коммуникативная структурность, стиль и поведенческая модель, которые образуются в случае трансляции в действительность кодов новой идеологии культуры, акцентируем несколько моментов, касающихся оснований новой культуры новых людей.

Казалось бы, перед нами эклектика искусственных форм, порожденных непритязательными заимствованиями массовой культурой отдельных деталей из ментальных оснований индийской, китайской и японской культур, и сильным преувеличением или шуткой можно счесть квалификацию этого набора в качестве некоей новой культуры. Однако эпохи каждой признанной культуры начинались подобным образом. Например, средневековая культура Западной Европы включала в себя античные и варварские мифы, предания о королях-завоевателях; латынь, понятную лишь узкому кругу образованных людей; Священное Писание, смыслы которого открывались большинству благодаря формам их визуализации, представленным в соборах, и доступности жанра *Exemplum*. Выше уже акцентировано, что если существующая культура не представляет человеку средств компенсации или утешения, то возникает потребность в изменении «памяти» культуры, ответственной за компенсаторную функцию. Но доступ к переформатированию «памяти» пролегает через изменение идеологии и кодов культуры, поэтому генезис новой культуры связан не с воздействием «звездных» сериалов, комиксов и литературы в жанре фэнтези, а со сбоем компенсаторной функции, диагностировавшей брешьность имеющихся

интеллектуальных традиций. Более того, само создание повествований о героях, которые в повседневности ведут себя как обычные люди и проявляют свои уникальные способности только для защиты справедливости, было продиктовано потребностью в утешении тех, кто не имел действенных форм защиты перед навязываемыми унификациями — «быть как все», «жить, как принято», etc. Сила, утверждаемая в джедаизме и основанная не на принуждении, а на позитивной «энергии» науки; язык, созданный для достижения цели «смело идти туда, где не ступала нога человека»¹; повествования о людях, всегда совершающий исключительно свободный выбор на основе личных представлений о должном и желаемом, — всё это стало чрезвычайно близко людям, которые, подобно джедаям, стремились «к самосовершенствованию через познание и тренировку». Эти люди принадлежали к тем, кого сегодня называют «ботаниками». В 60-х годах XX века, когда вышли пилотные фильмы «звездных» саг, эти подростки не были «звездами» школьных спортивных команд, танцевальных площадок рок-н-ролла и не огорчали родителей тем, что примыкали к движениям, подобным хиппи. Это были тихие «зануды», которым учеба доставляла удовольствие. Они подвергались осмеянию со стороны сверстников и постепенно превосходили образованностью своих родителей. Они не выбрали в качестве жизненной цели сытость «американской мечты», а потому им стали чужды ценности как «взрослых», так и протестующей молодежи. Но им стали близки истории о подвигах, совершаемых не мощью мышц или денег, а силой интеллекта и особой одаренности, поэтому их настрой стал собирать первые сообщества фанатов, предпочтения которых сделали пилотные фильмы «звездными» сериалами. Итак, не экспансия образцов массовой культуры сформировала поклонников этих сериалов, а потребность армии «ботаников» в историях о будущем, в котором действительной силой станет знание. Эту потребность не удовлетворяли продукты массовой культуры, несущие грёзы о том, что в настоящем и будущем «всё будет хорошо». А вот истории, близкие к жанру научной фантастики, во-первых, утверждающие силу

¹ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/звездный_путь

науки, и, во-вторых, рисующие будущее, для перехода в которое в настоящем не было предпосылок, и за пределами земного пространства, их увлекли. «Ботаниками» легко были расшифрованы все цитаты из ментальных оснований различных культур, приводимых в этих историях, поэтому из данной смеси эти «зануды» создали историю желаемой для них культурной реальности. В замысле «звездных» историй, вызванном освоением космоса в 60-х годах XX века, «ботаники» того времени увидели образ «общества, основанного на знании», что превратило эти кинематографические эпизоды в масштабные проекты. Итак, в этих историях была угадана семантика, отсутствующая в них изначально, поэтому воздействие массовой культуры здесь было случайным, но стало триггером для создания будущим креативным классом новой прагматики, приведшей к становлению общества знаний, в котором мы все сейчас живем.

Модель поведения человека, принятую в новой культуре, можно обозначить словом «нерд»¹. Программа формирования нерда состоит в следующем. В детстве он должен быть таким «ботаником», который испытает много тяжелых моментов во взаимоотношениях с непонимающими его сверстниками и родителями, что до конца дней сделает его закаленным индивидуалистом и убежденным перфекционистом. В молодые годы он должен получить образование в элитном университете и еще несколько лет оттачивать свой профессионализм в различных формах послевузовского образования. В период своего становления нерд сочетает законопослушность с независимостью своих поступков и решений от принятых стереотипов. Он всегда и во всем «не как все», что делает проблемным его существование в повседневности. Но, как было замечено Чарльзом Дж. Сайксом — большим знатоком нерд-культуры, — «будьте добры к нердам: вполне возможно, через пару лет вы будете работать на одного из них»². Нерд заявляет о себе лично только в профессиональной сфере, во всем остальном (в хобби, в личной жизни, в социальной

¹ «Nerd» от искаженного слова «nut» (псих, чудака, зануда).

² Цит. по *Динпер Е., Седов А.* Теория Большого взрыва: гид по сериалу по версии Kuraj-Bamby. М. : Эксмо, 2012. С. 20.

активности) он избегает любых форм манифестаций. Этой скрытости жизни способствуют современные формы виртуальной реальности, которые, кстати, именно нердами были созданы.

Структурность новой культуры задана современными средствами коммуникаций, без которых была бы невозможна самоорганизация нердов. В этих коммуникационных средствах часто предпочитают видеть генезис социокультурных трансформаций. Однако данные технологии были разработаны нердами-учеными, внедрены нердами-инженерами и нердами-бизнесменами. Иерархия новой культуры задана знаками перфекционизма: профессиональными рейтингами, индексами публикационной активности, дипломами и степенями. В этом опять же воплощена неизменность стремления «к самосовершенствованию через познание и тренировку».

Стили новой культуры определяют символы-артефакты, которые стали в ней операторами социального действия. Они определили семиотические параметры реальности, ставшей комфортным способом жизни нерда в современной действительности. Оператором, продвигающим в повседневность результаты деятельности по разработке высоких технологий, стал стиль hi-tech. Этот стиль стоит отличать от синонимичного ему феномена Hi-Tech, поскольку основным потребителем одной группы новых технологий является не обычный покупатель, а другая группа новых технологий. Оператором, осуществляющим трансфер достижений Hi-Tech из области науки в сферу искусства, стал стиль sci-art. А оператором, осуществляющим тиражирование «звездной» идеологии, стал fan-art, в стилистике которого создано большинство компьютерных игр. По этим символам-артефактам в большинстве случаев опознаются социокультурные трансформации, захватившие современность.

Все воздействия новой культуры имеют антропологические последствия. Эти последствия выражают по-разному: от nobrow¹, буквально — «безбровый», что означает утрату границы меж-

¹ Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга, маркетинг культуры. М. : Изд. Ад Маргинем, 2005.

ду высоколобым и профаном, до kidadult¹, буквально — «ребенок-взрослый», что означает утрату границы между инфантильностью и ответственностью. В этих оценках схвачена трансформация образа современного человека. Эти образы фиксируют не только обучение младшими старших, а еще и то, что социальные компоненты «конструирования человека» мешают старшим повзрослеть.

Может сложиться впечатление, что при изложении структурных единиц новой культуры произошло отклонение от основной темы статьи. Однако выявленное культурное новообразование стало реакцией на конструирование создателей саморазвивающихся технологий. Этот ответ стихийен и представляет собой сборку тривиальных копий тех форм, которые в разные эпохи возникали в разных культурах. Но вся эта плотная сеть символизма технологий захватывает не столько повседневность человека, сколько самого человека (создателя технологий, их ресурса и продукта). В этом смысле «конструирование человека» удалось.

Есть поводы для оптимизма. Их предоставляют житейские выводы синергетики. Во-первых, если все пространство системы захватывает одно состояние, один образец поведения или один код, то это означает близость неустойчивого состояния, в котором малое воздействие способно изменить сценарий дальнейшей динамики. Во-вторых, если перед наступлением переходного состояния делают конкретный прогноз конкретного будущего («глобальное будущее 2045»), то это будет тот прогноз, который точно не сбудется. В-третьих, сложные системы в большинстве случаев оказывают сопротивление упрощению их «устройства», поэтому у биоэтики есть шанс сыграть решающую роль в приближающийся переходный период, когда потеря сложности социокультурной системы под воздействием технологий «конструирования человека» станет очевидной всем.

¹ URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/кидалт>

Библиографический список

- Барбери М. Лакомство / пер. с фр. Н. Хотинской. М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2006. 160 с.
- Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. СПб.–М. : Худ. лит., 1975. С. 234–407.
- Горбулёва М. С. Феномен памяти и его роль в маргинальных субкультурах // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2013. № 11. С. 188–193.
- Динпер Е., Седов А. Теория Большого взрыва: гид по сериалу по версии Kuraj-Vambeu. М. : Эксмо, 2012. 288 с.
- Инишев И. Н. Взаимосвязь визуального восприятия, пространства и действия в герменевтической концепции образа // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2014. № 7. С. 16–24.
- Лайкер Дж. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира / пер. с англ. Т. Гутман. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 402 с.
- Лангер С. К. Философия в новом ключе (исследование символики разума, ритуала и искусства) / пер. с англ. С. П. Евтушенко. М. : Республика, 2000. 287 с.
- Матвеева О. Ю. Новые города. Новые люди // Конструирование человека: сб. трудов междунар. конф. : в 2 т. Т. 1. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. С. 200–204.
- Мелик-Гайказян И. В. Memory-turn: проявленная биоэтикой брэнность интеллектуальных традиций // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1. № 1. С. 49–63.
- Мелик-Гайказян И. В. Новая культура для новых людей // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2014. № 7. С. 33–44.
- Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 18: Человек — NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования): сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. М. : Изд-во Москов. гуманит. ун-та, 2014. 152 с.
- Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1997. 384 с.
- Сибрук Д. Nobrow. Культура маркетинга, маркетинг культуры / пер. с англ. В. Козловой. М. : Изд. Ад Маргинем, 2005. 304 с.

- Тищенко П. Д. Россия 2045: котлован для аватара. Размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция» // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 181–186.
- Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие / пер. с англ. С. Г. Сычевой. Томск : Водолей, 1999. 64 с.
- Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинова. М. : Издат. дом «Классика-XXI», 2007. 421 с.
- Фрай С. Лжец / пер. с англ. С. Ильина. М. : Фантом Пресс, 2004. 444 с.
- Шестакова М. А. Эстетический поворот в гуманитарных науках // Вестник Москов. ун-та. Серия «Философия». 2013. № 3. С. 35–46.
- Юдин Б. Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5. № 5. С. 7–19.
- Alexander J. Iconic Consciousness: The Material Feeling of Meaning // Environment and Planning D: Society and Space. 2008. V. 26. P. 782–794.
- Alexander J. Iconic Experience in Art and Life: Surface / Depth Beginning with Giacometti's Standing Woman // Theory, Culture & Society. 25(5). London: Sage, 2010. P. 1–18.
- <http://ru.wikipedia.org/wiki/Джедаи> (дата обращения: 28.08.2015).
- http://ru.wikipedia.org/wiki/Клингонский_язык (дата обращения: 28.08.2015).
- http://ru.wikipedia.org/wiki/Институт_клингонского_языка (дата обращения: 28.08.2015).
- <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/Trekkie> (дата обращения: 28.08.2015).
- http://ru.wikipedia.org/wiki/звездный_путь (дата обращения: 28.08.2015).
- <http://ru.wikipedia.org/wiki/кидалт> (дата обращения: 28.08.2015).
- <http://www.ipr-tomsk.narod.ru/Series.htm> (дата обращения: 22.09.2015).

Конструирование человека: идеалы и технологии¹

Тищенко П. Д.

Designing of the Person: Ideals and Technologies

Tishchenko P. D.

Аннотация. В статье дается разъяснение понятия конструирования человека в соотношении с понятиями техники и технологии. Подчеркивается различие человека конструирующего и человека конструируемого. Отмечается роль идеалов, играющих регулятивную роль. Критикуются практики гипостазирования нормативных представлений, в частности человек-машина. Отмечается, что конструирование человека осуществляется как творческий двуаспектный процесс, включающий непосредственное биотехнологическое преобразование телесности и осуществляющееся параллельно конструированию социальной структуры, обеспечивающей биотехнологические инновации.

Ключевые слова. Конструирование человека, идеалы, человек-машина, биотехнологии, технологии, техника, мастерство.

Abstract. In article the explanation of concept of designing of human beings in the ratio with concepts of technique and technology was made. Distinction of the person designing and the person designed is emphasized. The role of ideals playing a regulatory role is noted. The idea of human-machine is criticized. It is noted that designing of human beings is carried out as the creative two-aspect process including direct biotechnological transformation of corporality and the designing of the social structure providing innovations.

Keywords. Designing of the person, ideals, human-machine, biotechnologies, technologies, equipment, skills.

Участвуя в родовом процессе, человек воспроизводит себя в своих детях в качестве биологического существа, которое преобразуется в личность в сложных процессах социализации (воспитания и образования). Этот род самовоспроизведения можно

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-23-01008.

представить как своеобразный крестьянский труд. Данное природой человек облагораживает (или портит), позволяет развиваться одним качествам и препятствует развитию других. Он сам для себя и других — дар природы. Можно радоваться щедрости этого дара или пенять на судьбу за его ущербность, но сам дар этим даром и остается. Подобную форму активного самовоспроизведения можно назвать уходом или заботой. Уход и забота лишь способствуют или не способствуют реализации природных задатков, но в существо этих задатков не вторгаются. Форма преобразуется в меру собственных потенций природного материала.

Иное дело, когда мы самовоспроизведение называем конструированием. Здесь явно витает образ деятельности ремесленника, который из инертного материала изготавливает то, что в материал сам вносит извне как внешнюю для него форму. Руда, при всем уходе за ней, не содержит в себе форму ножа или чаши. Не содержит в том смысле, в котором в семечке содержится потенция яблони с яблоками, содержащими другие семена как потенции других яблонь и т. д. Условием конструктивного подхода является *представление человека* в качестве системы, состоящей из частей или процессов, контролируя которые можно достичь желаемого эффекта. Смесь химических веществ в колбе создает гомункула в «Фаусте» Гёте, Виктор Франкенштейн создает «своего другого» из органов, изъятых из трупов разных людей и т. д.

Современные проекты конструирования человека, сохраняя сам конструктивистский подход, существенно отличаются от проектов Гёте и Мери Шелли. Отличие в том, что действия Вагнера, создавшего гомункула, или Франкенштейна, слепившего своего монстра из разрозненных органов и «оживившего» его разрядом гальванического тока, можно рассматривать как традиционную форму *мастерства*. В мастерстве явное знание неразличимо от знания-умения. Его нельзя отделить от своего носителя, его социо-психо-био-телесности. Нельзя объективировать в виде инструкций (технологий производства) — стандартизированных программ производственных действий. Оно остается «тайной» и для самого художника, и для других. Художник творит, не представляя свое действие как предмет контроля. При этом «продукт»

выступает уникальным *произведением*. Поскольку источником про-из-ведения произведения выступает мастерство, то он (продукт) рассматривается как уникальный *артефакт*.

Иная ситуация возникает тогда, когда вопрос ставится о конструировании. Собственно говоря, конструирование — это уже завершающий момент тенденции расколдовывания мира и действия мастера, их проектирования и проецирования вовне. Сутью этого процесса выступает преобразование техник мастерства в промышленные технологии. Конструирование — это разновидность технологического освоения реальности. Но что такое технологии? Существует масса определений и истолкований смысла этого понятия в отождествлениях и различениях с понятием техника. Рассмотрение этой проблемы не входит в мои планы. Сошлюсь на ее детальное обсуждение в книге, изданной под редакцией В. М. Розина¹.

В данной статье, как и в предшествующих публикациях, буду понимать под техникой современный феномен, который родственен мастерству ремесленника, но и отличен присутствующей в нем тенденцией к технологизации.

Различие техники и технологии достаточно условно. В первом приближении можно назвать *техникой* такую форму деятельности человека (как индивидуальной, так и групповой), которая опосредована его *личным навыком, знанием-умением*. Техника как деятельность образует орудийно-коммуникативную сеть габитусов человеческой жизнедеятельности. Естественно называть то, что используется в контексте этой деятельности в качестве средства, также техникой. В любом случае, можно сказать, что техника как средство выступает своеобразным продолжением умелых рук мастера. В этом смысле каждый человек с детства осваивает определенные техники овладения внешним миром, личностного взаимодействия с другими людьми и социальными институтами. Ученый как мастер, проводящий эксперименты и создающий новые знания, обладает техническим мастерством и оперирует машинами и механизмами как своей техникой.

¹ Традиционная и современная технология: (философско-методологический анализ) / ред. В. М. Розин. М. : ИФРАН, 1998. 216 с.

Отличие техники как деятельности ученого от техники античного мастера заключается, во-первых, в ее опосредованности научным знанием. Работая с тайной, античный мастер принципиально герметичен. Его знания не предполагают интерсубъективной коммуникабельности. Научное знание, опосредуя технику как деятельность, привносит с собой тенденцию к полноте представленности для другого, т. е. к воспроизводимости и, следовательно, и к тиражируемости. Но в феномене техники эта воспроизводимость еще частична. Она требует согласования не только на уровне явного знания, но и неявного, т. е. на уровне знаний-умений. Достижение подобного рода согласованности является важнейшей задачей научных школ, стажировок в разных лабораториях, свободной планетарного уровня миграции ученых между различными научными центрами, совместных обсуждений на конференциях и семинарах. Без живого личного участия воспроизвести результаты других ученых, ориентируясь только на публикации, чрезвычайно трудно.

Второе важное отличие заключается в том, что если мастер создает уникальное произведение, то изобретатель техники как продукта — шаблон для производства необходимого числа копий. Сохранение тождественности копий обеспечивается стандартизацией. Это третье важное свойство техники. Способ действия и его продукт как шаблон патентуются. В самой сути современной техники как способа производства и модели (шаблона) присутствует атрибут собственности (распределяемого ресурса или товара). И это будет четвертым существенным свойством современной техники.

О технологиях я буду говорить как о сложно сочетанных рефлексивно организованных и управляемых техниках. В определенной перспективе соотношение техники и технологий напоминает мне отношение между мануфактурой и промышленным производством. В мануфактуре работают мастера, но каждый из них производит не конечный продукт, а «заготовку» для другого мастера. Стихийный процесс дисциплинарного дробления науки создает стремительно растущее число ученых-специалистов (одномерных ученых) — научных сотрудников. Решение конкретных проблем требует междисциплинарной интеграции

специализированных дисциплинарных знаний. Научный институт представляет собой многоцелевое мануфактурное производство. Напомню, что мануфактура — это сложно сочетанное организованное во времени и пространстве взаимодействие мастеров. Благодаря включению в систему действие каждого из мастеров специализируется, теряет уникальность и стандартизируется, становится частным, т. е. частью, функционирование которой задается соответствующим образом организованной управляющей системой. Производство (особенно автоматизированное) доводит эту тенденцию технологизации до логического завершения.

Аналогичное явление мы имеем и в отношениях техники и технологии. Технология — это сложно сочетанная, распределенная в пространстве и времени, рефлексивно контролируемая координация специализированных техник для производства конечного продукта, представленная во всеобщей форме как некий стандартизированный шаблон или программа — как система деятельности конечного набора техник. Технологии, как и техники, выступают в форме собственности. Они также могут иметь товарную форму или распределяться как общественный ресурс. В любом случае статус собственности — это тот «стыковочный узел», который включает технологии в сети социальных взаимодействий (неважно, советского или буржуазного типа).

Взяв в расчет вышесказанное, можно считать биотехнологии разновидностью технологий, в которых живые объекты выступают либо как технические средства технологий (например, технологий производства биотоплива), либо как объект преобразования, т. е. «материя» для производства полезного артефакта. Поскольку различие факта и артефакта указывает на границу между миром природы и миром культуры, то, по сути, задача конструирования человека выражает некоторый *предел* исторического процесса, который (как планируют трансгуманисты) поставит человечество на грань с постчеловеческим существованием, т. е. с превращением в тотальный артефакт.

Поясню идею технологизации, которая лежит в основе конструирования, на примере проблем развития синтетической биологии.

Синтетическая биология — конструирование жизни. По определению социолога Х. Новатны и генетика Дж. Теста, синтетическая биология является «стремительно развивающейся, расширяющей свои границы дисциплиной со своими исследовательскими институтами, образовательными программами и специальными журналами, в рамках которой ученые в области биологии, химии, информатики, инженерных наук сотрудничают для редизайна существующих биологических систем и конструирования новых строительных блоков жизни, инструментов и конкретных систем для конкретных полезных целей»¹.

Перед синтетической биологией ставится цель — перейти от ремесленного труда в биологии к промышленному производству биологических систем, которое осуществляется по заранее имеющемуся плану. «Амбиции синтетической биологии заключаются в стремлении преодолеть современный [полуремесленный] исследовательский подход к жизни, строящийся на напряженном *ad hoc* экспериментировании, и перейти на новый уровень сборки биологических систем из стандартизированных частей, взятых “с полки” [своеобразного склада или, что еще удобней, заказанных к нужному сроку по каталогу у поставщиков биотехнологических полуфабрикатов]»².

В основе технологического мировидения лежит картезианское понимание организма как машины, устройство которой становится понятным в том случае, если его удастся разобрать на элементарные блоки, а затем провести обратную сборку, воспроизведя ее целостное функционирование. Причем и процедуры «разборки» — «сборки», и полученные элементарные блоки, из которых строится живое существо, необходимо должны быть универсализированы (стандартизированы). У Декарта эту проблему решал разработанный им «метод». Для синтетической биологии она имеет чисто практическое значение, одновременно знаменуя переход на новый уровень познавательного отношения к жизни — от объективного описания к конструированию.

¹ Nowotny H., Testa G. Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2010. P. 86.

² Ibid. P. 86–87.

«До сих пор биологические части исследуются в самых разных контекстах в огромном разнообразии организмов, в зависимости от целей, ставящихся конкретными лабораторными экспериментами. Результаты зависят от *индивидуального усилия ученого*. Они не являются результатом совместной исследовательской стратегии. Они основываются на *артистическом мастерстве*, но не на индустриальном производстве и использовании.

Задача синтетической биологии в том, чтобы создать из молекулярных компонентов жизни запасные части и затем использовать их для дизайна новых биологических систем»¹ (*курсив мой*. — П. Т.).

Принципиально важно отметить, что поставленная задача не может быть решена на уровне лишь предметно ориентированной технологической деятельности. Для реализации инноваций в биотехнологиях необходимо инновационное преобразование социальных отношений, в которые включены многочисленные акторы, деятельность которых распределена в обществе.

Ученый, создающий биотехнологический продукт, является, образно говоря, подсистемой социальной системы (социальной формы человеческой жизни), которая связывает его сетью отношений взаимной зависимости и ответственности с бизнесом, образовательными структурами, политическими и государственными агентами, общественными организациями и отдельными гражданами². Поэтому процессы жизни получают двойное отображение — в концептах науки и конструктах общества. Или можно сказать иначе: конструируется не только биологическая клетка, но и социальная «клетка» (социальная форма жизни). Общество выступает как своеобразная социобиологическая подсистема, которая *технологически* также выстраивается из стандартизированных элементов. В международном научном сообществе процесс этико-правовой стандартизации трактуется как гармонизация различных национальных нормативных баз научной деятельности.

¹ Nowotny H., Testa G. Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2010. P. 90.

² Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты, предприятия, государство. Инновации в действии / пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова. Томск : Изд-во Том. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.

Говоря о развитии синтетической биологии, ставящей задачу создать искусственную клетку из стандартизированных элементов, Новотны и Теста пишут: «Эффективное создание стандартов [в синтетической биологии] на основе измерений и унификации молекулярных элементов жизни коррелятивно связано со стандартизацией ответственного поведения [ученых] с точки зрения общества, политики и этики. Эта конвергенция открывает образ будущего, в котором стандартизация жизни будет развиваться именно в двух дополнительных смыслах»¹. Иными словами, общество не остается индифферентной средой биотехнологий. Оно, претерпевая кризис, вызванный биотехнологическими инновациями, начинает включать биотехнологические артефакты в свою становящуюся структуру². Общество как бы отображает молекулярно-биологические структуры.

Образно выражаясь, искусственная биологическая клетка созревает, как в инкубаторе, в искусственно созданной социальной «клетке», которая *конструируется* в контексте трансдисциплинарного взаимодействия гуманитариев, естествоиспытателей и представителей общества. *Без формирования этого социоклеточного инкубатора для биотехнологической инновации успех биотехнологий невозможен*. Отдельные открытия и изобретения так и останутся в «закромах» науки невостребованными обществом. Внедрять их, *насильственно принуждая* общество к потреблению научных достижений, опираясь на государственную власть, — дело малоэффективное, напоминающее обработку почвы мотыгой и уборку урожая серпом в век тракторов и комбайнов.

То есть биотехнологии представляют в этом смысле двойную социобиологическую спираль. Спираль двух типов технологий, которые в себе отображают ряд существенных черт, свойственных технологиям как таковым.

¹ Nowotny H., Testa G. Naked genes: reinventing the human in the molecular age. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2010. P. 85.

² Попова О. В. Кризис социальности в свете техник антропологического улучшения // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 19. Биотехнологическое улучшение человека: гуманитарная экспертиза. М. : ИФ РАН, МосГУ, 2014. С. 101–121.

С учетом сказанного перейдем к интерпретации проблем конструирования человека, имея в виду, что оно исходно двунаправлено. Ставя задачу конструирования человека, человек одновременно конструирует себя в качестве конструирующего субъекта, встроенного в сложную систему этико-правовых, политических и экономических отношений. Совершенно не случайно, что отечественный трансгуманистический проект «Россия–2045» включает не только план создания аватара, но и план политического преобразования общества.

Конструирование человека — природа творческая и природа сотворенная. В отношении конструирования человека, подражая Спинозе, можно выделить два понятия — природа творческая («*natura naturans*») и природа сотворенная (*natura naturata*), т. е. человек как субъект конструирующего действия и человек как конструируемый предмет.

Технологии — это способ производства некоторого конечного продукта, а *конструирование* представляет собой творческое создание этих способов. Тенденция технологий технологизировать конструирование пока серьезными успехами не разрешилась. Если технологии отчуждаемы и тиражируемы, то конструирование технологий пока сохраняет существенные характеристики творческого процесса, а следовательно, зависит от мастерства, знаний-умений (неявных — как индивидуальных, так и коллективных).

Поэтому когда мы ставим вопрос о биотехнологическом конструировании человека, то нужно не упускать из виду фундаментальную асимметрию между человеком-конструирующим и человеком-сконструированным, т. е. представленным в виде продукта тиражируемых технологий производства.

Человек-конструирующий — это реально думающие и работающие люди и группы людей, некоторые, выражаясь языком Канта, *ноумены*, т. е. *вещи в себе*, точнее — загадки для самих себя. Требование «Узнай себя!», звучащее из глубин древности, получает конкретные истолкования в каждую особую историческую эпоху, особую культурную ситуацию. Конструирование как форма технологий — один из мощнейших «трендов», кото-

рый пред-определяет и способ вопрошания, и ожидаемый «правильный» ответ на него. Познать «себя» означает аналитически разложить на стандартизированные элементы (совершить деконструкцию), а затем ре-конструировать в виде работающей системы.

Как сохранить в мысли неосмысливаемое, которое эту мысль принуждает к действию? Ответ уже лежит перед нами в форме вопроса. Ближайшее, что принуждает мысль мыслить, это проблема. В ней и через ее посредничество в феноменах просвечивает внемыслимая реальность — знание о своем незнании. Оно раскрывает для меня не только факт ограниченности наших знаний, но и их онтологическое пред-определение. Знание о своем незнании является способом укоренения и сохранения в мысли мира и себя как ноуменов¹.

Человек-конструируемый — этот тот идеальный образ или идеал, который выступает предпосылкой конструктивной деятельности, определяя принципиальные черты того, что конструирующий хотел бы сконструировать. Это теоретически осмысленный образ человека как *феномена*, т. е. как вещи *для себя*, как предмета преобразования. Например, аватар трансгуманистического проекта «Россия 2045» должен воплощать такие идеалы трансгуманизма, как здоровье (исключающее смерть), высоко развитый ум, высокие моральные качества (прежде всего — альтруизм) и т. д.

Принципиально важно, что идеальный образ конструируемого человека задается сквозь призму машинного видения реальности. Но насколько человек может пройти через игольное ушко машинного представления? Задав подобного рода вопрос, мы возвращаемся к фундаментальной проблеме возможности искусственного создания человека. Проект «Россия 2045» решает эту проблему поэтапно. Цитирую Википедию:

«Аватар А — небиологическое антропоморфное искусственное тело человека, дистанционно управляемое через интерфейс мозг — компьютер».

¹ Тищенко П. Д. Мир — машина: система и диастема // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 / Под ред. Ф. Г. Майленовой. М. : ИФ РАН, 2013. С. 10–25.

«Аватар Б — создание искусственного тела, пригодного для трансплантации в него головного мозга человека в конце жизни, а также обработка самой процедуры трансплантации. По мнению ряда ученых, человеческий мозг при определенных условиях способен функционировать гораздо дольше остальных органов физического тела, и поэтому перенос мозга в более совершенный, выносливый, долговечный носитель потенциально может продлить жизнь человека до 200–300 лет».

«Аватар В (в других публикациях ReBrain) — создание методики переноса нематериальной структуры сознания человека в полностью искусственное тело. Для реализации этого направления предлагается использование «обратного конструирования мозга» (В. Л. Дунин-Барковский).

«Аватар Г — создание тела из нанороботов и тела-голограммы».

Несмотря на суперсовременный характер этого проекта, основное возражение против него остается тем же, что и полвека назад. Приведу цитату из Э. В. Ильенкова, для того чтобы отдать должное его приоритету и, предварительно, очертить собственную позицию. Я полностью разделяю понимание, согласно которому «[т]езис о возможности построить машину, такую же умную и такую же нравственно-осмотрительную, как Человек, верен лишь при том допущении, что понятие «человек» скроено по образцу таких людей, которые действительно больше похожи на машину, чем на человека. С подобных «человеков» (а точнее, с реальных людей в их машинообразных функциях) и сделано, видимо, то «индуктивное обобщение», которое может показаться определением понятия «человек» (в его кибернетическом смысле. — П. Т.)»¹.

Думаю, что «машинообразность функций» следует трактовать расширительно, не сводить к машинерии действий рабочих. Сегодня, к примеру, представление о том, что человек создан по образу и подобию машины, а поэтому его в принципе возможно воспроизвести в виде машины — аватара, активно насаждается навязчивым внедрением всевозможных тестов (типа ЕГЭ) и объ-

¹ Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 288; URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/iddl/index.html>.

ективных показателей, за которыми человек как творческое существо просто становится ненаблюдаем. Общество обращается к человеку как *мегамашина* (Л. Мамфорд) на языке формальных индексов и показателей, лишенная человеческих качеств, не доверяя личности учителя (учителей) оценивать успешность освоения учеником или студентом образовательных материалов. Многими «реформаторами» науки, образования и здравоохранения (области для меня близкие) движет иллюзия, что «субъективность» (отождествляемая с коррумпированностью) может быть преодолена инсталляцией объективных показателей, мер, индексов и т. д. Но за любой объективной мерой стоит человек, ее изобретающий и использующий. И если не обращаться к нему как к личности — его совести, чести, профессиональному достоинству, — будет все та же коррупция, только припудренная объективными критериями. Идея человека редуцируется к набору машинных функций, а представление о благе («лучшем» и «худшем») сводится к чисто машинным, объективным показателям.

Более полвека назад А. Тьюринг предложил тест, который должен был ответить на вопрос: «мыслит» ли данная конкретная машина, обладающая «искусственным интеллектом»? Ответ заключался в том, что если человек, общаясь с компьютерной программой и другим человеком, не чувствует разницы между своими собеседниками, то можно сказать, что машина мыслит. Сегодня в массовой практике тестирования (типа ЕГЭ) эксперимент проводится с точностью до наоборот. Если программа узнает в школьнике «своего», не отличает его от другой правильно работающей (отвечающей на вопросы) программы, то, с точки зрения мегамашины общества, этот школьник считается «образованным», «мыслящим» человеком.

Человек ненаблюдаем для современной мегамашины общества в своем основном атрибуте — быть личностью: «Что же касается понятия «человек» в подлинном смысле слова, то его «определенность» заключается в отсутствии всякой заранее и навсегда закодированной в нем определенности. В универсальности. Той самой универсальности, которая позволила ему сделать все то, что он сделал в ходе своего исторического развития. И все,

что ему еще предстоит сделать в мире. В том числе и кибернетические машины, те и такие, какие ему понадобятся. И именно для целей его собственного развития, т. е. развертывания всех заложенных в нем возможностей»¹.

Соглашаясь с Э. В. Ильенковым в отношении связи «универсальности» и «неопределенности», а следовательно, и не предопределенности индивидуального развития человека, я не могу согласиться с его теоретическим экстремизмом, рассматривающим природную предпосылку человеческого существа как некую «чистую доску», на которой общество может нарисовать любой «иероглиф». Ведь ни одну из генетически заложенных в человеке возможностей он не относил ко «всем заложенным в нем возможностям». Ситуация мне представляется значительно более сложной — без диалектических «снятий» природного общественным или обратных, редуционистских сведений.

«Разумеется, будучи в принципе, в «сущности», универсальным (то есть *способным к любому человеческому действию и существованию*), реально-эмпирически любой человек не универсальное, а определенное (то есть «ограниченное») существо. Человек есть там, где есть такая индивидуализированная универсальность, «оединиченная всеобщность», как выразился бы Гегель. Или «всеобщая индивидуальность», личность, что одно и то же»². Соглашаясь с такой формулировкой, я вижу расхождение с Э.В. Ильенковым в одном принципиальном обстоятельстве. Дело в том, что, точно фиксируя парадоксальное определение личности как «индивидуализированной универсальности» («оединиченной всеобщности») и «всеобщей индивидуальности», Эвальд Васильевич не отнес квалификацию «оединичности» к Марксу, концепцию которого мыслил как единственно истинную. К. Маркс, как исторический индивид XIX века, создал одну из необозримого числа *конфликтующих в борьбе за признание философских доктрин* — «оединичных всеобщностей». Интересную, захватившую умы миллионов, но не единственно возможную. Опыт неоплатонической философии и апофатиче-

¹ Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 288.

² Там же. С. 289.

ского богословия, развитый в философии Владимира Соловьева, как раз и восполняет этот существенный недостаток. Создает *возможность мыслить всеобщее оединичным, т. е. личностно*. Именно он (опыт апофатики) дает перспективу содержательного осмысления необозримой множественности «оединичных всеобщностей» или «индивидуализированных универсальностей» как *необходимого основания биоэтики*¹.

В философии И. Канта апофатическая традиция реализуется в идее «вещи в себе» и различении регулятивных и конститутивных принципов в отношении к трансцендентальным идеям. В частности, принцип систематического единства относится лишь к познавательной способности (деятельности рассудка). Для рассудка он регулятивен, т. е. выступает как своеобразный *идеал* познания. Но он не является принципом систематического единства самого познаваемого объекта. Его нельзя конституировать в качестве «нечто» объективированного, превращая тем самым в то, что можно назвать *идолом*. Поясню сказанное на примере принципиальной *ограниченности* системного представления человеческих качеств.

Ограниченность системного представления. Любое научное представление человеческих качеств основывается на *творческом акте* задания системы. Только в форме системы (неважно — объектов или действий) ученый может *пред-*ставить — поставить перед собой *то, о чем* он ведет речь, что он исследует в качестве предмета. Одновременно, в том же акте представления, он позиционирует себя в качестве *субъекта* (наблюдателя), который исходно вынесен за рамки событий, разворачивающихся перед ним. Его суждения *объективны*, относятся к «первичным», принадлежащим самим вещам, а не к «вторичным» субъективным качествам познающего человека (Дж. Локк, В. Ф. Турчин).

Но и в *субъекте* человек, *творчески создающий мир* системно представленных представлений (частей или отношений — действий), имеет перед собой лишь *представление себя*, данное и представленное из позиции за рамками возможных представ-

¹ Тищенко П. Д. Биоэтика: множественность и мысль // Философия и этика: сб. науч. тр. к 70-летию академика А. А. Гусейнова. М.: Альфа-М, 2009. С. 709–722.

лений. С позиции того *частного* (единичного) мыслителя, который создал мир экспериментальной ситуации для изучения *всеобщих* характеристик природы и самого себя. Сознание человека всегда богаче его любого *самосознания* на создающую конкретные системные представления мощь «могу». Человек *может* представить «себя» в качестве субъекта столь же многообразным образом, сколь многообразны способы представления предмета перед ним в качестве системы — объекта. О его (человека) онтологическом «первородстве» свидетельствует прежде всего эта способность — он может представить так предмет исследования, а может иначе, он может так осмыслить себя или иначе. Его первородство — это его *могущество* (П. Рикер) как *частного мыслителя* (Л. Шестов), *оединичной всеобщности* (Э. В. Ильенков), которое нельзя схватить мыслью как некое устойчивое представление — понятие о самом себе. Оно *присутствует в парадоксах начинания*.

Присутствуя в парадоксах начинания, в многообразии актов, которые ученые обозначают словами и выражениями типа «пусть», «допустим», «будем считать», «предположим», «постулируем» и т. д., мысль остается непредставимой, загадкой, тайной, скрывающей собственно человеческое в человеке. Она присутствует в нем как *идеал*. Регулятивно, как сказал бы Кант. Любое конкретное научное *представление* мысли, возможность которого имеет в своей основе это таинственное непредставимое «пусть!», я буду называть *идолом* в том случае, когда эта мысль мыслит его (предмет как представление), абстрагируясь от лежащего в своем основании этого «пусть!» — от связи с усилием частного мыслителя. Регулятивные идеи в идолах превращаются в конститутивные. Оплотняются (объективируются) в вещественных носителях — нейронных сетях, кибернетических устройствах типа *аватара*, *понятиях субъекта, самосознания и т. д.*

Объективация идеи — необходимый момент ее саморазвития. Форма «для себя бытия», как сказал бы Г. В. Ф. Гегель, с которой мысль только и может работать, отстраивать свои собственные системы. В идол она превращается лишь в результате гипостазирования — неосторожной подмены «может быть» в «есть».

Человек *может быть* представлен в качестве кибернетической системы, моделируя те или иные аспекты своей жизнедеятельности, но он не *есть* кибернетическая система. Собственно говоря, тот же упрек мы можем адресовать и Гегелю. Если его *система*, как результат диалектического и спекулятивного саморазворачивания духа, исчерпывает свою предпосылку (свое «в себе бытие»), полностью опространствует ее в «для себя бытии» — системно представленной «абсолютной идее», то и здесь мы имеем «идола». Как завершенная, системно представленная система, гегелевская «абсолютная идея» представляет собой своеобразную *машину мысли* (аватар духа) — диалектико-логический *автомат*, который сам себя выстраивает, реализуя («опережающе отображая», если использовать теоретический каламбур П. К. Анохина) мечту современного технократического сознания. Его (гегелевского духа) машинная сущность проявляется в том простом обстоятельстве, что, когда бы он ни начал свою работу, он всегда будет выстраивать через *одну и ту же* конечную последовательность логических шагов *одну и ту же* систему.

Противопоставление диалектики как метода живого мышления диалектике как системе было формой сопротивления духу машинности в советском марксизме. Неслучайно, мне кажется, что И. Т. Фролов, ставя вопрос о том, как можно мыслить жизнь, делает концептуально важный шаг назад — от Гегеля к Канту, к идее регулятивности наших представлений как о «механизмах», так и «целях», против конститутивности, характерной для механицизма и идеалистических вариантов биологической телеологии. Идея целого в качестве «витающей предпосылки» (К. Маркс) научного и философского осмысления феномена человека, т. е. в качестве регулятивного понятия, выступает основанием не одностороннего философского или научного «монизма», а методологии комплексного подхода.

Касаясь смысла методологии комплексного междисциплинарного подхода И. Т. Фролова, Г. Л. Белкина и С. Н. Корсаков пишут, что исследование, относящееся к «комплексному человековедению, не противопоставляет философию и частные науки, не разводит жёстко по уровням, а соединяет в изучении комплексных

проблем человека, так сказать, настраивает ансамбль определённого состава, чтоб успешно справиться с данным конкретным произведением. Комплексное исследование человека без ответа на вопрос «Что такое человек?», которым занимается философия, невозможно»¹.

Соглашусь с этим утверждением, для которого и Платон дал дополнительные аргументы, подчеркнув, что, с моей точки зрения, речь может идти о «симфонии» различных наук и подходов лишь в рамках «конкретного произведения», которое возникает как ответ на конкретную *актуальную* глобальную, локальную или персональную проблему. Только в *контексте* конкретного ответа исследователь должен предполагать некий гипотетически возможный ответ на вопрос «что такое человек?». Гипотетически (регулятивно) сформулированное рабочее определение человеческой «чтойности» может претендовать лишь на роль «оединённого всеобщего», т. е. всеобщего релевантного «здесь-теперь» в контексте актуальности конкретного *комплексного*² исследования... Сразу отмечу, что идея человека должна в себя включать не только его «чтойность», но и «ктойность», не только всеобщее само-представление, но единичное присутствие...

Попробую сформулировать предположения идеи человека, релевантные для осмысления проблемы биотехнологического улучшения человеческих качеств (human enhancement), *отталкиваясь* от некоторых предположений Б. Спинозы.

Causa sue, канатус и модели самоорганизации. Человека возможно мыслить по-спинозовски в качестве *causa sue* — причины самого себя, в том числе в качестве причины собственных самопреобразований (изобретений). Причины парадоксальной. Его *само-сть* и *собственное* причастны как природе порождаю-

¹ Белкина Г. Л., Корсаков С. Н. Возможности и границы общенаучных и философско-антропологических подходов в изучении человека // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5. М.: ИФ РАН, 2011. С. 69.

² В рамках современной системной идеологии особое звучание приобрели проблемы комплексности, дав начало для philosophy of complexity. В отечественной литературе эта проблема часто транслируется как проблема «сложности». См. Аршинов В. И. Сложностное мышление и творческий процесс. URL: iph.ras.ru/uplfile/evolep/sem/25_03_2014_arshinov.pdf.

щей (nature naturans), так и порожденной (natura naturata)¹. Этот парадокс динамически напряженно выражается в *усилии* частного человека, *предоставляющего возможность* представить *то, о чем* ведется речь, в некотором универсальном (всеобщем) *представлении*.

Спиноза, как полагаю, схватывает этот парадокс в таинственной (П. Рикер) идее *канатуса* — идее изначального *усилия* выживания мысли к бытию, обращенности к нему в событии основополагающих различий — про-из-ведений и про-из-водств экзистенциальных, витальных, моральных, смысловых и т. д. и т. п. интервалов-горизонтов, в рамках которых человек ориентирует себя, осуществляет себя.

Причем поскольку это усилие лишь задним числом можно приписать действию человека в качестве субъекта, т. е. того, кто как мыслящий мог возомнить себя распоряжающимся и контролирующим весь процесс про-из-ведения, то, для восполнения оплошности, семантику слова *усилие* полезно было бы доопределить бергсонскими смысловыми компонентами стихийного, не-про-из-вольного *порыва*. Для мысли здесь нет возможности никакого произвола — просто ее воля-вольная и есть всегда уже это усилие. Поэтому точнее было бы использовать словосочетание «усилие-порыв». Хотя в слове «порыв» содержится представление о чем-то скоротечном. Поэтому точнее пришлось бы другое, простонародное слово — *пруха* как то, что из мыслящего существа *прет*, — как по весне прет из земли зелень на грядке. Он (мыслящий человек) в этом *прении* живет. Это и есть его жизнь, мощь бытия, через него осуществляющаяся.

¹ «Прежде чем идти далее, я хочу изложить здесь или, лучше сказать, напомнить, что мы должны понимать под natura naturans (природа порождающая) и natura naturata (природа порожденная). Из предыдущего, я полагаю, ясно уже, что под natura naturans нам должно понимать то, что существует само в себе и представляется само через себя, иными словами, такие атрибуты субстанции, которые выражают вечную и бесконечную сущность, т. е. ... бога, поскольку он рассматривается как свободная причина. А под natura naturata я понимаю все то, что вытекает из необходимости природы бога, иными словами, — каждого из его атрибутов, т. е. все модусы атрибутов бога, поскольку они рассматриваются как вещи, которые существуют в боге и без бога не могут ни существовать, ни быть представляемы». Б. Спиноза «Этика», часть I, теорема 29, схолия. URL: http://justlife.narod.ru/ethica/parts/ethica_part_1.

Канатус как различающее, и тем самым осново-полагающее начало присутствует в уже различном как онтологический срыв, пауза в бытии, вышибленность себя из себя самого в ужасе и/или хохоте, в трагических и комических апориях действующих лиц, антиномиях или парадоксах разума. О нем вполне можно сказать словами героя Гете — Мефистофеля:

Я — части часть, которая была
Когда-то всем и свет произвела.
Свет этот — порожденье тьмы ночной
И отнял место у нее самой¹.

Физика дает свет для естественного знания «законов неба», философия — свет «морального закона», творческое жизненное усилие ускользает во тьму... в безмерность как начало всех возможных мер, возможных практик выведения предмета мысли в свет конкретного научного или философского представления. Она *естественно* как то, что в самом *есть* может быть застигнуто лишь как след, как *граница*, задающая свой режим выдвигания к бытию, становлению и их (бытия и становления) познанию (Аристотель).

С этой точки зрения, я полагаю, что спинозовскую *causa sui* (парадокс причины самого себя) не следует путать с конкретными системными *представлениями* эффектов самоорганизации. Последние наблюдаемы и регистрируемы лишь в *сконструированных* исходным предположением «пусть!» системах (мирах). Когда система нелинейных уравнений задана *творческим усилием*, когда задана термодинамическая система, когда введено само понятие системы, а вслед за ним *предположена* та или иная ее структура — к примеру, по типу кибернетической системы (пусть даже с включенным наблюдателем, как в кибернети-

¹ Это тьма изначального состояния. Прислушаемся к словам Библии:
В начале сотворил Бог небо и землю.
Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною,
и Дух Божий носился над водою.
И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.
И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.

ке), — только тогда ученый приобретает возможность для своих утверждений относительно эффектов самоорганизации, которые представляют «дыры» сингулярных событий в созданной им экспериментальной модели. Но использование этого «дара» сингулярных «дыр» обусловлено «жертвой» ненаблюдаемости и непредставимости изначального парадокса творческого акта задания систем. Творческое «Да будет!», таинственную природу которого не разгадывает, а загадывает идея *causa sui*, является условием возможности научных опытов исследования эффектов самоорганизации.

С моей точки зрения, в неразличении регулятивного и конституитивного планов (идеалов и идолов) научного представления мира (человека, живой природы, природы как таковой) лежит основной недостаток и теории метасистемных переходов В. Ф. Турчина и теории аутопоэзиса Ф. Вареллы и У. Матураны. Они гипостазируют свои первоклассные научные представления, превращая научные идеи в натурфилософские¹. Путают *может быть представлено*, с представлением как *есть*. Человек *может быть представлен как кибернетическая система или аутопоэтическая система, но он не есть кибернетическая или аутопоэтическая система, поскольку: во-первых, последним не может принадлежать само это «может быть», а во-вторых, ему (человеку) принадлежит еще возможность необозримого многообразия возможных представлений себя в качестве самых разнообразных моделей не только в естественных науках, но и социальных, гуманитарных, в богословиях, теософиях и т. д. и т. п....* Вся эта *мощь возможностей* для человека изначальна. В отличие от кибернетических и аутопоэтических систем у человека есть «среда»,

¹ Натурфилософия может быть эвристически полезной, но только если она не путает «может быть» с «есть». Но без подобного рода путаницы и подмены ни о каком кибернетическом бессмертии мечтать не придется. Вот характерный пример из «Кибернетического манифеста»: «Успехи науки позволяют поднять знамя кибернетического бессмертия. Человеческое существо есть, в конечном счете, кибернетическая система — определенная форма организации материи, которая включает многоуровневую иерархию управления». См.: URL: <http://refal.net/turchin/phenomenon/cybernetic-manifesto.htm>. Проблема в том, что в конечном и изначальном смысле человек не есть кибернетическая системы, хотя и может быть таким образом представлен для решения конкретных научно-технологических проблем и задач.

он разомкнут в мир как бесконечно возможный в формах своих научных и иных представлений. Многообразные системные концепции, включающие *наблюдателя* в систему, очень напоминают классические автобиографические (чем не авто-поэтические?) романы, в которых *автор* предстает как *герой*, пишущий роман. Пишущий *может быть* представлен как герой-автор, но он *не есть* этот герой-автор (аналог аватара). Ему принадлежит *дистанция* возможности представить себя в романном слове так или иначе. Его «собственным» является тот *молчаливый мрак бесконечно возможностного мира*, о котором словами Мефистофеля так точно высказался Гете...

Приведу пример корректного, свободного от эффектов гипосташирования, чисто *регулятивного* использования идеи системного единства одним из интереснейших теоретиков биологии XX века — Рене Томом. С его точки зрения, жизнь «сама по себе» присутствует в биологии как некая данная в многообразии человеческого опыта предпосылка. Но как целое она теоретически непредставима. То, с чем имеет дело ученый, — всегда лишь «модель». «[У]ченый не может наблюдать всю Вселенную целиком. Он вынужден выделить для наблюдения и эксперимента некоторую подсистему, внутренняя эволюция которой не зависела бы от остальной части Вселенной. Практически ученый изолирует подсистему S в камере B, уточняя ее геометрические характеристики и природу используемых инструментов регистрации»¹. Этим шагом «выделения» подсистемы из «всего», которое не дано, но лишь загадано, создается мир конкретной теории, которая, отказываясь от претензии на истолкования целого, приобретает статус теоретической модели. Целое, по словам Маркса, работает как «витающая предпосылка» мысли, но не объективируется в ее (мысли) предмете. Действуя так, «разум пытается снять неопределенность и таким образом предвидеть будущее развитие путем использования *локальных моделей*. Начиная с этого момента, понятие пространственно-временного объекта влечет за собой обращение к понятию модели»².

¹ Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез / пер. Е. Г. Борисовой, А. Родина. М.: Логос, 2002. С. 20–21.

² Том Р. Там же. С. 10.

Учитывая сказанное, можно содержательно взглянуть на идею биотехнологического конструирования человека.

Конструирование «себя». *Человек сам себе не дан, но лишь загадан.* Ни природа, ни культура не предопределяют его как уникальное существо. Они скорее *определяют*, накладывают предел на то, что возможно или невозможно сделать. Эту «определяющую» роль, к примеру, генетической наследственности, мы должны мыслить в том же смысле, в котором можно сказать, что физические законы (типа Ома, Ампера и т. д.) *определяют* возможность изобретения электрической лампочки, электромотора или компьютера (накладывают граничные условия), но *не предопределяют* индивидуальное существо конкретного изобретения. Лишь усилие-порыв (канатус) изобретателя, комбинирующего возможности материала, придает неповторимую форму изобретению. Создает, основываясь на одних и тех же законах, совершенно различные изобретения. Доставшийся человеку при рождении геном не предопределяет его к тому, чтобы он стал музыкантом или баскетболистом. Он, с моей точки зрения, является лишь материей, податливой или сопротивляющейся, дарящей дар дарований или неприглядную судьбу бездарного человека, т. е. человека не сумевшего раскрыть в себе иные дарования — свой особый природный (как, впрочем, и культурный) дар.

Человек, будучи не дан для себя, но лишь загадан, должен *себя* найти, встретить, создать — обрести заново, изобрести. Причем создать не только как некое новое качество (форму) своего сознания и/или телесной жизни, но и как жизненный мир, в который эта новация должна быть вписана. К примеру, биотехнологически изобретая себя в качестве трансгендерного существа (транссексуала), человек не может одновременно не создавать (изобретать) соответствующее жизненное пространство, в котором это изобретение будет обретать. Параллельно формируются (изобретаются) новые формы личной биографии, семьи, родительства, правовых и экономических отношений и т. д. В этом коллективном изобретательстве активную роль играют кинематограф и телевидение, художественная литература, законодательная и политическая деятельность.

Поэтому, биотехнологические инновации всегда включают социальные новации, которые не исчерпываются этико-правовым нормированием, но предполагают также творческое, художественно-экспериментальное преобразование эстетико-имагинативной реальности человеческого существования, возникновение и пролиферацию в жизненный мир соответствующих новых хабитусов. Только так человек может *изобрести* себя, с тем чтобы наконец-то этого «себя» *обрести*, и только в этом случае получить возможность *обретать* в им же созданном мире.

С учетом сказанного прислушаемся к тем смысловым отношениям, которые привносит «самость» в представление о том, что человек сам себя конструирует. Является ли он уже «собой» тогда, когда этого «себя» изобретает, но еще не изобрел? Останется ли он собой тогда, когда наконец-то изобретет себя, создаст свой бессмертный «альтруистичный» аватар, как планируют трансгуманисты?

С учетом сказанного в предварительных рассуждениях ответ будет прост — человек *есть* сам для себя тогда, когда его для себя *нет*. Когда он сам для себя присутствует как проблема. Когда его бытие (усилие-порыв канатуса) обращено к себе с вопросом о собственном смысле, деятельно устремлено в нужде обретения и практиках изобретения. Деятельно недоволен собой. Или, как говорил К. Маркс, — самоустремлено¹.

Каждая культура имеет свои тропы мысли, свои пути изобретения человеком себя самого, исполнения своего предназначения. Одни были у ацтеков, другие в древнем Китае, свои на Тибете, в Индии или арабских халифатах. Царских путей нет... Биотехнологии раскрывают свой особый путь изобретения человеком себя. Причем это изобретательство нельзя сводить только к предметным преобразованиям — биотехнологическим манипуляциям с телом. Одновременно, в том же самом творческом процессе человек конструирует себя как конструирующего, как творчески работающего ученого и практика.

¹ Тончайшая архитектура самоустремленности человека дана в работе В. С. Библера *Самостояние человека*. Предметная деятельность в концепции Маркса и самодетерминация индивида. Кемерово, 1993.

Человек постоянно изобретает и переизобретает себя в качестве свободного, самостоятельно мыслящего и ответственно действующего индивида. В этом пафос гуманизма как идеи и идеологии европейской культуры, который в современных условиях конкретизирован в идеале «нового гуманизма» (И. Т. Фролов), включающего глобальные проблемы современности, ответственность за сохранения окружающей природной среды и ответственность перед будущими поколениями. Причем в отличие от других областей человеческого творчества, в которых также постоянно изобретается и переизобретается человек как изобретатель, в сфере биомедицинских технологий изобретение «себя» превращается в самостоятельную, институализированную деятельность критической этико-антропологической рефлексии — *биоэтику*.

В определенном смысле можно сказать, что гуманистический идеал всесторонне развитого, гармоничного человека эпохи Возрождения в последующие столетия раздвоился по линии разграничения свободы воли и всеобщей детерминированности событий (третья кантовская антиномия), сознания и машины тела (картезианский дуализм). Это раздвоение произвело две относительно независимые *регулятивные идеи (два идеала)* — *здоровья и свободы* человека. Медицина руководствовалась первым идеалом, политическая борьба — вторым. В биотехнологиях, за счет инкорпорирования биоэтики, эти две регулятивные идеи, разобщенные в предшествующие столетия, воссоединяются. Достижение *здоровья* человека должно быть обеспечено уважением его *свободы и достоинства*. В этом смысле биоэтика — это сфера постоянных преобразований (*изобретений*) социальных и личностных атрибутов человека, изобретение и переизобретение человеческой *самоидентичности, которое происходит параллельно с научно-технологическим прогрессом*.

Биоэтическое конструирование и производство идентичности человека. Идеал всестороннего развития человеческих способностей и задатков реализуется биоэтикой за счет синергии трех видов деятельности: *борьбы за права человека, делиберативных процедур (дискуссий, обсуждений, консультаций)* и *процедур формирования коллективной воли* (А. Грамши, Ю. Хабермас).

Концепт *прав человека* дает практически каждому индивиду (и/или социальной группе) возможность потребовать от общества признания своей особенности (потребности) в качестве легитимной, что предполагает претензию на ее общественное обеспечение. Право человека на охрану здоровья — это изобретение XX века, которое остается для огромного числа стран нерешенной социальной проблемой и сегодня. На этом примере видно, что формального признания права еще недостаточно — необходимо многоаспектное правовое, экономическое и политическое обеспечение. Но в любом случае, концепт прав человека ограничивает абсолютистские требования традиционных представлений, создавая *возможность для борьбы за полноценную легитимацию особенностей жизни человека и его потребностей*, которые, как социогуманитарные инновации, создаются на основе изобретений биомедицинских технологий. В этом смысле он является *детонатором процессов, связанных с разрушением традиционных форм идентичности и самоидентичности*, и негативным условием формирования новых, контингентно установленных (например, через закон) форм.

Например, новые репродуктивные технологии оплодотворения в «пробирке» с последующей имплантацией эмбриона создают условия для возникновения новых типов семьи, в которой возможно наличие не одной, а двух или трех матерей, двух отцов, рождение ребенка, который будет одновременно и сыном, и внуком родившей его женщины, а также братом и сыном женщины, отдавшей свою яйцеклетку. Из этих же биотехнологически обеспеченных потенциалов постепенно возникают гомосексуальные и транссексуальные семьи.

Но право человека на признание особенности своего существа не гарантировано. По сути, оно представляет собой лишь *возможность претендовать* на легитимацию. Следующий шаг на пути изобретения новой идентичности совершается делиберативными практиками.

Делиберативные практики (обсуждения) являются универсальным механизмом, во-первых, формирования и, во-вторых, согласования ценностей и интересов различных социальных

субъектов перед лицом требования признания, выдвигаемого на основе прав человека. В зависимости от того, какие социальные субъекты участвуют в обсуждении, можно выделить современные формы делиберативной демократии, широко применяющиеся общественные дискуссии, и авторитарные практики, в которых обсуждения ограничиваются выявлением и согласованием интересов ограниченных групп заинтересованных лиц (политиков, религиозных деятелей, ученых и практиков в области биологии и медицины). Опыт публичного обсуждения антропологических и этических проблем, порождаемых биотехнологическим прогрессом, формирует самосознание зрелых самостоятельных граждан, от позиции которых напрямую зависит успех или неуспех претензий на легитимацию новых форм человеческой идентичности. Отказ от демократических процедур (общественных обсуждений) инфантилизирует общество, плодит в массовых масштабах иждивенческое сознание несамостоятельных подданных.

В основе формирования *коллективной воли*, как заключительного момента самостабилизации самоидентичности человека, дестабилизированной требованием признания новой, ранее не признававшейся особенности образа жизни или потребности на основе концепта прав человека, лежит легитимное для конкретного сообщества право определенного института выступать от имени «всех» в конкретных специфицированных законом или обычаем ситуациях (президент, парламент, правительство, министерство, корпорация и т. д.). Огромную роль в этих процессах играют социогуманитарные технологии, формирующие «голоса» и самопонимание социальных акторов.

Три синергично работающие практики изобретения и переизобретения идентичности человека используют в качестве регулятивного принципа (*идеала*) концепт человеческой свободы. Парадокс в том, что каждая из практик как бы поддерживает другую, уберегает от превращения идеала в идол. Требование прав без готовности обсуждать с другими и участвовать в формировании коллективной воли превращается в насильственное проталкивание своего случайного интереса или ценности, продуцирует

насилие. Примером могут служить многочисленные грубые насильственные акции защитников права на жизнь против врачей и женщин, совершающих аборт. Они путают *идеал* с его конкретным воплощением в запретительных моральных или правовых нормах, которые становятся пустыми идолами, оправдывающими насилие над другими. Делиберация сама по себе превращается в театрализованное представление (ток-шоу), служащее не для прояснения сложности проблем, а для развлечения публики. Формирование коллективной воли без обеспечения этой процедуры двумя другими практиками повсеместно формирует государственный произвол.

Однако синергия трех вышеназванных деятельностей сама по себе еще недостаточна, в ней есть своя — принципиально иная плоскость гипостазирования, превращения *идеалов* в *идолы*. С моей точки зрения, это превращение осуществляется всегда тогда, когда регулятивную идею мы заменяем некоторыми объективными показателями — когда человек борется с давлением, холестерином или сахаром вместо того, чтобы заботиться о здоровье как образе жизни. Поэтому мы не можем назвать улучшение показателей памяти или способности решать типовые задачи, отвечать на задания тестов после приема лекарств улучшением человека (human enhancement), поскольку целью должна быть свобода и счастье человека, его исполнение как личности. Человек может не состояться и при наличии высокого интеллекта, и быть счастливым со средними способностями в том случае, если он найдет себя в жизни. То же самое касается идеала *свободы* человека, который сплошь и рядом замещается процедурой *выбора* между несколькими «опциями». В кибернетическом моделировании человеческого поведения эта замена — естественная и необходимая условность... Но человеку принадлежит большее. Его свобода не в выборе вариантов правильного ответа, а в способности сформулировать задачу, способности создать модель той или иной ситуации, не забывая о ее условной (как если бы) природе. Биоэтике как творческому процессу угрожает опасность превратиться в «механизм» социальной «мегамашины», редуцироваться к формально-бюрократическим процедурам за-

полнения и визирования различных форм, в бумажную работу, которой в современных лабораториях нередко занимаются эксперты-«биоэтицисты». При этом сами ученые могут и не интересоваться реальными моральными проблемами испытуемых или пациентов...

Заключение. Рассуждая о перспективах, допустимости или недопустимости тех или иных биотехнологических проектов улучшения человека (human enhancement), принципиально важно не терять из виду различие между *идеалом* совершенного, гармонично развитого человека и объективно фиксируемыми улучшениями его тех или иных качеств, которые принадлежат человеку, но не являются им *самим*.

Библиографический список

Аршинов В. И. Сложностное мышление и творческий процесс. URL: iph.ras.ru/uplfile/evolep/sem/25_03_2014_arshinov.pdf

Белкина Г. Л., Корсаков С. Н. Возможности и границы общенаучных и философско-антропологических подходов в изучении человека // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 5. М.: ИФ РАН, 2011. 67–86.

Библер В. С. Самостояние человека. Предметная деятельность в концепции Маркса и самодетерминация индивида. Кемерово, 1993.

Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 288. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/iddl/index.html>.

Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты, предприятия, государство. Инновации в действии / пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова. Томск: Изд-во Том. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.

Попова О. В. Кризис социальности в свете техник антропологического улучшения // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 19: Биотехнологическое улучшение человека: гуманитарная экспертиза. М.: ИФ РАН, МосГУ, 2014. С. 101–121.

Тищенко П. Д. Биоэтика: множественность и мысль // Философия и этика: сб. науч. тр. к 70-летию академика А. А. Гусейнова. М.: Альфа-М, 2009. С. 709–722.

Тищенко П. Д. Мир — машина: система и диастема // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 / под ред. Ф. Г. Майленовой. М. : ИФ РАН, 2013. С. 10–25.

Традиционная и современная технология: (философско-методологический анализ) / ред. В. М. Розин. М. : ИФРАН, 1998. 216 с.

Рене Т. Структурная устойчивость и морфогенез / пер. Е. Г. Борисовой, А. Родина. М. : Логос, 2002. С. 20–21.

Nowotny H., Testa G. Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2010.

Тематизация феноменов смерти, донорства и трансплантации органов в произведениях современной фантастической литературы: этико-антропологический взгляд

Попова О. В.

Phenomena of Theming Death, Organ Donation and Transplantation in the Works of Contemporary Fiction: Ethical and Anthropological View

Popova O. V.

Аннотация. В статье в этико-антропологическом ракурсе рассматривается проблематизация феноменов смерти, донорства и трансплантации органов в произведениях современной фантастической литературы. Продемонстрировано, что донорство и констатация смерти являются социокультурными феноменами и произведения фантастики отражают связанные с ними социокультурные коннотации, мировоззренческие установки, мифы и предубеждения.

Ключевые слова: смерть мозга, донорство органов, трансплантация органов, философия фантастики.

Abstract. In the article in the ethical-anthropological perspective is considered problematisation of phenomena of death, organ donation and transplantation in the works of contemporary fiction. It demonstrated that donation, and a statement of death are socio-cultural phenomena and works of fiction reflect the associated socio-cultural connotations, worldviews, myths and prejudices.

Keywords: brain death, organ donation, organ transplantation, the philosophy of fiction.

Донорство и констатация смерти являются социокультурными феноменами. С ними связаны выработанные в контексте той или иной культуры онтологические и гносеологические коннотации, различные акценты в отношении того, где проходят границы сознания/тела, живого/мертвого, личного/общественного и т. д., артикулирующие то или иное культурное «чувствование» практик дара (донорства) и понимания жизни и смерти.

Восприятие смерти как смерти мозга на протяжении последних нескольких десятилетий оказалось связано с определенными опасениями, мифами, предубеждениями социокультурного характера. Например, в Российской Федерации, как правило, высокий уровень недоверия к развитию института трансплантологии связывается с распространением в СМИ ложных слухов о «черных рынках» трансплантации, вызывающих деформацию положительного отношения общества к донорству, а также к констатации смерти на основании диагноза смерти мозга. Между тем настороженное отношение к донорству и констатации смерти мозга вызывается также распространением стереотипов о донорстве под воздействием различных культурных феноменов: художественной литературы, произведений кинематографии, изобразительного искусства и т. д. Они обращены к массовому читателю (зрителю), способствуя формированию общественного мнения относительно жизни и смерти, и должны быть исследованы, осмыслены, чтобы дать адекватные ответы на проблемы, волнующие массовое сознание.

На сегодняшний день весь цикл гуманитарных дисциплин так или иначе вовлечен в осмысление фантастических технологических перспектив будущего, кардинально влияющего на наш образ бытия, изменяющего характер вопрошания о человеке, об антропологических константах бытия. В поисках ответов на философские вопросы происходит обращение к литературным произведениям, написанным в жанре фантастики, особенно научной фантастики. В ней раскрывается мощный трансформативный потенциал, обеспечиваемый невероятными темпами научно-технического прогресса. В произведениях фантастики рассматриваются нормы и правила, по которым может жить технологически улучшенный, усовершенствованный человек в воображаемом мире, здесь отражаются возникающие вследствие научно-технического развития различные этические траектории, в том числе — не самые привлекательные. Это особенно характерно для утопической фантастики.

В фантастических произведениях человек вынужден выйти за пределы традиционных представлений о добре и зле, о естественном и искусственном, природном и технологическом, а также примерить на себе те или иные способы оценки мира, познать различные шкалы ценностей. Исследование фантастики представляет значительный интерес для тематизации многих проблем современной биоэтики, переосмысления ее тезауруса и проблемного поля, осмысления ее ценностей. Как справедливо отмечает В. Ю. Кузнецов, «никаких фантастических ценностей, конечно же, не существует — не потому, что невозможно ценить продукты фантазии (это-то вполне возможно), и даже не потому, что нельзя придумать какие-то вещи или идеалы, достойные устремления не меньше, чем обычные и обиходные (это тоже удастся, хотя уже и с большими трудностями), а просто потому, что совершенно невозможно ценить что бы то ни было понарошку: в том смысле, чтобы совмещать восприятие некоторой ценности как ценности, достойной стать конечным основанием целеполагания, и — одновременно — как произвольной условности, которую можно спокойно в любой момент заменить или от которой вообще можно свободно отказаться. Другое дело, что фантастика предоставляет уникальные возможности для переоценки всех ценностей (почти по проекту Ницше) или хотя бы для оценки иных версий ценностных иерархий и предпочтений. Однако в любом случае необходима определенная привязка к тем или иным ценностям, принимаемым по умолчанию, поскольку иначе не получится воспринять новые, необычные и непривычные идеи в качестве ценных»¹. Герои фантастической прозы вымышлены, их жизнь протекает в воображаемом социальном пространстве, однако неотъемлемой чертой их существования является демонстрация традиционных ценностей, вступающих в конфликт с новыми ценностями технологического сообщества.

Дискурсы фантастической литературы интересны тем, что позволяют приподняться над разделяемыми сообществом представлениями о человеческом/нечеловеческом, обратить внима-

¹ Кузнецов В. Ю. Философия фантастики. К постановке проблемы. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-fantastiki-k-postanovke-problemy>.

ние на границы антропологической нормы и ее вариативность, осмыслить уже сложившиеся социальные практики, а также, что особенно важно, указать на подводные камни применения той или иной технологии. Современная фантастическая проза концентрирует внимание не только на социальных эффектах технологий будущего, но также проблематизирует уже освоенные технологии. Предпримем попытку показать, как в современной фантастической прозе осуществляется тематизация таких проблем, как смерть мозга, донорство, трансплантация органов.

Человек и его имя. История современной биоэтики демонстрирует, что биотехнологическое улучшение «полноценных» людей происходит через инструментальное использование телесности тех, кто по каким-то критериям не считается полноценным человеком, например, тех, чье существование не удовлетворяет критериям жизни, которую следует поддерживать, и т. д. Это улучшение невозможно без различного рода языковых игр, позволяющих провести границу между людьми/нелюдьми, своими/чужими, полноценными/неполноценными и т. д. Человек в различных дискурсах всегда репрезентирован как абстракция, то есть как результат чьих-либо притязаний, редуцирующих человека, а также выстраивающих, достраивающих его до некоей среднестатистической нормы или наоборот изображающих человека в гипертрофированном виде в соответствии с идеалом общественно-политического, экономического, культурного развития и авторским замыслом. Словарь имен человека создается в том числе и для оправдания нечеловеческих действий.

Например, называя пациента с диагнозом смерти мозга «артефактом технологической поддержки», «овоцем», «растением», мы, в духе инструментальной рациональности, способствуем использованию его в прагматических целях (использованию органов для улучшения состояния здоровья нуждающихся). Называя человеческое существо «преэмбрионом», мы предоставляем возможность ученым осуществлять над ним исследовательские манипуляции в легитимной перспективе и т. д. Переходя в рассуждениях о человеке от персональной «грамматики» к грамматике «вещи» «артефакта» и т. д., мы исполь-

зуем дискурсивное пространство как инструмент легитимации определенных прагматических действий по отношению к человеческому существу.

Когда мы именуем человеческое существо тем или иным образом, мы определяем его судьбу. Игра с именами свидетельствует о том, что человека могут убить до того, как он умрет. Эта проблема очень плохо прочувствована и мало исследована в современной научной литературе, однако к проблеме именования, рассматриваемой нами в контексте тематизации смерти мозга, донорства и трансплантации органов, оказывается сенситивна фантастическая проза. Так, в работе Стивена Полански «Отчет Бредбери», посвященной одновременно и философским проблемам клонирования человека, и освещению этической напряженности развития института донорства и трансплантации органов, есть интересный пассаж на эту тему, выявляющий невидимые аспекты именования. «Термины, которые мы используем, «оригинал», «копия», — были придуманы, чтобы выставить в выгодном свете разработчиков и не обращать внимания на новые исследования, чтобы отдалить нас от науки, сделать более спокойными, более лояльными и, в итоге, слепыми. С согласия американской общественности клонирование с благодарностью положено в основу федеральной системы здравоохранения. Эта байка убеждает и умиротворяет нас, к тому же позволяет правительству не слишком заботиться о совершенствовании здравоохранения»¹. Владение именем «оригинал» предоставляет возможность понимания человеческого существа как источника истинно человеческого, в то время как с «копией» связаны коннотации, имеющие отношение к вторичному, вещественному, порожденному, обладающему исключительно биологическим модусом бытия, произведенному с утратой сущности, души, что делает человека человеком, сконструированным особыми социальными технологиями, направленными на формирование индивида-донора. «Оригиналы» в упомянутой книге — это существа, находящиеся на значительно более высокой онтологической нише, чем фактически являющиеся артефактами, живыми вещами, их копии.

¹ Полански С. Отчет Бредбери. URL: <http://coollib.com/b/248863/read>.

Оригинал воплощает в себе аутентичное бытие, реализует «бытие самим собой», то есть бытие, исходящее от самого человека, от его личностного поступания, не детерминированное в самых важных аспектах существования ничем иным, кроме как волей поступающего. Важной характеристикой такой аутентичности является естественное формирование телесности, неконструируемость телесной идентичности.

Книга «Отчет Бредбери» наполнена аллюзиями на библейские темы. Оригинал «является новым Адамом, современным Адамом, Адамом-добровольцем, Адамом с просвещенным личным интересом, Адамом, которого просят не слишком рисковать (кровяная клетка или две) в этой необычно современной версии библейских инвестиций, когда вкладывают в здоровье, а не в любовь, человека или божество»¹.

Из оригинала делают копии, которые со временем станут источником донорских органов, заменяющих поврежденные органы: «Копия делается, чтобы она послужила оригиналу так же, как — здесь все вывернулось — Адам послужил Еве»². Переворот ценностей, вызванный технологическим развитием, смещает на периферию традиционные ценности, формируя новые телесные структуры идентичности человеческих существ, в основании которых тело фигурирует как артефакт, сконструированный объект, копия подлинного бытия (бытия оригинала).

Коннотации между понятиями донорства и копирования достаточно широкие. На мой взгляд, автор напоминает об опасности стирания личности в контексте развития практик трансплантологии и донорства органов, человек оказывается значим лишь как телесная копия (пускай и не совершенная) того человека-реципиента, для кого отныне предназначаются его органы. Трансплантология имеет дело с безличным — с телом, о хозяине и судьбе которого реципиенту лучше не знать в целях собственной психологической безопасности и сохранения возможности аутентичного бытия.

¹ Полански С. Отчет Бредбери. URL: <http://coollib.com/b/248863/read>.

² Там же.

Потенциальному (еще живому) донору, для которого разрабатывают специальные технологии рекламы системы трансплантологии и идей посмертного донорства (даже несмотря на то, что речь идет о его смерти прежде всего), также стараются не сообщать мировоззренчески непривлекательную информацию. Он должен владеть такой информацией, которая не должна породить сомнений в истинности идей донорства и стимулировать его развитие.

В книге Полански очень много прекрасных философских пассажей, посвященных этой теме. Например, идентичность клона, как и в нашем мире, формируется особыми социальными технологиями, направленными на создание своего рода совершенного биотехнологического раба. Его жизнь должна быть подчинена выполнению единственной миссии — обеспечить в случае необходимости своими органами тело оригинала. Все остальные составляющие социальной жизни оказываются не нужными, редуцированными. Клон лишен человеческих навыков, которые могли бы позволить ему выжить за пределами Отчужденных земель (то есть своего рода лагеря, где проживают исключительно клоны), более того, клон лишен мотивации совершать что-то, что противоречит его предназначению, поскольку «клон... не знает, что он — клон, не понимает, что такое клон, не знает, что существуют оригиналы и копии оригиналов»¹.

В то же время в прагматическом социальном окружении зачатки человеческого начинают развиваться в нем стремительными темпами. После общения с людьми, которые видят в нем личность, а не материал для органов, его идентичность ломается, испытывает кризис, что впоследствии приводит — после отказа Оригинала использовать его (клона) сердце для пересадки — к просьбе о суициде. Клон не мыслит иного предназначения, кроме как быть клоном. «Быть самим собой» означает быть инструментом для целей Другого (оригинала). Такой способ «бытия самим собой» искусственно создан, сконструирован в прагматических целях. Совершенно иной

¹ Исигуро К. Не отпускай меня // URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Isiguro_Ne_otpuskai_menya.doc.

смысл этого понятия связан с неинструментализируемостью как сущностной характеристикой жизни свободного человеческого существа.

Рассмотрю этот смысл в артикуляции Ю. Хабермаса¹. Ю. Хабермас полагает, что акт вмешательства в гены со стороны родителей или третьих лиц на эмбриональной стадии должен рассматриваться как насильственное нарушение границ телесности, посягательство на соматические предпосылки свободы, естественные ее условия, которые непосредственно связаны с видовой идентичностью. Забота о ней налагает запрет на насильственное превращение тела в артефакт. Человек, выросший со знанием о том, что он есть жертва манипуляций, даже оправданных благими намерениями взрослых, лишается части своей автономии, а следовательно, не способен стать полноценным участником межчеловеческого диалога, безраздельным автором своей собственной истории жизни. «Бытие самим собой» оказывается возможным лишь в том случае, если мы способны зафиксировать различие между тем, что мы есть, и тем, что с нами происходит в рамках телесного существования, в контексте конституирования себя в качестве тела, предполагающего за процессом социализации некую исходную судьбу, в то время как генетическая манипуляция вторгается в соматические основы спонтанного отношения к себе и этической свободы другой личности. «Эмпатия или «сочувствующее понимание» ранимости органической жизни, устанавливающее порог в практическом обращении с живым, очевидно, имеет своим основанием чувствительность собственного тела и отличие субъективности, какой бы рудиментной она ни была, от мира манипулируемых объектов².

Попытка придать человеческому бытию некоторую устойчивость, определенность, равновесность за счет обнаружения точки отсчета (сущности, природы человека) приводит Ю. Хабермаса к выбору такой точки, как естественно становящееся телесное бытие человека. Свобода личности в этих координатах укореня-

ет свои предпосылки еще до рождения индивида. Именно поэто-

¹ См. работу Ю. Хабермаса «Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике?».

² Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М. : Весь мир, 2002. С. 59.

му столь очевиден запрет на манипуляции, угрожающие свободе или достоинству потенциальной личности на этом этапе развития человеческого существа. Однако зеркальным отражением неприкосновенного, естественно растущего, развивающегося модуса бытия могло бы стать столь же неприкосновенное, несконструированное посмертное бытие. Концепт «бытия самим собой» в отношении донорства может также подразумевать запрет на проведение манипуляций с человеческим телом, наделяющих тело характеристиками артефакта, вещи. Здесь тело дано как неотчуждаемое от личности пространство. Право распоряжения этим телом (например, использования его в целях трансплантации) сродни праву распоряжения эмбриональными клетками (к примеру, в научных или евгенических целях). Презумпция согласия на изъятие органов оказывается такой же непроработанной в этическом плане моделью, как и презумпция согласия эмбриона на вмешательство в целях улучшения (пока еще не распространенная практика) или презумпция блага быть не рожденным, чем рожденным с недостаточным качеством жизни (этот евгенический посыл уже заложен в основании пренатального скринирования), поскольку во всех этих примерах мы имеем дело с неопределенностью человеческого существования и границ его выбора, право устанавливать которые должно принадлежать самому субъекту, но не третьим лицам, даже если они осуществляют благие цели. Пожалуй, именно эта идея является лейтмотивом романа Стивена Полански «Отчет Брэдбери».

Этика в режиме цейтнота. В блестящем романе японского писателя Кадзиро Исигуро «Не отпускай меня» в художественной форме представлены социальные мифы и ожидания, связанные с донорством органов и переосмыслением границ между жизнью и смертью в контексте технологического развития.

Главная героиня романа делится воспоминаниями о некоей школе, где в особо благоприятных условиях росли дети, призванные стать донорами. Доноры, о которых повествуется в романе, в глазах общества не являются людьми, они мертвы как социальные существа, поскольку у них не признается наличия сознания/души. Они клонированы с целью изъятия у них органов и,

фактически, как и герои-клоны С. Полански, лишены любых других жизненных перспектив. Будущие доноры, жизнь которых описана в книге, — это дети, растущие в особых приютах, своего рода детских домах, где созданы все условия для выращивания физически здорового донора. Они клонированы от преступных элементов общества (в романе упоминаются проститутки). И это обстоятельство позволяет обществу изолировать клонов-доноров в своего рода касту неприкасаемых, вызывающую брезгливость как у воспитателей детских приютов, так и у иных представителей рода человеческого. Такие дети сталкиваются с дискриминацией, сопровождающей как факт их рождения (артефактивный по своему существу), так и дальнейшее существование.

В произведении обозначена проблема, которую условно можно было бы обозначить проблемой Ахиллеса, устремившегося за черепахой, неожиданно для всех приобретшей сверхскоростные характеристики. Ахиллес символизирует этическое знание, а черепаха — технический прогресс, темпы развития которого ускорились и на определенном этапе превысили скорость Ахиллеса. Это прекрасно демонстрирует следующая цитата: «...когда одно за другим стремительно делались великие научные открытия, у людей не было времени критически все обдумать, поднять разумные вопросы... Внезапно открылась масса новых возможностей; многие болезни, с которыми врачи до тех пор не могли бороться, стали излечимыми... И люди долго предпочитали думать, что все эти человеческие органы являются ниоткуда — ну, в лучшем случае выращиваются в каком-то вакууме ... к тому времени как люди начали беспокоиться из-за... *воспитанников*, к тому времени как их стало интересовать, в каких условиях вас растят и следует ли производить вас на свет вообще, уже было поздно... вас постарались упрятать подальше, и люди долго делали все возможное, чтобы поменьше о вас думать. А если все-таки думали, то пытались убедить себя, что вы не такие, как мы. Что вы не люди, а раз так, ваша судьба не слишком важна»¹. Хотя данное рассуждение относится прежде всего к освещению судьбы фантастических клонов-доноров, однако оно в равной степени может

¹ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002. С. 59.

быть рассмотрено для анализа современного контекста проблемы донорства и практики констатации смерти. В книге поднимается проблема отсутствия времени для обсуждения этических проблем развития медицинских технологий. Развитие технологий требует принятия быстрых решений. Развитие идеологии донорства подавляет интерес публики к источнику происхождения органов, на первый план выдвигается идея спасения жизни.

В трансплантологическом дискурсе позиция, выражающая какой-либо протест против концепции смерти как смерти мозга, рассматривается как аутсайдерская и даже этически ущербная. Дискурсы о смерти мозга являются индикаторами борьбы между дискурсами о человеке, закрепляющими за ним то роль личности, то функционально полезной для целей трансплантологии биомашину, функционирующей благодаря ИВЛ.

Представляет огромный интерес анализ установок читательской аудитории книги Исигуро в отношении проблем донорства и трансплантации органов. Он может быть осуществлен на основе контент-анализа многочисленных читательских рецензий на книгу в сети Интернет, в полной мере характеризующих существующие предубеждения относительно донорства и констатации смерти мозга. Например, такая реплика, как «Человек жив, пока у него бьется сердце», свидетельствует о существующих предубеждениях относительно неврологического критерия смерти (смерти мозга), демонстрируя укоренившийся в российской ментальности кардиоцентрический архетип, а такая, как «Повернулся кран, и на человечество полился дождь из превосходных здоровых органов, и зачем думать о том, откуда эти органы, кто ими поделился, *удобно* не думать об этом и принимать как должное», указывает на наличие опасений относительно «черного» донорства и общей мировоззренческой толерантности к развитию новых медицинских технологий и т. д.

Как анализ книги Исигуро, так и анализ доминирующих архетипов восприятия констатации смерти и донорства, представлены в читательских откликах, подталкивают к мысли о том, что в современном мире процесс умирания и отношения к смерти конструируется и контролируется в соответствии с социально-

экономическими задачами, стоящими перед обществом. Процесс конструирования отношения к смерти сопряжен с выстраиванием деонтологии умирания, соответствующей парадигме смерти, разделяемой сообществом. Однако в случае наличия конфликта мировоззрения, порождаемого столкновением ценностей современного технологического уклада и ценностей, исторически присущих образу жизни сообщества, возникает ситуация перманентных отзвуков традиционной культуры в отношении уже сложившихся, рутинных практик, таких как, например, констатация смерти, донорство и трансплантация органов.

Хотелось бы обратить внимание на еще одно произведение, где также поднимаются социальные проблемы, сопровождающие развитие системы донорства органов и трансплантологии. Речь идет о романе Р. Кука «Кома»¹. В отличие от рассмотренных мной выше произведений, роман не содержит в себе значительного числа фантастических элементов, скорее, ощущение присутствия фантастической составляющей вызывает концентрация ужасного, наполняющего роман. Автор книги, доктор медицины Р. Кук заявляет, что «роман представляет собой детектив, а не научную фантастику. События, происходящие в нем, ужасны, но возможны, более того, вероятны»².

Сюжет книги поистине детективный. Внимание главной героини, студентки медицинского вуза Сьюзан Уилер, в процессе прохождения практики в Бостоне случайно привлекают случаи странной комы у пациентов. Без очевидных оснований, после незначительных операций пациенты огромного медицинского центра впадают в кому и впоследствии умирают. В процессе инициированного Сьюзан расследования выявляется, что тела впавших в кому пациентов перевозятся в закрытую медицинскую структуру, где готовят их к «черной» трансплантации. Сюжет книги банален, пожалуй, именно он является структурообразующим элементом массовых фобий относительно трансплантации органов. Сюжет, между тем, вызревает в обычной жизни, не является надуманным большим воображением.

¹ Кук Р. Кома. URL: http://www.libok.net/writer/1125/kniga/10325/kuk_robin/koma/read.

² Там же.

Реальность происходящих событий, отражающих господство рыночной логики в мире медицины, подтверждается автором в примерах, приведенных в предисловии. Например, в следующем: «В газете «Трибьюн», выходящей в городе Сан-Габриель (штат Калифорния), 9 мая 1968 года в четвертой колонке появилось следующее объявление: ВАМ НУЖНЫ ОРГАНЫ ДЛЯ ПЕРЕСАДКИ? Продавец может предоставить любую часть человеческого тела больному, нуждающемуся в пересадке, по перечислении денег»¹.

В эпоху развития трансплантологии мертвое тело рассматривается фактически по-картезиански: из него при констатации смерти мозга забирают детали (органы), как из поломанной машины. Сама же проблема смерти мозга становится этическим фокусом для совокупности социокультурных установок относительно самопонимания человека в эпоху интенсивного развития медицинских технологий. Его характер задается денатурализацией умирания (смерть мозга констатируется в условиях, когда основные функции организма поддерживаются искусственно) и связанной с нею вариативностью концепций смерти: в соответствии с критериями отсутствия дыхания, на основании диагноза смерти мозга, в пределе — с возможностью субъекта самому выбирать предпочтительную концепцию собственной смерти.

Р. Кук проводит достаточно жесткую прагматическую линию в отношении проблемы распоряжения своим телом. Для него уровень развития медицины, достигнутый уровень технологического развития находятся в остром противоречии с социальными нормами, не успевающими должным образом взаимодействовать с ними. Он пишет: «Медицинская технология уже развилась до уровня, когда примерно семь процентов трупных почек может быть использовано для трансплантации (а для роговиц цифра еще больше), если их забрать в пределах часа после смерти. Но вместо того, чтобы использовать их для благородной цели спасения человеческой жизни, их отдают червям или огню в крематориях, так как современные законы, берущие начало в средневековых английских сводах, не отличаются в этом отношении

¹ Кук Р. Кома. URL: http://www.libok.net/writer/1125/kniga/10325/kuk_robin/koma/read.

от законов племени мумбо-юмбо»¹. И еще: «Остаются без ответа самые тяжелые вопросы: как определить, что такое смерть, и каковы законные права человека после его смерти. Но эти трудности не должны помешать прекращению вопиюще расточительной практики уничтожения бесценных человеческих ресурсов. Проблема недостатка органов для трансплантации представляет собой всего лишь один явный пример неспособности общества в целом и медицины в частности предвосхитить социальное, правовое и этическое оформление достижений технологии. По каким-то необъяснимым причинам общество тянет с выработкой соответствующей политики до того крайнего предела, когда здравый смысл не придется собирать по кусочкам»².

Причины, по поводу которых недоумевает Р. Кук, носят сложный философско-мировоззренческий характер, связанный с различием в обуславливающих наше восприятие телесности социокультурных коннотациях, с диаметрально противоположными подходами к инструментализации мертвого человеческого тела.

Так, современные теоретики медицинской этики А. Кэмпбелл, Г. Джиллетт, Г. Джонс³ предлагают выделять внутреннюю ценность мертвого тела и его инструментальную ценность. Постулат внутренней ценности трупа предполагает такое отношение к личности, которое основано на ее неразделимости с телом. В этом случае самоценность живого человека присваивается мертвому телу. Об инструментальной ценности трупа речь идет тогда, когда мертвое тело рассматривается как источник воспоминаний, в этом случае предполагается уважительное отношение к телу, но в той же степени труп может быть использован для какой-либо цели.

Какие нравственные принципы связаны с контекстом рассуждений о мертвом теле, а в нашем случае — о теле пациента с диагнозом смерти мозга? Либеральная этическая традиция вы-

¹ Кук Р. Кома. URL: http://www.libok.net/writer/1125/kniga/10325/kuk_robin/koma/read.

² Там же.

³ См.: Кэмпбелл А., Джиллетт Г., Джонс Г. Медицинская этика. М.: Гэотар-Медиа, 2005.

двигает принцип автономии, который предполагает свободное решение каждого человека относительно нахождения его тела после смерти, независимо от социальных потребностей и общественных интересов. В то же время принцип автономии зачастую противоречит интересам членов семьи, которые могут аннулировать волю покойного. В этом случае сталкиваются моральные принципы: соблюдение предшествующей автономии и интересов покойного или нынешней автономии и интересов живых. «Когда преимущество отдается последним, предполагается, что интересы живых членов семьи более значимы и живые могут пострадать от вынесенного решения сильнее, чем покойник. Это подчеркивает инструментальную ценность трупа по сравнению с его внутренней ценностью, ведет к их дисбалансу...»¹.

Такого рода коллизии наполняют пространство биоэтических ситуаций и фиксируют неопределенность морального ответа на вопрос о том, как же обращаться с телом умершего человека, артикулируют чрезвычайно широкий диапазон социокультурного реагирования — от полного пренебрежения волей умершего до абсолютного подчинения этой воле.

Сугубо медицинский взгляд, который характерен для обозначенной выше позиции Р. Кука, весьма распространен в медицине и имеет полное право на существование, когда идет речь о спасении человека. Вместе с тем интенсивное технологическое развитие подкидывает человечеству не просто этические задачи, которые можно решить здесь и сейчас, основываясь на уже полученном опыте ответов на моральные вопросы. Однако возможен ли такой технологический подход к морали и праву? Можно ли искусственно ускорить процесс создания норм, которые будут являть собой успешный ответ общества на революцию в области инноваций. К сожалению, данный алгоритм оказывается не применим к фундаментальным проблемам биоэтики, которые, как показывает ее история развития, никогда не могут быть разрешены окончательно, заставляя мораль

¹ Там же. С. 77.

пульсировать, не принимать законченные формы¹. В этом отношении биоэтика оказывается беспочвенна, под нее не может быть подведено единственное мировоззренческое основание.

В этой связи, будучи помещенными в ситуацию перманентной открытости проблем (именно с открытыми проблемами имеет дело современная биоэтика), нельзя не вспомнить мысль Л. Шестова, которая парадоксальным образом оказывается востребована в современных технологических условиях: «Современный законодатель мысли устанавливает незыблемый принцип: уметь кончать. Но попробуйте допросить его: что дает ему право с такой уверенностью провозглашать свой закон, — и вы увидите, что у него, в сущности, ничего, кроме «доказательств по аналогии», нет за душой»².

Современные медики и юристы имеют дело с констелляцией мысли в нормативных актах, в законах, в действующих инструкциях, где закреплены алгоритмы поведения врача. Однако сложность биоэтических проблем демонстрирует своего рода апофеоз моральной «беспочвенности», кризис ценностных оснований, выражающийся в невозможности опереться при решении проблемы на полученный опыт, догмы мысли, готовые формулы. Нерешенность проблемы смерти мозга является очень ярким примером подобного кризиса: российское общество очень осторожно, если не сказать подозрительно, относится и к донорству, и к трансплантологии, и к самой возможности честной констатации смерти. Это находит отражение и на законодательном уровне, где отсутствуют либо пока еще не вступили в силу правовые акты, регулирующие проблемы детерминации смерти, донорства и трансплантации органов.

Вновь обращусь к произведению «Кома». Интересно описание восприятия диагноза смерти мозга действующим медицинским персоналом. Нэнси — одна из пациенток роковой больницы, где с подозрительной частотой люди впадают в кому. Ее особый онто-

¹ Являются «жизненными апориями» в терминологии П. Д. Тищенко. См.: *Тищенко П. Д.* На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Мирь, 2011.

² *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest08.htm>.

логический статус не вызывает особой рефлексии и эмоциональных переживаний у медицинского персонала. Безразличие — дело привычки, сформированной в цейтноте и круговороте аномальных случаев, ставших нормой: «Было бы неправильно сказать, что Беллоуз сознательно не относился к Нэнси как к человеческому существу, он просто не имел для этого времени. Кроме того, он уже так много посмотрелся в БИТе, что у него выработалась бесчувственность к тому, что повторялось много раз»¹. Вот еще пример классического отношения к пациентам со смертью мозга — использование метафоры «растения»: «В результате мы имеем здесь то, что имеем, — Беллоуз сделал рукой жест над телом Нэнси. — Растение. Сердце бьется, так как оно независимо от мозга»².

По отношению к пациентам, впадшим в кому, активно используется местоимение «мы»: «Посмотрим, как у нас дела. Может, мы уже выкарабкались. Стоя в ожидании, Сьюзен думала о последних словах Беллоуза. Он снова использовал местоимение «мы» вместо того, чтобы сказать, что выкарабкалась Нэнси Гринли. Она подумала, что это все вполне соответствует обезличиванию, царящему в больнице»³.

В этом отрывке ярко продемонстрирована характерная черта больничного пространства: в режиме цейтнота человек утрачивает свою индивидуальность, как бы сливается с окружающей его реальностью, становится реальностью, причастной некой виртуальной общности, где стерты имена и личности. Выбор осуществляется автоматически и человек также уподобляется автомату.

В процессе своего расследования Сьюзен узнает о существовании свертехнологического медицинского центра, куда свозят больных, впадших в необратимую кому. Она с трудом добивается индивидуального посещения этой больницы и обнаруживает, что именно здесь, где царит дух жестокой машинерии, пациенты теряют и лица, и имена. Так, при попытках Сьюзен выяснить,

¹ *Кук Р.* Кома. URL: http://www.libok.net/writer/1125/kniga/10325/kuk_robin/koma/read

² Там же.

³ Там же.

где находится знакомый ей пациент Шон Берман, выясняется, что для идентификации больных не используются имена. Больные нумеруются: «Пациентам присваивается номер, например, случай номер один, случай номер два и так далее. Так их проще вводить в компьютер»¹.

При посещении центра ей показывают подвешенных на натянутых проволоках больных, указывая на то, что это «наилучший метод длительной интенсивной терапии, полностью сохраняющий целостность кожных покровов больных и минимизирующий работу медсестры»².

Автоматизация, достигающая абсолютного безразличия к индивидуальности, создающая из индивида элемент совершенной технической системы, позволяет рассматривать его как совокупность параметров, таких как вес, баланс жидкости, температура тела и др., которые в необходимый момент считываются компьютером, и делает наличие медицинского персонала излишним.

В этой связи интересен диалог, который состоялся между Сьюзен и сотрудницей медицинского центра, где отчетливо демонстрируется, что автоматизация коснулась восприятия пациентов со смертью мозга. В сознании медицинского персонала они перестали быть людьми, их рассматривают лишь как оболочки от человека, пригодные для биомедицинских целей. Их онтологическая реальность — это реальность объектов, сконструированных прагматическими запросами общества, с одной стороны, и научно-техническим прогрессом — с другой:

- Это современная медицина, возведенная в энную степень. Невероятно. Это просто научная фантастика. Машина наблюдает за целой толпой лишенных мозга людей. Как будто большинство из них и не люди.
- Но они, действительно, не люди.
- Прощу прощения? — Сьюзен перевела взгляд с больного на Мишель.
- Они были людьми. Теперь это лишенные коры мозга препараты»³.

¹ Кук Р. Кома. URL: http://www.libok.net/writer/1125/kniga/10325/kuk_robin/koma/read

² Там же.

³ Там же.

Проблема сознания. Среди комплекса проблем, которые поднимаются в книге, невозможно обойти вниманием еще одну проблему — проблему сознания. Определение того, что такое кома, всегда подразумевает необходимость прояснения смысла понятия сознания. Отсутствие четкого определения понятия «сознание» приводит к пробелам в понимании границ жизни и смерти: «Быть в сознании означало лишь не быть в бессознательном состоянии. Определение одного заключалось в противоположности другому. Такой замкнутый круг казался Сьюзен пародией на логику, пока она не поняла, что медицинская наука просто недалеко продвинулась в точном определении сознания. В действительности полное сознание и полное его отсутствие представляли собой противоположные концы неразрывного спектра состояний, включавшего в себя в числе прочих спутанность сознания и ступор. Таким образом, неточные ненаучные термины были признанием своего неведения, а не просто плохими формулировками»¹.

Проблема сознания, которой так плотно занята философия последних десятилетий, в сугубо прикладном биомедицинском плане также оказывается не раскрытой. Ее обходят стороной, сводя реальность сознания к набору физиологических реакций и по аналогии связывая отсутствие сознания с отсутствием реакции на внешние раздражители, с угасанием и утратой рефлексов.

Необходимо отметить, что проблема смерти мозга указывает прежде всего на особенности современного среза социокультурного восприятия сознания и индивида. В культурные архивы складываются не только артефакты, но и различные представления о сознании с характерными для них доминантными характеристиками. И если для некоторых восточных культур мышление, сознание сердцем — это одна из установок мировоззрения, своего рода архетип культуры, то созвучная успехам технократической культуры западная философия сознания не носит кардиоцентричный характер, но отталкивается от посылки, что разум скрывается в мозговых процессах, зависим от них.

¹ Кук Р. Кома. URL: http://www.libok.net/writer/1125/kniga/10325/kuk_robin/koma/read

Завершая обсуждение фантастических сюжетов, посвященных проблеме смерти мозга, обращу внимание на мысленный фантастический эксперимент, который предложил Р. Рорти для обсуждения проблем сознания. В нем исследователь пытается убедить читателя в отказе от менталистской «грамматики», то есть построения суждений о мышлении на основе неврологических и биохимических представлений о мозговой деятельности: «Далеко-далеко, на другой стороне нашей галактики, была планета, на которой жили похожие на нас существа — бесперые двуногие, строившие дома и конструировавшие бомбы, писавшие поэмы и компьютерные программы. Эти существа не знали, что у них есть ум. Они имели понятия вроде «желание (чего-то)» и «намерение (сделать то-то)», «верит, что», «ужасно себя чувствую» и «чувствую себя восхитительно». Но они не имели понятия, что все это — *ментальные* состояния, то есть состояния, весьма специфические и отличные от других, таких как «сидеть», «чувствовать холод», «быть сексуально возбужденным»... Неврология и биохимия были первыми из наук, в которых осуществился настоящий технологический прорыв, и большая часть разговоров этих людей шла об их нервных окончаниях. Когда их младенцы тянулись к горячей вещи, матери кричали: «Она будет стимулировать С-волокна!»¹.

Сюжет, используемый Р. Рорти, показателен для характеристики доминантной социокультурной парадигмы отношения к сознанию. Она, как я уже подчеркнула, обеспечена успехами неврологии и биохимии. Фактически описание проблемы смерти мозга в медицинском дискурсе выстраивается в сугубо научных терминах, без отсылки к ценностям, к персоне и т. д. Научный взгляд на вещи игнорирует ментальный словарь, но он присутствует в глобальном словаре человека с улицы, в котором любой научный концепт обрастает пеленой чувственных переживаний, оценками, мифологемами религиозного сознания и т. д.

Таким образом, концепция смерти мозга с момента своего существования (утверждения Гарвардских критериев смерти) подвергается эрозии со стороны различных социокультурных

импульсов: изменяющегося мировоззрения, действия культурных архетипов прошлого, появления новых знаний из области исследования сознания и мозговой деятельности и т. д. Данный социокультурный фон становится определяющим при принятии решений относительно легитимности той или иной концепции смерти и умирания, утверждения критериев жизни и смерти.

Библиографический список

Исигуро К. Не отпускай меня. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Isiguro_Ne_otpuskai_menya.doc.

Кузнецов В. Ю. Философия фантастики. К постановке проблемы. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-fantastiki-k-postanovke-problemy>.

Кук Р. Кома. URL: http://www.libok.net/writer/1125/kniga/10325/kuk_robin/koma/read.

Кэмпбелл А., Джиллетт Г., Джонс. Г. Медицинская этика. М. : Гэотар-Медиа, 2005.

Полански С. Отчет Брэдбери. URL: <http://coollib.com/b/248863/read>

Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.

Тищенко П. Д. На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики. СПб. : Мирь, 2011.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М. : Весь Мир, 2002.

Шестов Л. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest08.htm>.

¹ *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 52–53.

От коммуникации к конструированию¹

Воронин А. А.

From Communication to Construction

Voronin A. A.

Аннотация. В статье обсуждается новый этап развития техники/технологий: переход от коммуникативной к конструктивной сущности технической среды.

Ключевые слова: техника, коммуникация, конструирование, человек, природа.

Abstract. The article discusses the new stage of development of technology / technologies: the transition from the communicative entity to a constructive technical environment.

Keywords: technology, communication, design, people, nature.

Итак, новый этап развития техники, а может, сразу пары — техники и человека, от коммуникативной сущности и коммуникативной функции двигается в сторону «интимной техники», под которой понимается непосредственное вхождение технических устройств в организм человека. У меня пока нет термина, которым можно было бы описать превращение техники в замену органов тела — гомоформные или гомоморфные... Термин не самое главное, но он нужен, чтобы зафиксировать новый этап технического прогресса, когда техника и технология не только стоят между людьми, но и становятся компонентами живого организма. Примем пока рабочий термин «конструирование человека». В принципе, медтехника уже давно это делала — протезы, кардиостимуляторы, даже очки и линзы, стоматологические импланты известны уже очень давно. В этом же направлении развивалась и трансплантология — замена одного органа на другой, донорский. Но нынешний этап и ближайшие перспективы не оставляют сомнений в том, что замена органов и/или улучшение их работы будет связано с искусственными, специально изготовленными

техническими артефактами¹. Значит ли это, что техника не просто приобретает новые функции, конфигурации, осваивает новые предметные области, но и меняет свою сущность, то есть перестает быть коммуникативной стратегией (в описанном мной ранее смысле, см. «Миф техники»), и становится чем-то принципиально другим?

Сохраняет ли понимание техники как коммуникативной стратегии свой смысл, и должна ли речь идти о его раскрытии на новом уровне? И в чем он? Или надо радикально пересматривать вопрос о сущности техники? Здесь необходимо разбираться основательно. Стоит, видимо, кратко воспроизвести логику моей концепции.

Природа человека, природа культуры и природа техники тождественны. Из этого постулата следуют все теоретические и практические выводы. Однако тождество человека и техники имеет свою непростую интригу, которая осмысливается во множестве интерпретаций.

Естественно-научные концепции техники выявляют родство техники и наук о природе. Техника — это прикладная наука, техническое знание — это посредник между наукой и практикой. Законы природы превращаются в законы деятельности человека посредством техники, именно в ней знание становится силой.

Антропологические трактовки техники также выглядят очень убедительно. Техника есть развитие — сначала непосредственное, затем — опосредованное — органов человеческого тела, а развитие техники обозначает вехи общественного прогресса. Наука зарождается и развивается потому, что человеку надо поначалу просто выживать в суровых условиях, а затем — расширять сферы своего господства над окружающим его миром, а орудием экспансии служит техника. Изобилие рождает искусство, потребности и способности человека развиваются благодаря новой предметно-ценностной среде — культуре. Таким образом, внутренняя пружина развития, или, мягче говоря, эволюции человека, — господство.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-23-01008.

¹ На данном уровне абстракции различием между техникой и технологией можно пренебречь.

Социальную сущность техники понимают как подчиненную интересам общества, как фрагмент производства и даже как средство общения общества и природы. И тоже все правильно, но тоже встают непреодолимые проблемы, ведь общество — это не единый и самостоятельный субъект, а некая абстракция, «общество само ничего не делает». Как бы ни были обществу нужны булки, самолеты или компьютеры, оно само их не производит, это делают пекари, инженеры и техники. Почему и как люди вообще объединяются в *общество*, от имени которого они потом и действуют, нет ли здесь заслуги именно техники — это еще вопрос.

Точно так же не вызывает сомнений, что техника стоит между человеком и природой, являясь орудием господства человека над природой, и в то же время основываясь на законах и веществе природы. Наука получает свою утилизацию, становится прагматически полезной только в технике, так что связь техники и природы, техники и естествознания — фундаментальная. Но в то же время техника не рождается из природы сама по себе, ее производит, совершенствует и эксплуатирует человек, и поэтому вопрос о том, на чьей стороне техника — природы или человека, — не имеет однозначного ответа. Феномен техники не позволяет оперировать представлением об орудии как только о средстве человеческого воздействия на природу, потому что техника вызывает сложную координацию деятельности людей, и прямое и непосредственное отношение к природе превращается в опосредованное, сложно организованное взаимодействие людей. Именно это взаимодействие, будучи согласованным, ценностно ориентированным, знаково выраженным, институционально поддержанным, нормативно закрепленным и т. д. и т. п., обращается к природе, в том числе и к природе человека, причем только с теми вопросами, которые не природа ставит перед людьми, а человек ставит перед собой и своим Другим. С кем человек общается, покоряя природу? С природой — вот очевидный ответ. И правильный, но правильный лишь частично. Потому что человек — существо социальное, и его социальность не средство покорить природу, а, наоборот, победа над природой ему нужна для поддержания и развития своей социальности — для того,

чтобы радоваться, любоваться, любить и заботиться. Ну и чтобы защищаться, побеждать, властвовать, унижать, хвастать и прочее — тоже, конечно. В технике человек видит свои достоинства, силу, точность, неутомляемость, сложность, эффективность, выигрыш. Собственно, техника — это резервуар человеческих стремлений. Хочу обратить внимание: ни в одной из концепций техники она никак не может быть понята как средство адаптации человека к среде, на чем очень упорно настаивают многие уважаемые авторы¹. Наоборот, техника конструирует среду обитания, вторую природу, создавая совершенно неприродные возможности. Это я к тому, что эволюционизм «отменяется» техникой, или, как писал Х. Шельски, техника отменяет историю, если иметь в виду плавно текущий эволюционный процесс.

Самой удаленной (от моей) позицией будет интерпретация техники как средства воздействия человека на природу, промежуточной — как средства труда (производства) и самой близкой — как средства отношения человека в конечном счете к человеку же.

«Идеология» первого подхода такова: «робинзонада» как исходный пункт понимания человека. Субъект-объектное располюсование и нечувствительность к их диалектике. Недифференцированный субъект: «человек» тождествен «человечеству». «Знание — сила, нечего ждать милостей от природы, надо их взять», эдакий бэконовско-мичуринский активизм. Натурализация техники, противопоставление природы и человека. Эффективность техники — это ее КПД (без учета влияния на среду, на организм и на психику человека). Инструментальная целерациональность. Технологический оптимизм, постепенно вырастающий в технократизм.

¹ Например, К. Лоренц: «Согласно моей гипотезе, эти процессы, происходящие в закономерной временной последовательности, запрограммированы эволюцией, и их значение для сохранения культуры и вида состоит в удалении устаревших элементов традиционного поведения и замене их новыми, что обеспечивает постоянное приспособление культуры к непрерывно меняющимся условиям окружающего мира». (Конрад Лоренц, «Оборотная сторона зеркала», глава 10. Цит. по: Лоренц К. Так называемое зло. М.: Культурная революция, 2008. С. 553). См. также: И. П. Меркулов. Когнитивная модель сознания // Эволюция. Мышление. Сознание. (Когнитивный подход и эпистемология). М.: Канон+, 2004. С. 61.

Вторая позиция — техника как средство труда — вычитывает существенные определения техники уже из социально дифференцированного, сложно кооперированного и управляемого общественного производства, т.е., по словам Маркса, обмена веществом между природой и обществом. Техника — это совокупность артефактов, подчиненных достижению практических целей, поставленных человеком. Техника как социотехнический феномен или социотехническая целерациональность. И здесь же — трещина между техникой и культурой, техника как кровавое чудовище, пожирающее гармонию, подрывающее баланс человека и природы. Техника — это отчуждение сил человека, его исконной природы, это угроза, это господствующая над людьми и обществом внесоциальная сила.

Третья позиция: техника есть существенный, но далеко не единственный компонент общения, обращения как фундаментального акта креативного порождения мира одновременно и как мира человека, и как мира природы, и как мира артефактов, опосредующего их разговор. Техника — это проекция природы человека. Техника — такая же сфера самореализации человека, как и наука, искусство, — это отнюдь не только сфера и плод отчуждения, но это и развитие и воплощение креативной силы человека, его интеллекта, воли, рефлексии и ответственности.

Основные свойства техники:

1. Техника — это прежде всего материализованные средства общения, коммуникации. Точнее было бы даже говорить не о материализации (предметности, вещности), а об объективации этих средств. Везде, где появляется алгоритм общения, можно говорить и о технике — в самом широком смысле этого слова. Например, в языке различия времен, падежей и склонений есть словесная техника, служащая для объективной передачи смыслов; приемы игры на музыкальных инструментах (и сами эти инструменты) составляют музыкальную технику; специфические приемы и навыки движений образуют технику спорта и т. д. С этой точки зрения говорить о принципиальной пропасти между материализованными и спиритуалистическими средствами общения некорректно — скорее, можно более подробно описывать их принципиальное единство.

Исторически техника пришла на смену прямому насилию над человеком ради увеличения богатства и власти — за счет насилия над природой. Мотив господства — далеко не единственный в истории техники. Точно так же в ней присутствуют и более прозаические мотивы (средство выживания), и более возвышенные (комфорт и удовольствие). Но господство — и над природой, и над другими людьми — один из ведущих.

2. Вторая существенная черта техники — орудийность, инструментальность. Создавая искусственный объект — артефакт — в соответствии с заранее поставленными целями, люди (агенты коммуникации) опосредуют свои обращения друг к другу механизмами, устройствами, технологическими цепочками, одновременно овнешняя (или объективируя) свои потребности и используя знания о природе вещей (т. е. интерпретации мира, отвечающие критериям знания). Поэтому природа техники по меньшей мере двойственна — в ней наряду со знанием всегда присутствует мотив, больше того — определенное решение, так или иначе всегда принятое человеком. Последствия такого решения бывают чудовищными, они могут быть неочевидными в исходной точке, но это не меняет сути дела: технику создают не демоны и не боги, и человек в принципе несет всю полноту ответственности за все импликации техники. Техника — это инструмент в руках человечества, а инструмент — это всегда замысел, изобретение, выигрыш¹.

3. Третья черта — дифференциация в технике продуктивно-креативных и репродуктивных компонент деятельности. Техническое творчество и эксплуатация технических устройств — это две стороны одной медали, они разделены не только по сути дела, но и институционально, когда наряду с крупномасштабным производством и параллельно ему существуют подразделения, разрабатывающие новые возможности старых технологий или создание принципиально новых техник. Правда, с развитием наукоемкого производства, когда уже практически нет места стандартизированному массовому потоку, а есть выпуск уникального оборудования, ситуация меняется, и трудно говорить о непреодолимом барьере между креативным и репродуктивным. Но точно так же трудно

¹ Подробно теорию инструмента разрабатывал Ж. Симондон.

в таком случае оперировать понятиями «наука» и «техника» в прежнем, традиционном смысле слов. И та, и другая диффузны друг по отношению к другу, и особенно это заметно в электронике, радиотехнике, космической и биологической технологиях.

4. Далее. Надежность техники гарантируется ее устройством. Тем самым ответственность за адекватность коммуникации лежит не на людях-посредниках, интерпретаторах (как в моральном поведении) и основана не на санкциях и поощрениях (как в праве или политике), а на механизмах, которые несут в себе всю полноту коммуникационного содержания без искажений. Это касается не только средств связи, но и любой машины, которая, будучи исправна, без конца способна осуществлять цепь функций (осуществлять работу), порученных ей человеком. Поэтому техника — это постоянный контроль над регулируемостью процесса, но контроль не рефлексивный, а инструктивный.

С этим связана еще одна особенность техники — это возможность взвесить риск использования именно этого устройства, калькуляция безопасности, с высокой степенью точности — как нигде в других областях деятельности. Техника — это всегда преобразование с планируемым эффектом (в отличие от революции, например, или от художественного творчества).

5. Применение техники демократизирует общество — ее всеобщность, всеядность и массовость несовместимы с сословными, традиционалистскими социальными структурами. Могут возразить — техника создает лишь видимость равенства использующих ее людей, автомобиль миллионера лучше автомобиля простого гражданина. Но все дело в том, что видимость — одна из самых важных компонент нашей «цивилизованной» жизни, и ради этой видимости в ней делается куда больше, чем для «подлинности», экзистенциальной наполненности жизни людей. Но это уже отдельная тема.

6. И, наконец, последнее: техника как утилизация пространства между возможностями и потребностями человека всегда выгодна в каком-то определенном смысле, она дает иногда временный, но ощутимый профит, и только в этом случае изобретение, находка, открытие становятся «техникой» (в институциональном смысле слова), когда она кого-то делает сильным

и богатым, а кого-то слабым и зависимым. Извлечение пользы, материальный эффект — такая же существенная доминанта «технического», как открытие «законов природы» — «естественно-научного». Кстати, именно поэтому в нашей стране так неохотно приживается современная техника — она часто бывает невыгодна из-за дешевизны исходных ресурсов производства — в том числе и рабочей силы. Богатство (ресурсами) оборачивается бедностью (застоем), люди дешевле техники. И даже Госплан был бессилён, уж не говоря о нашем «эффективном тандеме-дуэте».

Итак, техника как коммуникативная стратегия существует и развивается наряду с другими стратегиями, которые вырабатываются людьми (культурами) для решения функциональных задач своего бытия: наука есть стратегия познания, право и политика — стратегии социального сотрудничества, экономика и хозяйство — стратегия благополучия, искусство — стратегия наслаждения. Каждая из них, наряду с общими, обладает и своими особыми «парадигмальными установками», специфическими символическими формами, «правилами игры», они создают свои предметности, институты, ценности, нормы и т. п., формируют свой субсоциум и механизмы своего «расширенного воспроизводства».

К коммуникативному пониманию техники логически приводит анализ истории философии техники (не буду здесь воспроизводить эту логику, сошлюсь еще раз на свою книгу «Миф техники»). И вот мы видим радикально меняющуюся реальность, которая только начинает концептуально осмысляться, и посему еще нет ясных представлений о том, какое место принадлежит сегодня и будет принадлежать завтра технике и ее применениям. Во всяком случае, NBICS-технологии обозначили новый этап — уже не только техники и технологии (пока будем понимать их в единстве), а в развитии цивилизации. Это шаг от техники как коммуникации к технике как подобию живого.

Если техника раньше, до NBICS-революции, стояла между людьми как рукотворное средство жизни, как условие общения и выживания, а также как культивирование — в мире артефактов — рафинированных способов общения: искусство, гастрономия, телесные изыски, то... Теперь она уже не просто и не

только стоит между людьми, но и входит в их тело физическое, в организм, иными словами, в телесную природу человека. И слово природа имеет здесь то же самое значение, что и в «онтологических» трактовках техники — техника подчиняет природу человеку. Вот видите, опять происходит расслоение природного и внеприродного уже «в самом человеке». Остается это расслоение даже несмотря на то, что IT-технологии созданы и работают, и постоянно развиваются на стороне «человеческого», внеприродного, мыслительного. Становятся ли новые технологии нейро-, нано-, когнито-информационных производств собственно человеческими, преодолевают ли они это расслоение, заменят или заменяют ли они сугубо человеческие сущности — эмоции, страсти, творчество, нравственность — вообще высокие проявления нашей уже социокультурной природы? Вот в чем вопрос.

Вроде, пока техника не делает полноценных копий живых людей, с их развитым интеллектом и богатой психологической жизнью, — ответ отрицательный. Техника, вторгаясь в организм человека, не в силах (пока) «улучшить» его характер, душу, самосознание. Хотя, как известно, искусственный интеллект уже скоро сравняется по некоторым параметрам с человеческим. Подчинение «биологической природы» человека осуществляется им самим же, а это значит, что он сам, человек, ставит задачи, ищет возможности их решить, изобретает средства, проявляет предусмотрительность... — то есть работает как «инстанция принятия решений». В этом пункте вопрос о субъекте конструирования человека приобретает принципиальное значение. Проблема — кто или что является субъектом конструирования человека — не решается указанием на старые, традиционные представления о субъектах — социального действия, мышления, сознания и т. п. Она может быть решена только тонким анализом расплюсования субъект-объектных отношений. Ведь и объект конструирования¹ уже

¹ Вообще-то слово «конструирование» не совсем подходит, потому что конструирование имеет четкое «техническое задание», оно нацелено на четко определенный результат, имеет полную гарантию вернуться и скорректировать что-то, короче говоря, это целерациональное действие, используя противопоставление (целерационального и коммуникативного) Ю. Хабермаса. Из нашего конструирования может появиться совершенно неожиданный эффект.

тоже не классический, это — человек во всей его целостности, а он выступает в этом отношении и как субъект, и как объект. И субъектные отношения распределились и расплылись настолько широко, что потеряли определенность. Оппозиция «субъект — объект» сдвинулась в сторону соотношения естественного и искусственного, а в перспективе самоорганизующихся биороботов она сдвинется еще дальше, еще радикальнее — когда роботы начнут сами себя проектировать и конструировать. Во всяком случае, конструирование — процесс, который направлен строго от какого-то определенного замысла через поиск адекватных средств к решению строго определенной задачи, — стоит перед пределом, когда речь заходит о конструировании человека, который есть причина самого себя. Если этот предел преодолевается, летят в тартарары все старые оппозиции субъекта и объекта.

Хотелось бы верить, что замысел исправить человека будет иметь однозначный вектор — от зла к благу. Ведь контексты смысла «исправления» — это стремление избежать плохого и достичь хорошего. Но! Верится в это с трудом. Дело даже не столько в размытости представлений о плохом и хорошем. И даже не столько в том, что групповые, и прежде всего властные интересы переподчиняют устоявшиеся ценностные установки своему корыстному произволу. А стало быть, формулируют их на свой вкус. Дело еще и в принципиальной неопределенности, которая ждет сегодняшнее усовершенствование завтра. Многие блага оборачивались многими бедами в прошлом, а в будущем это уже могут быть не беды, а катастрофы.

Перестает ли техника в таком случае быть коммуникацией? Не перестает, но и не остается неизменной, меняется сама — чтобы войти в тело, она сама должна стать «телесной», т. е. природной (в том числе и превратить неживое в природное, стать живым природным), то есть замкнуться на организм, а не на коммуникативные акты с другими. Грань между искусственным и естественным становится еще более условной¹. С функциональной точки

¹ Мало того, еще и очень проблематичной. «Современная техника, как она представлена в биотехнологиях, делает инвалидизирующее вторжение в существо человека тотальным, затрагивающим и его сущность, и его существование. При этом чем богаче мир техники, тем более уязвим, в большей мере недееспособен и неполноценен (инвалидизирован) должен быть человек как ее потребитель». Тищенко П. Д. На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики. СПб. : Мирь, 2011. С. 182.

зрения между ними этой грани уже и не видно, разница остается в «биографии» органов — одни сотворили боги, другие — ученые и техники. Техника становится почти божественной — сразу во многих смыслах слова. Другое дело, что попадает техника в организм, в тело человека только благодаря развитым коммуникативным связям. Медицина, диагностика, проектирование услуги, персонал, приборы и материалы... — это ясно. Но тогда получается, что техника коммуникаций стала лишь условием и средством техники «интимной», и эта интимная техника имеет уже другую сущность. Она и сама изменилась, и меняет, как и любая другая техника, то, во что входит. Тело, организм, человек, который в нем проживает, получает совершенно новые возможности, телесные ощущения и пределы возможного. Итак, тезис — от коммуникативной сущности к конструированию?

Если вернуться еще на один тезис назад — «техника есть феномен культуры», то меняется в нем что-нибудь? Нет! То, что техника и технология внедряется в тело, не выводит их за рамки культуры. Но в этом, более широком пространстве техника-технология (назовем это единство для краткости тэхне) просто расширяет полномочия культуры, внедряясь в натуралистические материи — биологические и нейрофизиологические основы жизни человека. Это вмешательство опосредовано наукой, — открытием, совместным трудом ученых многих стран, технологией, аппаратами, приборами, веществами, сделанными (сконструированными) сообществом, обеспечивающим тэхне. Но общий смысл такой: культура предъявляет амбициозные претензии на господство над природой, она теперь демиург и менеджер бытия. Субъект конструирования человека, другими словами. (При этом культура — это вовсе не «все хорошее», она несет в себе и «все плохое», так что ее главенство в этой парочке не гарантирует человека от всякой дьявольщины.)

По шагам: что меняется в технике (сопоставляем с приведенным выше перечнем свойств техники):

П. 1 — «техника — объективация средств коммуникации. Казалось бы, какая коммуникация, если мне с помощью биотехнологии исправили функции моего организма? Но не все очевид-

ное вероятно. В данном случае удлинилась цепь опосредований от субъекта до объекта коммуникации, от актора к реципиенту. Непосредственным субъектом таких исправлений выступает уже не конкретный индивид, или коллектив, или общность, а возможности биотехнологического вмешательства. То есть как бы безличный, бессубъектный уровень техники. Так оно и есть, вот только техника есть, в свою очередь, рукотворное средство человека решать человеческие же проблемы. Коммуникация между людьми никуда не девается, она просто стала более сложной, многоступенчатой, с растворяющимися субъект-объектными гранями.

П. 2 — орудийность, инструментальность техники. Здесь меняется предмет, но не меняется функция и даже сама суть техники — она предлагает использовать наукоемкий артефакт для точно запрограммированного эффекта, теперь уже на человеческом теле.

П. 3 — диффузность продуктивных и репродуктивных компонент деятельности. Она только усиливается, поскольку технико/технологический контроль, наладка и ремонт осуществляются уже со включением самоорганизации организма человека.

П. 4 — надежность устройства. В этом пункте есть изменения, они в основном связаны с уже упомянутым самоконтролем организма человека над функционированием биотехнического артефакта.

П. 5 — демократизм техники. Здесь у меня есть большие сомнения в том, что биотехнологии станут средством демократизации общества в силу дороговизны и штучности биотехнологических вмешательств, по крайней мере до тех пор, пока они не станут медицинской рутинной. Скорее они (биотехнологии) будут дорогой витриной самых смелых возможностей, на которые будут с завистью глазеть прохожие.

П. 6 — выгода остается, причем она, как и прежде, имеет двойственную природу — она помогает людям, и она приносит прибыль.

Как видно из этого краткого сопоставления, кое-что меняется, но в целом все основные конфигурации остаются пока еще значимыми.

Но теперь по шагам: что такое конструирование в данном контексте.

1. Дерзость, основанная на науке, простирающаяся на преобразование живого. Мы помним, что в технике главное — это преобразование (веществ, энергии, движения, информации). Так вот радикальный шаг конструирования — это переход границы, вторжение в «божий промысел», а за этой границей, как и за всякой иной, свои порядки и правила. Пока о них не говорим.

2. Новый тип целерационального действия: технонаука создает новые кластеры возможностей, или ризомы возможностей, на базе которых конструируются способы и области последующего использования научного знания. Трудно сказать, кто или что обгоняет — постановка целей или разработка средств, годных для чего угодно, только конкретизируйте, пожалуйста, свои запросы. Лазерная техника возникла как военный проект, а используется в медицине. Фундаментальное знание, как и прежде, непредсказуемо и незаказуемо, но от него теперь ждут практического применения. И это сказывается на формировании новых областей исследований и их интенсивности.

3. Предусмотрительность, то есть этическая категория, становится одной из ключевых в конструировании человека. Возникают новые правила поведения в конструкторском бюро и новые инстанции новых типов контроля, вроде биоэтических комитетов.

4. Новая идеология тела, телесности, идентичности с телом и полом, возрастом, исчезновение старых табу и законов и появление новых, отменяющих традиционные ценности, конфликтная обстановка вокруг биотехнического вмешательства. Паровая машина не подлежит обсуждению с моральной позиции, а клонирование — да.

5. Отмена природной ограниченности человека дает колоссальный эффект как для пациента, так и для общества в целом, которое в силах теперь превращать инвалидность в валидность. Конструктор — демиург, биотехнология — бог, они займут исключительно привилегированное место в обществе. И будут им пользоваться. Предвидятся мощнейшие силы стратифи-

кации общества, отменяющие нынешние цензы мобильности (имущественные, интеллектуальные, сословные, родственные и т. п.) и выдвигающие совершенно новые. На этой основе будут ломаться старые и появляться новые идеалы, ценностные и нормативные системы, и это будет болезненный и конфликтный процесс.

Вновь актуализируются вопросы о пределах и допусках использования техники. Почему, например, возможны прыжки в высоту с шестом, но запрещены прыжки с допингом? Какая разница? Шест и допинг — средства добиться высокого результата. Пусть все прыгают с допингом? — Но это же вредно! — А насколько? И тогда, если будут использоваться безвредные допинги, значит — можно? И потом, уж коли вы так радеете о здоровье спортсменов, запретите бокс! Там убивают безо всякого допинга. Или уродуют, как Али.

Спортсмен, так же, как и военный, подписывает негласный контракт с обществом: «Я приношу себя в жертву вашим интересам и потребностям. Я могу погибнуть, но зато вы узнаете, на что в принципе способен организм человека, если его заточить на рекорд. А солдат — идет воевать, чтобы убивать и быть убитым вместо вас, обыватели. За это я прошу увеличенный пакет благ». В конце концов, ранняя специализация на спорте предельных достижений точно так же вредна для людей, которые становятся подопытными кроликами в лаборатории под названием спорт. Человек не просто рискует в экстремальных видах движения, он обрезает себе все остальные дороги в жизни. Есть только редкие исключения, когда спортсмен добивается успехов в какой-либо профессиональной деятельности вне спорта.

Но тогда выходит так — есть (условно) индивидуальное тело человека, и есть социальное тело цивилизации. Одно и то же происходит там и там? Улучшение в социальном теле идет уже давным-давно — начиная от посуды, орудий, жилищ, поселений, коллективных техник охоты и обороны... А в индивидуальном теле улучшения шли за счет тренировки, развития способностей, культивирования и раскрытия природного дара — креативности. И вдруг на место тренировки приходят биотехнологии, на место

способностей — компьютеры, на место мастерства — технологии. Причем в исторически бешеном темпе, как революционный сдвиг, не особо разбирающийся, что при этом ломается, портится и гибнет. Если это произойдет быстро, то отсохнут природные, многотысячелетние механизмы жизни человека. Мы уже видим, что социальные технологии «улучшения» человека посредством утилитаризации культуры привели к катастрофическим последствиям, вроде отечественной госдумы, нового поколения чиновничества и массмедиа.

Неспроста. Это не просто падение всего, что может упасть. Это еще и подъем того, что может вырастать из такой беспокойной субстанции, как меняющаяся человеческая природа. Она уже не только (как раньше говорили, биосоциальная) природа, но и внеприродная конструкция. Пока они сосуществуют вместе, и мы не можем говорить, что техника утратила коммуникативную сущность и превратилась в антропную технологию. Да, тенденция обозначилась, она и впрямь чревата и триумфами, и провалами. Но, во-первых, это еще начало пути. Во-вторых, антропность техники и технологии наслаивается на коммуникативность. Их невозможно отслоить, разве что в очень грубой абстракции. Но и уверять, что природа стала социальной, как только природное включается в телесность человека, — тоже преждевременно.

Логика исторически шла так: техника возникла как орудие, потом стала инструментом, потом — средой обитания, потом — средством общения и — наконец... Техника развила средства коммуникации, а потом — вот буквально вчера — пошла как бы вспять, в развитие инструментов. Но эти инструменты — вот что важно! — теперь уже работают в организме человека, они уже не просто стоят между общающимися людьми — они обеспечивают организму, телу соответствие с нормативными представлениями о здоровье — это раз, и о преодолении этих норм — два. И они выводят индивидуальное здоровье — или немочь — на уровень формулы, на уровень абстракции, на уровень тонкой и сложной технологической манипуляции. С генами, нейронами, клетками... И предметом воздействия стало телесное, то есть те-

лесная, биологическая природа. Пока еще не важно — человека или животного. Но это *пока* действует только до рубежа — когда и если техника займется надприродной — ментальной природой уже только человека. Хотя будет ли это уже человек? И не станет ли возможным привить искусственную ментальность животным? Так или иначе, наряду со второй природой начинают возникать новые миры, новые реальности — виртуальная, которая находится еще на площадке коммуникации, интернет вещей¹, который уже основательно заступил ее границы, и новая — третья или четвертая, не так важно, какая по счету, важно, какая по сути, — природа искусственного, которое тождественно (не целиком, но все же) естественному. И «искусственное» перестает быть синонимом «неадекватного, поддельного, суррогатного». Наоборот, ему принадлежит первенство, поскольку оно становится субъектом всех превращений, субъектом конструирования новых реальностей.

Машина ли человек²? Взгляд естествоиспытателя — конечно, да! И взгляд гуманитария — конечно, нет! И оба по-своему правы³. Воспроизвести, открыть общее, закономерное, отремонтировать, понять, как устроено, и сделать руками то, что было сделано природой, и даже лучше — этот взгляд и есть понимание человека как машины. А уникальность, биография, индетерминизм, свобода воли — это уже не машина, это сверхприродное.

¹ Чеклецов В. В. От Industry 4.0 к Природе 2.0 // Философские науки. 2014. № 11. С. 112–120. Из этой статьи можно сделать вывод: коммуникативная природа техники никуда не делась. Но парадоксальным образом поехала в сторону интернета вещей — вещи теперь будут «коммуницировать друг с другом»! Для этого нужны определенные условия, а человек, подобно творцу, демиургу, стоит в центре этих коммуникаций и дирижирует интеллектуальной средой.

² О. В. Попова замечает, что конструкт «человек-машина» — одна из исторических форм человеческого воображения. Иными словами, каждое время вписывает в него свои смыслы. См.: Попова О. В. Российская технология утопии: новые модусы проектирования человека // Человек в техническом мире: вызовы XXI века: сб. материалов XIV конф. «Наука. Философия. Религия». Дубна, 10–11 ноября 2011 г. М.: Фонд Андрея Первозванного, 2012. С. 145.

³ Концепции, в которых симбиоз машины и человека лишает человека самостоятельного существования, требуют особого методологического и логического анализа, подчеркнул Б. Г. Юдин в статье «Человек и машина: «интимные связи?» // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 18: Человек — NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования) / под. ред. П. Д. Тищенко. М.: Изд-во Моск. гуман. ун-та. 2014. С. 103–118.

Культурное. И если вернуться к разделению на индивидуальное и социальное тело человека (очень условное), то вроде бы получается, что человек сильно рискует, а человечество в целом сильно выигрывает от экспансии биотехнологий. Это как на войне — солдата убили, а армия победила. Опять уже на новом уровне воспроизводится диссонанс личного и общего.

Вопрос о словах упирается в вопрос о смене цивилизационных этапов. Коммуникативная концепция (и природа) техники релевантны для эпохи построения «второй природы» — рукотворной среды обитания человека. Это я пытался доказать в своей книге. Сегодня техника и технология конструируют следующую фазу цивилизации — «третью природу». Это уже не только и не просто среда обитания человека, сколько конструирование коммуникативного пространства, в которое включены вещи, отношения и организм человека, не говоря уже о социальных «телах», или субъектах. Техника уже успешно используется в явно неприродных видах деятельности человека, таких как игры, сочинение и исполнение музыки, в создании виртуальной реальности, в частности — в изобразительных искусствах. Третья природа — это уже следующий шаг за информационной эрой, это уже «рефлексивное» обращение человека к самому себе — поначалу как к телу, а потом, видимо, и к душе — с биотехнологической оснасткой, — это раз, и с инженерным энтузиазмом — что бы там еще подправить и улучшить? — это два. Но здесь гораздо серьезнее ответственность — если вещественную заготовку можно испортить, запороть, то с живым надо обходиться уже без ошибок. Экспериментировать на живом можно, если это животные, но нельзя, если это люди.

Библиографический список

- Воронин А. А. Миф техники. М. : Наука, 2006. 200 с.
- Лоренц К. Так называемое зло. М. : Культурная революция, 2008.
- Меркулов И. П. «Когнитивная модель сознания» // Эволюция. Мышление. Сознание. (Когнитивный подход и эпистемология). М. : Канон +, 2004. С. 35–64.
- Попова О. В. Российская технология утопии: новые модусы проектирования человека // Человек в техническом мире: вызовы XXI века: сб. материалов XIV конф. «Наука. Философия. Религия», Дубна, 10–11 ноября 2011 г. М. : Фонд Андрея Первозванного, 2012. С. 145.
- Тищенко П. Д. На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики. СПб. : Миръ, 2011. 328 с.
- Simondon G. Du mode d'existens des objets techniques. P. : Aubier, 1969.
- Habermas J. Theorie des kommunikativen Handels. Bd.1,2. Fr/M., 1985.
- Чеклецов В. В. От Industry 4.0 к Природе 2.0 // Философские Науки. 2014. № 11. С. 112–120.
- Юдин Б. Г. Человек и машина: «интимные связи?» // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 18: Человек — NBIC машина (философско-антропологические и биоэтические исследования) / под. ред. П. Д. Тищенко. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2014. С. 103–118.

Пророчество Норберта Винера «Машина умнее своего создателя»: взгляд из XXI века¹

Иванюшкин А. Я.

Prophecy of Norbert Wiener: «A Machine Wiser Than Its Maker» — View from the XXI Century

Ivanyushkin A. Y.

Аннотация. В статье анализируется в контексте современной философии науки содержание работы Норберта Винера «Машина умнее своего создателя» (1953 г.). В свете христианской антропологии концепция искусственного интеллекта Норберта Винера определяется как «редукционистская утопия».

Ключевые слова: кибернетика, искусственный интеллект, редукционизм, христианская антропология, этика, философия персонализма.

Abstract. The subject of an article is Norbert Wiener's publication «A Machine Wiser than Its Maker» (1953). The author analyzes its content in the light of Philosophy of Science. From the perspective of Christian Anthropology author perceives Norbert Wiener's concept of artificial intelligence as «reductionist utopia».

Keywords: Cybernetics, artificial intelligence, reductionism, Christian anthropology, ethics, philosophy of personalism.

В научном наследии одного из крупнейших математиков XX в., основоположника кибернетики Н. Винера (1894–1964) есть небольшая работа «Машина умнее своего создателя», которую он написал в 1953 г., можно сказать, — в качестве отзыва на книгу У. Р. Эшби «Конструкция мозга» (русский перевод в 1962 г.). Это было десятилетие создания первых электронно-вычислительных машин. Здесь обсуждается тема искусственного интеллекта. В последующие годы под знаком прежде всего исследования проблематики искусственного интеллекта

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-23-01008.

сформировались современные когнитивные науки¹. В современной философии тема «искусственного разума» обсуждается многими авторами².

Оптимистическую позицию в решении вопроса возможности создания «искусственного разума» занимают адепты философии трансгуманизма. Так, известный американский учёный и философ Рей Курцвейль, создавший первую читающую машину для слепых, автор бестселлера «The Age of Spiritual Machines» (1999 г.), писал в 2003 г. по поводу фильма братьев Вачовски «Матрица» (2001 г.), что авторы фильма изобразили предполагаемые события через 100 лет, но их точка зрения страдает близорукостью: фантастические события фильма станут реальностью в течение ближайших 30-40 лет. Основываясь на разработанных им математических моделях развития современных технологий, Курцвейль пишет (2003 г.): «Столетний прогресс при текущих темпах развития мы одолеем за двадцать пять лет... XXI век будет эквивалентен двадцати тысячелетиям прогресса с сегодняшними темпами»³. И далее он утверждает: «В данный момент ваш обычный компьютер стоимостью \$1000 стоит где-то между мозгом насекомого и мозгом мыши... К 2050 году компьютер стоимостью в \$1000 будет равен одному миллиарду человеческих мозгов... По моим расчетам, критическая точка наступит в 2030-е годы...

¹ Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Познание познания: когнитивные науки // Эпистемология & философия науки. 2006. Т. VII. № 1. С. 148–169; Одна из первых публикаций на русском языке в данном направлении — А. Ньюэлл, Дж. С. Шоу, Г. А. Саймон. Моделирование мышления с помощью электронно-вычислительной машины (1961) // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под общ. ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 305–318.

² Прусс А. Р. Искусственный интеллект и тождество личности // Наука и человеческая природа: российская и западная перспектива: материалы Междунар. конф., 6–8 ноября 2008 г. / отв. ред. В. К. Шохин. М.: ИФРАН, 2009. С. 14–30; Михайлов И. Ф. Естественный человек в зеркале искусственного интеллекта // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Ф. Г. Майленова. М.: ИФРАН, 2013. С. 113–122; Панов А. Д. Искусственный интеллект и технологическая сингулярность // Взаимосвязь науки и технологии как объект философии науки / Рос. акад. наук, Ин-т философии; редкол. Е. А. Мамчур (отв. ред.) и др. М.: ИФРАН, 2014. С. 50–69 и т. д.

³ Курцвейль Рей. Слияние человека с машиной: движемся ли мы к матрице // Прими красную таблетку: наука, философия и религия в «Матрице» / под ред. Г. Йеффета; пер. с англ. Т. Давыдова. М.: Ультра; Кульгура, 2003. С. 220.

в 2030-2040 годы... явное различие между человеческим интеллектом и интеллектом машины исчезнет... В 2040 году человеческий интеллект и интеллект машины будут очень тесно спаяны... Когда мы доберёмся до 2050 года, основная часть нашего мышления будет иметь небиологический характер... Мы сможем «воссоздавать мир», созданный нашим воображением, и проникать в разные среды, настолько же изумительные, как в «Матрице»¹.

1. Рукотворный «искусственный разум»: редукционистская утопия Н. Винера. Широкой публике имя Винера в основном известно в связи с его знаменитой книгой «Кибернетика» и, может быть, с тем, что он был одним из создателей математической теории информации. Менее известно, что в годы второй мировой войны он был активным участником нескольких секретных научных проектов, разработка которых внесла весомый вклад в победу над нацистской Германией. В частности, ему принадлежит важная роль в обеспечении эффективной противовоздушной обороны британских городов от немецких бомбардировок. В этой связи уместно вспомнить исторический сюжет, о котором повествует Курцвейль: «В 1940 г. Алан Тьюринг создал компьютер на основе телефонных реле. Этот компьютер позволил взломать загадочные коды немцев и предоставил Уинстону Черчиллю расшифровку почти всех сообщений нацистов»². В это же время, когда война Великобритании и Германии велась в основном «в воздухе», Винер успешно решил задачу создания алгоритма эффективного управления зенитным огнём как защиты от немецких бомбардировок. Сложность математической задачи заключалась в том, что самолёты как мишень не только двигались с определённой скоростью, но и изменяли положение в пространстве, используя «фигуры высшего пилотажа». Обобщение необходимости учитывать эти факторы стало у Винера предпосылкой формирования представлений об обратной связи как основополагающем понятии кибернетики.

¹ Курцвейль Рей. Слияние человека с машиной: движемся ли мы к матрице // Прими красную таблетку: наука, философия и религия в «Матрице» / под ред. Г. Йеффета; пер. с англ. Т. Давыдова. М.: Ультра; Культура, 2003. С. 225–234.

² Там же. С. 221.

Винер был одним из ведущих членов того «невидимого колледжа», в который входили К. Шеннон, А. Тьюринг, Дж. Фон Нейман и др.¹ — их творчество стало основой современной компьютерной революции. Он пишет в «Кибернетике», что понятие «количество информации» (как начало математической теории информации) «возникло почти одновременно у нескольких авторов, в том числе у статистика Р. А. Фишера, у д-ра Шеннона из Белловских телефонных лабораторий и у автора настоящей книги... Следует, однако, отметить, что некоторые мои изыскания в этом направлении связаны с более ранней работой Колмогорова»² (*курс мой — А. И.*). Читатель без труда может отыскать эту работу А. Н. Колмогорова³, на которую ссылается Винер.

Винер начинает свою статью «Машина умнее...» словами: «Последние десять лет были свидетелями появления нового взгляда на технику связи и автоматы как устройства связи»⁴. В приведённом положении Винера для нас важно то, что, согласно логике собственно технического прогресса, «автоматы» возникли как «устройства связи», однако именно как «автоматы» они выполняют функцию управления. Поэтому далее Винер говорит, что историю этого «нового взгляда на технику связи и автоматы» можно разделить на два этапа. Первый этап как бы олицетворяет К. Шеннон, создавший общую (математическую) теорию связи. Во-первых, согласно этой теории, передача сообщения по каналам связи оценивается через меру информации, при этом не важно, что служит средством связи — телеграф, радио или телефон. Во-вторых, также не играет роли семантическая наполненность передаваемого сообщения. Второй этап как раз связан с возникновением новой науки — кибернетики, где акцент делается на понятии управления.

¹ Н. Винер также был дружен с выдающимися физиками Н. Бором, М. Борном и др.

² Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1968. С. 55.

³ Колмогоров А. Н. Интерполирование и экстраполирование стационарных случайных последовательностей // Известия АН СССР. Серия «Мат.». 1941. № 5. С. 3–14 (приводится по книге Н. Винера).

⁴ Винер Н. Машина умнее своего создателя (Приложение № 1) // Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Сов. радио, 1968. С. 295.

Работа Эшби «Конструкция мозга» привлекла внимание Винера потому, что она посвящена в основном «тем вопросам философии, которые затрагивают специфические свойства кибернетических систем»¹. Среди первых таких вопросов, на которых сосредоточен Эшби, «...что такое обучение? должна ли способность к обучению вкладываться в машину посредством некоторой специфической организации, или явления обучения может обнаруживать машина с организацией, в значительной мере случайной? Может ли машина быть умнее своего создателя?»².

Как видим, Винер, в диалоге с Эшби, ставит коренной вопрос о возможности создания искусственного интеллекта. Во-первых, исходя из основополагающей идеи кибернетики (единства законов управления в животных и машинах-автоматах), он выстраивает следующую логическую цепочку: семантически многозначное, имеющее преимущественно метафизический смысл понятие «ум» конкретизируется через эмпирически очевидную функцию последнего — обучение. Далее понятие обучения рассматривается в контексте биологической эволюции. Во-вторых, говоря о машине, Винер подразумевает ЭВМ³, причём способную к самообучению: он проводит различие между устройством машины, созданной в соответствии с логикой лапласовского детерминизма, и машины иного типа, в функционировании которой существенную роль играет случайность. Автор здесь имеет в виду аналогичный биологической эволюции процесс самосовершенствования устройства машин-автоматов, при этом процесс самосовершенствования подразумевает другое понятие — «самообучение». Вывод Винера однозначен: «...д-р Эшби полагает, что можно действительно создать машины, которые были бы умнее своих создателей; и в этом я с ним совершенно согласен»⁴.

¹ Винер Н. Машина умнее своего создателя (Приложение № 1) // Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Сов. радио, 1968. С. 295.

² Там же. С. 295–296.

³ К 1953 г. история этого направления технического прогресса насчитывала около 10 лет (первая вычислительная машина К. Цузе была построена в 1938 г., а компьютер «ЭНИАК» — в 1946 г.).

⁴ Там же. С. 300.

Какова же аргументация великого математика, учёного и философа¹? Ещё раз напомним о роли случайности в теории эволюции Дарвина. В его теории эту роль играет «неопределённая изменчивость», то есть то же самое, что в научной генетике обозначается как «мутация». Винер отвергает в природе жизни всякое телеологическое начало. Имея в виду феномен биологической целесообразности, он использует такую метафору (объясняя удивительную приспособленность к конкретным условиям какого-то отдельного биологического вида): «Это не кусок мрамора, превращающийся в совершенное изваяние под руками художника-творца, а скорее один из тех изваянных ветром столбов песчаника, которые украшают каньоны штата Юта. Случайные процессы эрозии, соединяясь, образовали эти столбы, имеющие вид замков и памятников, и даже фигур людей и животных»².

Далее Винер должен обосновать в рамках научной рациональности принципиальную возможность создания «машины умнее своего создателя». Надо сказать, методология автора здесь весьма незамысловата. Во-первых, он в терминах физической науки (термодинамики) подтверждает противоречивость древнейшей философской истины: мир — это бытие как устойчивость, неподвижность (Парменид), но так же мир — это бытие как движение, изменение, отрицание всякого покоя (Гераклит). Во-вторых, реальные состояния всех природных систем (включая животных и созданные человеком машины-автоматы) есть нечто срединное между этими полюсами — «квазиравновесные состояния» (абсолютная устойчивость предполагает максимум энтропии «и по существу равносильна тепловой смерти»³). Приспособление таких систем к изменяющимся условиям окружающей среды, конечно,

¹ Н. Винер сначала хотел выбрать карьеру философа и получил солидное философское образование — в Гарварде у Дж. Сантаяны, в Кембридже у Б. Рассела, в Геттингене у Э. Гуссерля. Анализируя предпосылки рождения новой науки кибернетики, Винер вспоминал о совместной работе с д-ром Розенблютом (коллегой и сотрудником У. Кэннона — знаменитого американского физиолога, одного из основоположников психосоматического подхода в медицине), подчёркивая следующий момент: «...вопросы методологии ставились на первое или хотя бы на почётное место» (Винер Н. Указ. соч. С. 43).

² Винер Н. Машина умнее своего создателя (Приложение № 1) // Винер Н. Указ. соч. С. 297.

³ Там же. С. 299.

предполагает некоторые энергетические процессы, но собственно их приспособительная сущность заключается в информационных процессах. У Эшби живые системы и аналогичные им машины-автоматы в этом контексте определяются как «гомеостаты». В природе рукотворных машин-автоматов информационные процессы настолько важны, что Винер называет их в духе д-ра Эшби — «машины с глазами и ушами»¹.

По сути дела, в диалоге двух выдающихся учёных середины XX в. (Н. Винера и У. Р. Эшби) ответ на претенциозный вопрос о возможности создания «машины умнее человека», в конце концов, сводится к двум аргументам. Первый: машины-автоматы, аналогично живым существам, со временем приобретут способность адаптации к изменениям окружающей среды. Второй: гипотеза возможности создания машины, которая будет «умнее своего создателя», обосновывается двумя словами: «необходима сложность».

С нашей точки зрения, ход мысли в этом последнем пункте достаточно наивен: создатель кибернетики как бы уповает на универсальность известного закона гегелевской диалектики — закона перехода количественных изменений в качественные. Говоря конкретнее: бесконечный процесс возрастания сложности машин-автоматов в конце концов приведёт к возникновению «искусственного разума». Если иметь в виду фантастический прогресс компьютерной техники в современном обществе, историческая дистанция между Винером, Эшби, с одной стороны, и Курцвейлем — с другой, очевидна. В то же время, с моей точки зрения, сегодня (в 2015 г.) их уверенность в возможности создания «искусственного разума», который в онтологическом плане *следует считать никак иначе, как личность*, зиждется пока на зыбкой, всего лишь умозрительной почве. Разумеется, последний наш вывод основан исключительно на реконструкции научной и философской аргументации при обсуждении данной темы в работе Норберта Винера «Машина умнее своего создателя». Редукционистская методология как основание такой возможности обернулась созданием всего лишь очередного утопического философского проекта.

¹ Винер Н. Машина умнее своего создателя (Приложение № 1) // Винер Н. Указ. соч. С. 299.

2. **Идея искусственного интеллекта в свете христианской антропологии**¹. В огромном научном наследии Винера² обсуждаемая нами небольшая его статья, по сути, — всего лишь набросок, беглый эскиз. С самого начала Винер исходит из *необходимости создания «умной машины»*, однако вопрос этичности такого проекта для него не стоит. На примере этой статьи мы можем лишь строить догадки, что ее автор допускает, что этим вопросом могут быть озабочены другие люди, страдающие фобиями по отношению к техническому прогрессу. В данном эссе Винер не ставит вопроса, создавать или не создавать «умную машину», он ставит вопрос, как такая машина может быть создана человеком, «сознательно присваивающим себе функции демиурга»³.

В этой короткой цитате мы встречаем пример того, как секулярная наука вновь и вновь, несмотря на всю свою декларируемую секулярность, воспринимает христианскую идею Творца всерьёз. Учёный-атеист Винер⁴ не удержался и сказал нечто такое, что явно не имел в виду — косвенно засвидетельствовал существование Творца-Бога. Здесь же, в связи с темой дарвиновской теории эволюции Винер не упускает случая сказать, что «...биология вышла из стадии чисто теологических обоснований...»⁵. Но давайте задумаемся, зачем он это говорит? Какой смысл вспоминать об этом, если, согласно его позиции, теология давно отброшена секулярной наукой на задворки истории? Выходит, все-таки

¹ Этот раздел статьи написан в соавторстве с И. А. Иванюшкиным.

² См. его научную автобиографию: Винер Н. Я. — математик / сокр. пер. с англ. Ю. С. Родман. М. : Наука, 1964.

³ Винер Н. Указ. соч. С. 295–296.

⁴ Конечно, вопрос об отношении Н. Винера к религии сложен. Большой знаток его жизни и творчества профессор Г. Н. Поваров пишет: «В вопросах религии Винер признавал себя «скептиком», стоящим вне исповеданий... В «Боге и Големе» Винер проводит аналогию между богом и кибернетиком, трактуя бога как предельное понятие наподобие бесконечности в математике». И ещё одно интересное замечание Г. Н. Поварова: родители Н. Винера отказались от традиционного иудаизма, но в его мировоззрении, мироощущении отмечалось пристрастие к еврейской старине (Поваров Г. Н. Норберт Винер и его «Кибернетика» (от редактора перевода) // Винер Н. Указ. соч. С. 12, 17.

⁵ Винер Н. Машина умнее своего создателя (Приложение № 1) // Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М. : Сов. радио, 1968. С. 298.

не отброшена. Характерный факт: в 2007 г. Парламентской ассамблее Совета Европы *с большим трудом (с небольшим перевесом голосов)* удалось принять резолюцию, что «Совет «решительно против преподавания креационизма как научной дисциплины наравне с теорией эволюции и в целом — против представления креационистских идей на любых уроках, кроме уроков религии»¹ (курс. наш. — авт.).

Далее, ничего нет удивительного, что в современном дарвинизме, как во всякой науке, немало противоречий², и разрешение многих из них будет «точками роста» научного знания. Но нельзя не сознавать и другое: дарвинизм — это «больше, чем наука». Вслед за Коперником, который определил место Земли как рядовой планеты в солнечной системе, Дарвин уравнил онтологический статус человека с другими животными (Фрейд спустя столетия усилил эту его позицию). Винер, написав свою знаменитую «Кибернетику», в которой в определённом смысле отождествил человека и машину, вполне оправданно тоже занимает своё место в этом ряду. Именно поэтому из всего научного пантеона имена названных выше великих учёных стоят как бы особняком — в их научные труды «встроена» иная, некреационистская, мировоззренческая парадигма.

Сегодня часто позиция естественной теологии в объяснении мира в целом оказывается более притягательной, нежели бездушные подходы академической науки и естествознания. Вот, к примеру, что мы читаем в сборнике статей «Новое естественное богословие»: «О «смерти» Бога в научной жизни говорить не приходится; он ожил в конце 60-х и теперь живет и здравствует в своей последней академической цитадели — на факультетах философии»³. Точно также нельзя не выразить недоумения, почему человек у Винера именно *сознательно* присваивает себе роль демиурга? С нашей точки зрения, такое утверждение нуждается в основательном эпистемологическом обосновании, которого Винер, ко-

¹ Марков А. В. Почему так живуч креационизм // ЭКОлогия и жизнь. 2009. № 5 (90). С. 5.

² Баландин Р. Анти-Дарвин. Миражи эволюции. М.: Яуза; Эксмо, 2010.

³ Новое естественное богословие: пер. с англ. под ред. У. Крейга и Дж. Морленда (Серия «Богословие и наука»). М.: Изд-во ББИ, 2014. С. IX.

нечно же, не предоставляет. Очень большой вопрос — какие по преимуществу корни у творчества как выражения самой природы человеческого разума, человеческой личности: рациональные или иррациональные, сознательные или бессознательные?

В своём содержательном Предисловии ко 2-му русскому изданию «Кибернетики» Г. Н. Поваров справедливо называет статью Винера «Машина умнее своего создателя» «этюдом». Ясного ответа, как может быть построена самообучающаяся умная машина, Винер не даёт, лишь излагает некоторые свои интуиции, заключая, что книга Эшби — шаг в верном направлении: «...можно заключить, что она открывает нам широкий взгляд на новые рубежи мысли... книгу его надо читать как один из первых плодов на ниве, заслуживающей усердного возделывания»¹.

Каковы же всё-таки аргументы (и не менее важно — философские основания) позиции Винера, в соответствии с которой он «совершенно согласен» с Эшби, что «можно действительно создать машины, которые были бы умнее своих создателей»? Подход Винера к решению проблемы создания модели самообучающейся машины сугубо позитивистский. Главная догадка Винера, на наш взгляд, может быть выражена так: у природы есть свои законы, достаточно их подсмотреть в «живых машинах», которые создаёт природа, и проблема скоро будет решена. Уже из одного заголовка его книги «Кибернетика или управление и связь в животном и машине» очевидно, что для Винера «умная машина» и разумно мыслящий человек онтологически равноправны. По Винеру, человек создает механические устройства, уподобляя последние живой природе, от которой произошёл на свет сам, — в роли той самой «мыслящей машины», которую теперь желает «рукотворно воссоздать». Вся сложность постройки умной машины, таким образом, состоит в научном описании способа обучения, благодаря которому построенный умный механизм получит возможность самообучаться и тем самым — развиваться. С наивностью, перед которой невозможно не испытать удивления, Винер верит, что когда-нибудь человек обязательно такую машину построит.

¹ Винер Н. Машина умнее своего создателя (Приложение № 1) // Винер Н. Кибернетика... С. 301.

Безоглядная вера Винера в научное познание заставляет его сказать: «...Машины, созданные человеком, обещают свести наше изучение биологических процессов обучения и приспособления... к такому масштабу, при котором мы сможем разбирать эти зыбкие понятия с уверенностью и точностью, сравнимой с тем, что мы имеем в физической и технической лаборатории»¹.

Поэтому, по Винеру, внимание науки следует сосредоточить в двух направлениях, присмотревшись к ходу эволюции живых организмов и к физическим процессам, происходящим на атомном уровне. И там, и тут Винер выявляет черты сходства, допускающая, что имеет место некая общая природная закономерность. Что же роднит дарвиновскую теорию естественного отбора с квантовой физикой, согласно Винеру? Ответ таков: и в природной конкуренции за выживание, и в процессе радиоактивного распада атомов, в конце концов, побеждает принцип покоя — остаются существовать только те животные формы и физические системы, которым удалось стабилизировать свое существование во времени.

Как и у многих других учёных, философско-мировоззренческие основания размышлений Винера — это материализм и позитивизм. Он как бы заморожен метаморфозами физической материи, «творчеством природы», не имеющим, как полагает он, никакой духовной основы. К теории естественного отбора Дарвина Винер апеллирует как к безусловному, разделяемому всей современной наукой, физическому закону. «Главная идея естественного отбора, примененная Дарвином к теории эволюции, — пишет Винер, — заключается в том, что земная флора и фауна состоят из форм, которые дошли до нас просто как остаточные формы, а не в силу какого-либо прямого процесса становления к совершенству»². Таким образом, для Винера жизнь на земле предстает в виде картинки из калейдоскопа, в формировании которой на первом месте случайность, но не верховный замысел.

¹ Винер Н. Машина умнее своего создателя (Приложение № 1) // Винер Н. Кибернетика... С. 296.

² Там же. С. 296–297.

Выступая в обсуждаемой статье более как философ, чем как учёный (математик, кибернетик, физик), Винер не видит, как нам представляется, философски открытых проблем дарвиновской теории эволюции. Оставим до поры в стороне неприемлемость, с точки зрения христианина, гипотезы антропогенеза по Дарвину. К его теории естественного отбора существует множество других вопросов с самых разных философских позиций. Откуда известно, что основной закон эволюции видов именно такой, каким он представлялся Дарвину? Как сказал Ф. Ницше, «что касается знаменитой «борьбы за существование», то она кажется мне, однако, более плодом утверждения, нежели доказательства. ...Общий вид жизни не нужда, не голод, а, напротив, богатство, изобилие, даже абсурдная расточительность, — где борются, там борются за власть...»¹. Основной, если можно его так называть, «закон» существования жизни вообще может быть иным, не иметь ничего общего с гипотезой Дарвина.

Анализируя обсуждаемую статью Винера в свете христианской антропологии, невозможно не замечать *антигуманизм его позиции*. Он вспоминает о художнике-творце только затем, чтобы сказать, что «творчество природы», создающее «живые существа-машины», совсем иное по своей сути, нежели творчество человека. Здесь у Винера мы наблюдаем явный дуализм, противоречие. Выдвигая на передний план универсальные законы биологической эволюции и физики, принижая духовное, творческое начало, он вдруг, на секунду как бы «перепрыгивает» на сторону идеализма и заявляет о том, что творчество человека имеет основу, отличную от законов природы. Винер здесь проговаривается, признавая существование иного, нематериального, горизонта бытия, диктующего творчески активному человеку свою волю.

Излагая свою трактовку дарвинизма, Винер не упускает случая упрекнуть христианское богословие в беспредметности его исканий, когда пишет: «...кажущаяся теодицея, на которую намекает великолепие и разумность бесконечно сложного царства

¹ Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом / пер. Н. Полилова // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем.; сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян. М.: Мысль, 1990. С. 601.

природы...»¹ (*курсив наш — авт.*). Этот расхожий упрёк в беспредметности любой религии и как следствие — богословия так часто раздаётся из лагеря естественных наук, что богословы предпочитают чаще отмалчиваться по адресу людей, не способных к восприятию метафизической реальности, многоуровневой иерархии сотворенного Богом бытия. Примеров подобных упрёков несть числа. Достаточно вспомнить скандальную² книгу биолога Р. Докинза «Бог как иллюзия». Однако в отношении всех этих нападок со стороны представителей современного естествознания на христианство, опыт его культа, историю его богословия, можно только повторить (в надежде быть услышанным): если Бога нет, какая сила утверждает храмы на нашей земле? Физики любят апеллировать к эмпирии, так вот храмы, те самые «сорок сороков» — самое лучшее подтверждение реальности религиозного опыта, опыта литургии.

Кроме того, почему физики со своим дискурсом, «со своим уставом» приходят в чужой монастырь? Они предпочитают отвергать существование Бога языком науки, не имея другого языка в своем арсенале. Вера в Бога не изъясняется в физических категориях, посредством которых физики пытаются воевать с религией. И когда они пытаются говорить о Боге из своего дискурса, у них выходит говорить про другое. Ф. М. Достоевский проникновенно изобразил эту дистанцию между верующим и атеистом словами князя Мышкина: «Утром ехал по одной новой железной дороге и часа четыре с одним С-м в вагоне проговорил... В бога он не верует. Одно только меня поразило: что он вовсе как будто не про то говорил, во всё время, и потому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встречался с неверующими и сколько ни читал таких книг, всё мне казалось, что и говорят они,

¹ Винер Н. Машина умнее своего создателя (Приложение № 1) // Винер Н. Кибернетика... С. 297.

² Здесь следует заметить, что общественный скандал разразился сразу же после выхода в свет в ноябре 1859 г. «Происхождения видов» Ч. Дарвина: «И книгу, и самого автора проклинали и предавали анафеме... По всей Великобритании шли яростные споры, причём зачастую спорщики и в глаза не видели самой книги...» (Стоун И. Происхождение. Роман-биография Чарлза Дарвина) / пер. с англ. М. И. Брука и Ю. С. Кацнельсона. М. : Политиздат, 1983. С. 354.).

и в книгах пишут совсем будто не про то...»¹. Проблема демаркации сфер знания никуда не девалась. Как замечательно выразился М. Шелер, для образованного европейца существует три не сводимых между собою круга представлений, характеризующих для него ответ на вопрос, что же такое человек: 1) иудео-христианский круг представлений; 2) греко-античный круг представлений; 3) круг современного естествознания. «Между этими тремя кругами нет *никакого* единства. Таким образом, существуют естественно-научная, философская и теологическая антропологии... *единой же идеи человека у нас нет*»² (*курс. наш. — авт.*). Физики не могут взять в толк, что отрицание Бога просто не может никаким образом (тем более языком физики) быть изъяснено. Н. А. Бердяев говорил: «...Не есть ли бунт против Бога недоразумение в терминах? Бунтовать можно лишь во имя Верховной Ценности, Верховного Смысла, то есть во имя Бога»³. Откуда эта одержимость? И главное — кем? Почему раз от раза физики пытаются ниспровергнуть религию языком науки? Если Бога нет, то откуда такое рвение? Казалось бы: Бога нет — это приемлемая очевидность для неверующего физика, но ведь зачем-то ему еще оказывается необходимой санкция науки на богоотступничество! Как сказал С. С. Аверинцев, «...атеизм все чаще принимает идею Бога настолько всерьёз, что по крайней мере не может от нее отделаться без формально декларированного и наукообразно обоснованного ее отрицания...»⁴.

Винер верит, что умную, умеющую образовываться машину возможно построить на основе знаний об объективных закономерностях, которые наука может извлечь из изучения микро- и макромира. Непреложный, по Винеру, дарвиновский закон имеет черты родства с закономерностями в мире элементарных частиц. Он полагает, что ключом к построению умной машины

¹ Достоевский Ф. М. Идиот: Роман в четырех частях. М. : Худож. лит., 1983. С. 219.

² Шелер М. Положение человека в Космосе / пер. А. Ф. Филлипова; сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М. : Прогресс, 1988. С. 31.

³ Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Междунар. отношения, 1990. С. 58.

⁴ Аверинцев С. С. Христианство в XX веке / Аверинцев С. С. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. София-Логос. Словарь. К. : Дух и Литера, 2006. С. 649.

является понимание того, что устойчивость есть абсолютный закон живого и неживого мира: «...элементы с большим периодом полураспада встречаются чаще, чем элементы с малым периодом полураспада... устойчивость свойственна большей части мира. ...Отсутствие неустойчивых форм, которое мы обнаруживаем в биологических рядах вследствие их неспособности выжить в борьбе за существование, наблюдается в эволюции радиоактивных элементов потому, что неустойчивые формы проходят столь быстро, что мы не замечаем их...»¹.

Самоорганизующуюся, самообучающуюся машину Винер предлагает рассматривать как такую устойчивую систему, для которой «имеет место относительно слабый обмен энергией между системой и окружающей средой, но зато относительно большая информационная связь между ними»². Умная машина, по Винеру, должна со временем интеллектуально прогрессировать, постоянно увеличивая ёмкость информационного объема со средой. Таким образом, мы видим три основных свойства будущего механизма, обладающего искусственным интеллектом, по Винеру:

- 1) способность приспосабливаться к окружающей среде;
- 2) возможность неограниченно накапливать информацию и обмениваться ей;
- 3) сложная логическая организация, благодаря которой машина будет своим поведением напоминать поведение обладающего разумом человека.

Такова позитивистская программа Винера по построению умной машины. Как мы видим, проблема решена сугубо средствами физической науки. Метафизическую сторону проблемы Винер как бы не замечает, он не ставит персоналистской проблематики, не задается вопросами субъекта и личности. У его умной машины автоматически появляются «характеристики живого существа», как только в процессе информационного обмена со средой эта

¹ Винер Н. Машина умнее своего создателя (Приложение № 1) // Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: «Советское радио», 1968. С. 298.

² Там же. С. 299.

машина усложняется до некоего состояния. После такого усложнения, эволюционного скачка, машина, по Винеру, становится податливой своему создателю, онтологически ему равной. Почему? Потому что она может, так же как и живой, мыслящий человек, обучаться. Такова логика и скажем прямо — незамысловатый вывод обсуждаемой статьи Норберта Винера: «... Действительно существенные и активные явления жизни и обучения начинаются лишь после того, как организм достигнет некоторой критической ступени сложности»¹.

Библиографический список:

Аверинцев С. С. Христианство в XX веке // Аверинцев С. С. Собрание сочинений / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. София–Логос. Словарь. К.: Дух и Литера, 2006.

Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Познание познания: когнитивные науки // Эпистемология & философия науки. 2006. Т. VII. № 1. С. 148–169.

Баландин Р. Анти-Дарвин. Миражи эволюции. М.: Яуза; Эксмо, 2010.

Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Междунар. отношения, 1990.

Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1968.

Достоевский Ф. М. Идиот: Роман в четырех частях. М.: Худ. лит., 1983.

Колмогоров А. Н. Интерполирование и экстраполирование стационарных случайных последовательностей // «Известия АН СССР». Серия Мат. 1941. № 5. С. 3–14 (приводится по книге Н. Винера).

Курицвейль Р. Слияние человека с машиной: движемся ли мы к матрице // Прими красную таблетку: наука, философия и религия в «Матрице» / пер. с англ. Т. Давыдова; под ред. Г. Йеффета. М.: Ультра; Культура, 2003.

¹ Винер Н. Машина умнее своего создателя (Приложение № 1) // Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: «Советское радио», 1968. С. 301.

Марков А. В. Почему так живуч креационизм // ЭКОлогия и жизнь. 2009. № 5 (90). С. 5.

Михайлов И. Ф. Естественный человек в зеркале искусственного интеллекта // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 / Росс. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Ф. Г. Майленова. М. : ИФРАН, 2013. С. 113–122.

Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / пер. Н. Полилова // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян. М. : Мысль, 1990. С. 601.

Новое естественное богословие: пер. с англ. / под ред. У. Крейга и Дж. Морленда. М. : Изд-во ББИ, 2014. С. IX. (Серия «Богословие и наука»).

Ньюэлл А., Шоу Дж.С., Саймон Г. А. Моделирование мышления с помощью электронно-вычислительной машины (1961) // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под общ. ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 305–318.

Панов А. Д. Искусственный интеллект и технологическая сингулярность // Взаимосвязь науки и технологии как объект философии науки / Рос. акад. наук, Ин-т философии; редкол. Е. А. Мамчур (отв. ред.) и др. М. : ИФРАН, 2014. С. 50–69.

Прусс А. Р. Искусственный интеллект и тождество личности // Наука и человеческая природа: российская и западная перспектива: материалы Междунар. конф. «Наука и человеческая природа: российская и западная перспектива», 6–8 ноября 2008 г. / отв. ред. В. К. Шохин. М. : ИФРАН, 2009. С. 14–30.

Шелер М. Положение человека в Космосе / пер. А. Ф. Филлипова; сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М. : Прогресс, 1988.

Конструирование человека: моральные парадоксы (на примере клонирования)¹

Попова О. В.

Designing of the human: moral paradoxes (on the example of the cloning)

Popova O. V.

Аннотация. В современном мире клонирование предстает процессом «возвращения» и «обращения» к жизненному миру посредством его биотехнологического проектирования. Проблему клонирования человека следует рассматривать прежде всего в широкой социокультурной перспективе. Такой подход позволит осознать, почему невозможен абсолютный запрет клонирования, поскольку современная культура, с ее процессами тиражирования и массового воспроизводства, формирует социальный запрос на клонирование. С другой стороны, толерантность к клонированию формируется уже имеющимися практиками клонирования в исследовательских целях, переход от которых в сторону клонирования человека не столь уж далек.

Ключевые слова: клонирование, технологии усовершенствования человека, этика клонирования, культуральные аспекты клонирования.

Abstract. In today's world, the cloning process appears «return» and «treatment» to the life world through biotechnological design of the life-world. The problem of human cloning should be considered, especially in the broader socio-cultural perspective. Such approach would realize why cannot be the absolute prohibition of cloning, because modern culture, with its processes of replication and mass reproduction, creates social demand for cloning. On the other hand, tolerance to cloning is formed by existing practice of cloning for research purposes, the transition from that that practice to human cloning — not so far.

Keywords: cloning technology to improve human cloning ethics, cultural aspects of cloning.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-23-01008.

«Клонирование» — это получение той или иной искусственной идентичной генетической копии одной из существующих форм жизни.

В современном мире клонирование предстает процессом «возвращения» и «обращения» к жизненному миру посредством его биотехнологического проектирования. Происходит постепенный отход от жизненного мира, и сам человек начинает, используя технологии, вторгаться в область живого, конструировать живое, переходя от «точечных элементов к линиям, плоскостям, телам и нам, имеющим отношение к телам»¹. Освоение жизненного мира технологическим путем стало неотъемлемой характеристикой развития биотехнологий, его своеобразной миссией. Реальность живого становится все более интересна своим конструктивным потенциалом, своими возможностями для воплощения дизайнерских проектов. Реальность человеческого тела привлекает также своим художественным, эстетическим потенциалом, а также превращается в топос притяжения мировоззренческих установок, идеологических схем и культурных архетипов. Современный человек, отталкиваясь от них, выстраивает, прорисовывает свой новый усовершенствованный образ на технологической платформе, переходя «из сферы простого, рабского подражания природе в куда более увлекательный мир человеческой изобретательности» (О. Хаксли).

Проблему клонирования человека следует рассматривать прежде всего в широкой социокультурной перспективе. Такой подход позволит осознать, почему невозможен абсолютный запрет клонирования. В этой связи акцентирую внимание на тезисе Ж. Деррида, выдвинутом им в одном интервью: «Если бы клонирование началось с клонирования...»². Итак, существует нечто, что стоит за рамками расхожих биологических представлений о клонировании, но тем не менее определяет возможность ле-

¹ Flusser V. Vom Projizieren // Vom Subjekt zum Projekt. Menschwerdung / Schriften von Vilém Flusser. Hrsg. von Stefan Bollmann. Bd. 3. Mannheim: Bollmann, 1998. S. 9–27 // ХОРА. 2009. № 3/4 (9/10). С. 65–76.

² Derrida J. For What Tomorrow...: A Dialogue. With Elisabeth Roudinesco / transl. by Jeff Fort. Stanford: Stanford University Press, 2004.

гитимации тех или иных вариантов такой биотехнологической практики, как клонирование. Обращусь к словам Ж. Деррида: «Если мы тщательно исследуем концепт клонирования — репродукции двух идентичных индивидов, двух идентичных структур живых существ — оно существовало всегда; оно происходило все время в репродукции в целом. Репродукция в целом не может быть подвергнута контролю или запрещена; мы не можем отрицать, что нечто идентичное всегда возвращается и умножается. Идентичное возвращается все время. Тем или иным способом, в семье, в языке, в нации, в культуре и образовании, в традиции... Без идентифицирующей репродукции также не может быть культуры»¹.

Клонирование предстает и метафорой, и квинтэссенцией процессов, происходящих в культуре, именно эти процессы задают легитимность тех или иных биомедицинских практик, и клонирования в том числе (и в целом различных форм идеологии конструирования человека, в основе которых лежит интенция на массовое воспроизводство человека определенного типа). В этой связи запретить клонирование во всех его видах (репродуктивное, клонирование животных, клонирование в исследовательских целях) означало бы полностью закрыть проект современной культуры.

Клонирование, как репродуктивное, так и терапевтическое, основано на действии одних и тех же принципов, одного и того же закона: повторения и обезличивания. Апологеты клонирования, отталкиваясь от идеала усовершенствованного человека, на самом деле всегда грезят о тиражируемости этого идеала: идеальные клонированные работники, идеальные клонированные доноры, клонированные лидеры или солдаты утопичны до определенных пор и отсылают прежде всего к формату идеи, которая в определенных исторических рамках начинает подпитываться энергией технологического воспроизводства и со временем может обрести воплощение, стать необходимым проектом. Апологеты клонирования грезят не об индивиде, но о мас-

¹ Derrida J. For What Tomorrow...: A Dialogue. With Elisabeth Roudinesco / transl. by Jeff Fort. Stanford: Stanford University Press, 2004.

се, наполненной выгодными заказчику индивидами. Они будут создавать новый тип армии, системы образования, здравоохранения и др. социальных институтов, где может быть востребована тиражируемость определенного типа человека.

Подчеркну, что клонирование человека — пока еще абсолютно неприемлемая и нелегитимная практика — находится в зоне противостояния различных культурных традиций и проектов, хаотично переплетающихся в нашем мире. Социокультурный запрос на массовое тиражирование вещей (клонирование артефактов, в том числе гуманоподобных) подготовил почву для легитимизации клонирования человека. Однако этому культурному проекту противостоит не менее значимый культурный вектор, защищающий индивидуализм, уникальность человеческого бытия, его неповторимость, невозпроизводимость каждого конкретного индивида. Защита интересов «неповторимого» человека осуществляется посредством артикуляции целого ряда нерешенных эτικο-антропологических проблем, являющихся консервативными факторами, сдерживающими развитие практики клонирования человека.

Кратко осветю основные из них:

- проблема безопасности (как сохранение жизненно важных параметров индивида, его антропологической нормы: медицинской, социокультурной и т. д.);
- кризис социальности (в связи с «недееспособностью» понятий воспроизводства и семьи; неопределенностью положения клонированного ребенка по отношению к «родителю»);
- кризис самопонимания личности клона, негативное влияние знания о факте клонирования на психологическое развитие личности клона;
- необратимая утрата свободы личности, поскольку человек как артефакт задан, спроектирован, он не свободен;
- ущемление человеческого достоинства;
- проблемы гендерной этики (уязвимость здоровья женщин, доноров яйцеклеток — касается терапевтического клонирования и клонирования в исследовательских целях);

- проблема коммодификации телесности, превращения тела в товар (речь прежде всего идет о донорстве женских яйцеклеток, необходимых для осуществления практики клонирования в исследовательских целях);
- проблема человеческой дезадаптации, «шока будущего» (Э. Тоффлер);
- проблемы религиозной этики;
- клонирование и проблемы евгеники (следствием спроектированного биогенетического неравенства становится возможность появления социального неравенства).

Ниже я бы хотела обратить внимание на две кардинально противоположные, на первый взгляд, сферы тематизации клонирования. С одной стороны, речь пойдет о клонировании человека как фантастическом мысленном эксперименте, где отчетливо выделяются утопические ожидания современного человека, его недостатки, его потребности, его современные идеалы, с другой — о терапевтическом клонировании (клонировании в исследовательских целях) — вполне себе сложившейся практике, которая имеет дело не столько с фантастикой, сколько с прагматикой реальной жизни, с коллизиями автономии и зависимости, коммодификации (овеществления) тела, экономическими спекуляциями и проблемой справедливости.

Новый формат социальных перемен, своего рода кризис социальности, вызываемый феноменом клонирования человека, пока что интуитивно прочувствован лишь в научной фантастической прозе, а также в фантастических сюжетах, обыгрываемых в академических изданиях, посвященных проблематике усовершенствования человека.

Клонирование человека в дискурсе фантастики: от оригинала к копии

Ниже я попытаюсь артикулировать ряд этических проблем, основываясь на произведениях фантастической прозы (жанр научной фантастики). В качестве вводного слова отмечу, что опора на произведения фантастической прозы, использование фантастических сюжетов в философии и биоэтике (например, в рабо-

тах Р. Рорти, Дж. Харриса и многих других), помогает моделировать поведение людей в будущем, вызванное технологическими рисками и проблемами, возможным изменением их идентичности и кризисом самопонимания, обозначить появление новых проблем, касающихся защиты прав человека (а также животных, а возможно, и роботов) в контексте развития биомедицины. В особенности произведения фантастики являются релевантными для изучения такой актуальной для современной биоэтики проблемы, как усовершенствование человека.

Для целей моего исследования значимыми будут такие произведения, как «Отчет Бредбери» Стивена Полански и «Не отпускай меня» Кадзио Исигуро.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на то, что художественные произведения и научная литература, затрагивающие различные аспекты клонирования, так или иначе соприкасаются с загадочным соотношением двух аспектов человеческого существования — моральности как специфической характеристики социального бытия человека и его бытия в качестве телесно воплощенного существа, его бытия телом. Этические аспекты клонирования человека будут включать различные вопросы. Например, как именовать существо инако-телесное? Как будет формироваться идентичность и этическое самопонимание клонированного существа? Как будет формироваться общественная мораль в отношении оригиналов и их копий? Ниже я представлю примеры артикуляции этих проблем в анализируемых мною произведениях.

Именование человеком и идентичность клона

Фантастическая проза, освещающая проблемы клонирования оказывается весьма чувствительна к проблеме именованности. В работе Стивена Полански «Отчет Бредбери», посвященной одновременно и философским проблемам клонирования человека, и освещению этической напряженности развития института донорства и трансплантации органов¹, есть интересный

¹ Повествование в книге ведется от лица человека, который по стечению обстоятельств встречается со своим клоном. Главный герой живет в стране, где разрешено клонирование человека с целью замены (в случае медицинской необходимости) органов оригинала 2 органами копии. Клонированные существа находятся в особой зоне отселения и ничего не знают о своем происхождении и о мире своих «оригиналов».

пассаж на эту тему, выявляющий невидимые аспекты именованности. «Термины, которые мы используем, «оригинал», «копия», — были придуманы, чтобы выставить в выгодном свете разработчиков и не обращать внимания на новые исследования, чтобы отдалить нас от науки, сделать более спокойными, более лояльными и, в итоге, слепыми. С согласия американской общности клонирование с благодарностью положено в основу федеральной системы здравоохранения. Эта байка убеждает и умиротворяет нас, к тому же позволяет правительству не слишком заботиться о совершенствовании здравоохранения»¹. Имя «оригинал» предоставляет возможность понимания человеческого существа как источника человеческого, в то время как с «копией» связаны коннотации, имеющие отношение к вторичному, вещественному, исключительно биологическому модусу бытия, произведенному с утратой сущности, души, что делает человека человеком, сконструированным особыми социальными технологиями, направленными на формирование индивида-донора. «Оригиналы» в упомянутой книге — это существа, находящиеся на значительно более высокой онтологической нише, чем фактически являющиеся артефактами, живыми вещами их копии.

Переходя в рассуждениях о человеке от персональной «грамматики» к грамматике «вещи» «артефакта» и т.д., дискурсивное пространство используется как инструмент подавления, инструмент легитимации определенных прагматических действий по отношению к человеческому существу.

Книга наполнена аллюзиями на библейские темы. Оригинал «является новым Адамом, современным Адамом, Адамом-добровольцем, Адамом с просвещенным личным интересом, Адамом, которого просят не слишком рисковать (кровенная клетка или две) в этой необычно современной версии библейских инвестиций, когда вкладывают в здоровье, а не в любовь, человека или божество»². Из оригинала делают копии, которые со временем станут источником донорских органов,

¹ Полански С. Отчет Бредбери. URL: <http://coollib.com/b/248863/read>.

² Там же.

заменяющих поврежденные органы: «Копия делается, чтобы она послужила оригиналу так же, как — здесь все вывернулось — Адам послужил Еве»¹.

Идентичность клона формируется особыми социальными технологиями, направленными на то, чтобы создать своего рода совершенного раба, жизнь которого была бы подчинена обеспечению оригинала органами. Поэтому все остальные составляющие социальной жизни клона редуцированы: у клонов нет представлений о любви и дружбе, о сексуальных отношениях. Клоны не умеют говорить (однако, как оказалось, вполне обучаемы и способны испытывать сложную гамму *чувств* при соответствующем развитии). Клон лишен человеческих навыков, которые могли бы позволить ему выжить за пределами Отчужденных земель, лагеря, где проживают клоны, более того, клон лишен мотивации совершать что-то, что противоречит его предназначению, поскольку «Клон... не знает, что он — клон, не понимает, что такое клон, не знает, что существуют оригиналы и копии оригиналов»².

Сконструированная идентичность клона не предполагает выхода за пределы строго очерченных рамок. Клону необходимо функционировать в качестве клона, выполняя долг, предписанный потребностями оригинала в источнике идентичных его телу органов. Этот аспект социального конструирования предназначения также прекрасно отражен в романе К. Исигуро «Не отпускай меня».

В этом произведении главная героиня романа делится воспоминаниями о некоей школе, где в особо благоприятных условиях росли дети, призванные стать донорами. Доноры, о которых повествуется в романе, в глазах общества не являются людьми, они мертвы как социальные существа, поскольку у них не признается существования сознания/души. Они клонированы с целью изъятия у них органов и лишены любых других жизненных перспектив. Будущие доноры — это дети, растущие в особых приютах, своего рода детских домах. Они клонированы от преступных

¹ Полански С. Отчет Брэдбери. URL: <http://coollib.com/b/248863/read>.

² Исигуро К. Не отпускай меня. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Isiguro_Ne_otpuskai_menya.doc.

элементов общества (в романе упоминаются проститутки). Это обстоятельство как бы гарантирует чистоту социального эксперимента — для полноценных людей такие доноры могут быть только материалом в силу подпорченности своего происхождения. Они как бы искупают вину своих родителей, компенсируя ущерб, нанесенный ими обществу.

Так, остро звучащая проблема поиска собственной идентичности возникает лишь на фоне общественного игнорирования широкой сферы этических вопросов, связанных с развитием научно-технического знания, со становлением этоса науки. К. Исигуро акцентирует свое внимание на кризисе этики в свете интенсивного развития науки и техники. В произведении обозначена проблема, которую условно можно было бы условно обозначить проблемой Ахиллеса, устремившегося за черепахой, которая неожиданно для всех приобретает сверхскоростные характеристики. Ахиллес символизирует этическое знание, а черепаха — технический прогресс, темпы развития которого ускорились и на определенном этапе приобрели скоростные характеристики, превышающие скорость Ахиллеса.

Это прекрасно демонстрирует следующая цитата: «...когда одно за другим стремительно делались великие научные открытия, у людей не было времени критически все обдумать, поднять разумные вопросы... Внезапно открылась масса новых возможностей; многие болезни, с которыми врачи до тех пор не могли бороться, стали излечимыми... И люди долго предпочитали думать, что все эти человеческие органы являются ниоткуда — ну, в лучшем случае выращиваются в каком-то вакууме ... к тому времени как люди начали беспокоиться из-за... *воспитанников*, к тому времени как их стало интересовать, в каких условиях вас растят и следует ли производить вас на свет вообще, уже было поздно... вас постарались упрятать подальше, и люди долго делали все возможное, чтобы поменьше о вас думать. А если все-таки думали, то пытались убедить себя, что вы не такие, как мы. Что вы не люди, а раз так, ваша судьба не слишком важна»¹.

¹ Исигуро К. Не отпускай меня. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Isiguro_Ne_otpuskai_menya.doc.

Отсутствие времени для обсуждения этических проблем развития медицинских технологий является кардинальной проблемой человечества. Развитие технологий требует принятия быстрых решений в сфере нормотворчества, быстрой перестройки и подгонки сложных конструкций социальных норм. Однако консерватизм социальной жизни не всегда позволяет угнаться за возможностями, которые может предоставить наука, либо позволяет лишь при включенности фактора «закрытых глаз морали и права».

Клонирование и усовершенствование

Феномен клонирования человека многоаспектен. Заимствованные из области фантастики примеры интересны как вымышленные прецеденты для анализа различных траекторий развития будущего, новых векторов социального нормирования, новых антропологических констант и путей формирования идентичности и т. д.

Общим для тематизации клонирования в приведенных выше работах С. Полански и К. Исигуро является использование техники клонирования как инструмента для обеспечения расходным материалом (органами) «касты полноценных».

Здесь клонирование предстает как практика по созданию человеческих существ. Их будут рассматривать прежде всего в качестве биологических объектов для конструирования.

Нравственные коллизии, возникающие вследствие легитимации клонирования, артикулируют прежде всего аргумент на основании видовой принадлежности. Аргументация на базе видовой принадлежности затрагивает очень сложные в технологическую эпоху вопросы: «когда человек прекращает быть членом своего вида?», «собственно каковы рамки человеческого?». В контексте проблемы клонирования актуализируется вопрос о том, является ли клонированный индивид полноценным членом человеческого вида или лишь вещью, обладающей признаками жизни, пригодной исключительно для целей эксплуатации.

Противоположный подход к клонированию можно условно назвать перфекционистским. Он отражает прежде всего стремление человека (за неимением возможности сконструировать иным путем) законсервировать в клонированном индивиде совокупность черт, качеств, которые представляются идеальными, необходимыми оригиналу или группе людей, преследующих какие-либо связанные с клонированным существом цели.

В этой связи обращу внимание на смоделированный фантастический пример, взятый из работы «От шанса к выбору»¹.

Члены религиозной секты собираются осуществить «массовое производство» человеческих эмбрионов, клонированных от их лидера. Представитель секты заявляет, что они имеют собственную лабораторию и надеются применить технологии, широко используемые для коммерческого производства животных. Некоторые члены Конгресса выражают возмущение и требуют, чтобы правительство предприняло действия против религиозной группы. Представитель Союза Американских гражданских свобод отмечает, что, если мы уважаем репродуктивную свободу и свободу религии, мы должны уважать права религиозных сообществ попытаться транслировать их верования и образ жизни будущим поколениям или с помощью традиционных методов обучения, или же посредством применения генетических технологий.

Опираясь на данный кейс, позволю себе краткий этический анализ двух взаимосвязанных проблем: клонирования и усовершенствования («enhancement»). Понятие «усовершенствования» (enhancement) включает явную или неявную оценку, отсылку к ценностям, к социокультурному контексту. Оно нагружено и референтной функцией (описания фактов) и функцией предписывания, оно не является ценностно нейтральным. Распространение в повседневной жизни практики клонирования в целях усовершенствования кого-либо всегда будет сталкиваться с проблемой нормы и нормирования.

¹ Buchanan A., Brock D., Daniels N., Wikler D. From Chance to Choice. Genetics and Justice, 2009.

Мир, наполненный клонированными представителями секты, — хорошо это или плохо? Имеем ли мы право вообще клонировать человека? Кто должен взять на себя ответственность за определение нормы человеческого, некоего универсального стандарта человека? Как привести к общему знаменателю различные представления о нормальности и о норме? Актуальные сегодня, эти и подобные вопросы в будущем будут обострены в связи возможностями появления новых технологий усовершенствования, соблазн применить которые для переделки человеческого существа может оказаться настолько велик, что консервативные сдерживающие силы (например, в лице традиционной морали) могут оказаться задавлены призывами к конструированию нового сверхчеловека.

Особым пунктом обеспечения стабильности существования, некоторого комфорта совместной жизни у локальных групп (например, таких, как упомянутая выше группа, сформировавшаяся по религиозному признаку) вполне может быть решение о новых технологических (например, с помощью генетических технологий) способах достижения единодушия среди членов сообщества. Предполагается, что клонированные лидеры религиозной секты будут формировать генетически и (как ожидается) духовно гомогенную социальную ткань. Интенция на улучшение качества человеческой природы будет конкурировать с интенцией обеспечения качества жизни. Как сделать жизнь лучше: изменив себя (индивидуальный утопический проект) или мир вокруг себя, включающий в том числе других людей? В такой постановке вопроса обнаруживаются риски появления возможности построения будущих социальных утопий. И в этой связи знаменитый вопрос Ф. Фукуямы: «если мы действительно сможем вывести две породы людей: одну — с седлами на спинах, а другую — со шпорами на сапогах?», несомненно, наглядно демонстрирует трансгрессивный характер подступающего будущего.

Клонирование и коммодификация

Следующим аспектом моего рассмотрения феномена клонирования будет анализ уже действующей широко распространенной практики терапевтического клонирования, под которым подразумевают «использовании методов клонирования для получения эмбриональных (зародышевых) стволовых клеток в целях научных исследований и, потенциально, в терапевтических целях»¹.

Следует подчеркнуть, что использование характеристики «терапевтический» до сих пор является эвфемизмом, обозначением, смягчающим эмоциональную реакцию от понимания специфики этого вида клонирования, отчасти сглаживающим моральную реакцию индивида, осознающего, что процесс получения стволовых клеток сопряжен с этически амбивалентной, построенной на уничтожении эмбрионов практикой. На этот аспект обратили внимание авторы брошюры, посвященной вопросам клонирования, изданной под эгидой ЮНЕСКО. Авторы предлагают следующий шаг к устранению неточности в обозначении: «Учитывая, что термин «терапевтический» предполагает благоприятное для пациента прикладное применение клонирования, что пока является чисто теоретической возможностью, было бы правильнее изменить такой позитивно звучащий термин на более нейтральный: например, «клонирование в исследовательских целях»².

Я не буду акцентировать внимание на, безусловно, значимой для этического анализа проблеме морального статуса эмбриона как неотъемлемой черте исследования этических аспектов «терапевтического» клонирования. Остановлюсь на не менее значимой, но более замалчиваемой проблеме терапевтического клонирования, связанной с ее экономической составляющей, и прежде всего на раскрытии моральных аспектов коммерческого использования значительного количества яйцеклеток, необходимых для осуществления клонирования в исследовательских целях.

¹ Клонирование человека. Вопросы этики. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Париж: ЮНЕСКО, 2004. С. 12.

² Там же. С. 12.

Эта проблема стала объектом внимания авторов упомянутой брошюры по клонированию, изданной под эгидой ЮНЕСКО: «Создание человеческих эмбрионов для исследовательских целей требует, однако, наличия достаточно большого количества яйцеклеток. По этой причине получение яйцеклеток для создания клонированных эмбрионов также может вызвать трудности этического и иного характера. Если для создания одного клонированного человеческого эмбриона, как и при клонировании животных, потребуются сотни неоплодотворенных яйцеклеток, то возникает вопрос: каким образом могут быть получены такие яйцеклетки? Извлечение яйцеклеток из женского организма носит инвазивный характер, поэтому некоторые специалисты выражают озабоченность в связи с тем, что это может привести к эксплуатации женщин и коммерциализации человеческих яйцеклеток»¹.

Рыночные аспекты «терапевтического» клонирования, как и многих других биотехнологических практик, связаны с потребностью определить жизненно важные блага (к которым, например, относятся органы и субстанции тела, его клетки) в качестве объектов не столько рыночного, сколько реципрокного обмена. Уже упоминавшаяся практика эвфемизации речи служит также и нейтрализации знания о коммерческой составляющей «терапевтического» клонирования, маскируя его под альтруистический акт. Например, продажа яйцеклеток в целях использования их в процедурах ЭКО осуществляется в рамках риторики донорства, использование понятия *материальное вознаграждение* обозначается как *материальная компенсация*. Как справедливо отмечает в прекрасном обзоре, посвященном анализу западных концепций коммодификации, Е. С. Бердышева, «индивиды могут маскировать рыночные аспекты сделки, обустраивая практики обмена так, чтобы намек на материальную выгоду был выведен из фокуса взаимодействия. Рыночный обмен жизненно важных благ может фреймироваться его участниками как нерыночный. На практике многие ситуации об-

¹ Клонирование человека. Вопросы этики. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Париж: ЮНЕСКО, 2004. С. 13.

мена, формально считающиеся рыночными, находятся где-то на континууме между прямым торгом и реципрокностью»¹. Коммодификация тела, его частей и субстанций — важнейший тренд последних десятилетий, вызвавший массу как этических, так и правовых коллизий. В 1992 году набиравшее силу распространение тенденции коммодификации человеческого тела побудило Джима Хогшира провести исследование о коммерческой стоимости телесных «активов», таких как кровь, моча, молоко, яйца, сперма и др., и написать руководство о том, как продать себя науке. Хогшир, подсчитав возможную прибыль от «продажи» тела, указал, что выступая в качестве подопытного кролика, субъект может рассчитывать на заработок в \$ 100 в день, а также проживание и питание².

Раскрытие данных о коммодификации тела сопровождается попытками анализа нормативной практики, без которой любые процессы, связанные с манипуляцией телом как товаром, оказались бы невозможны. Мишель Гудвин в своей работе «Черные рынки: спрос и предложение на части тела» поднимает проблему ложного альтруизма. Он отмечает, что сложившаяся практики коммодификации тела основывается на установке, что только доноры тканей и органов должны действовать на основе альтруизма, в то время как биотехнологические компании могут получать огромную прибыль за биоматериалы.

Так, извлечение яйцеклеток для исследовательских целей является инвазивной процедурой, наносящей вред здоровью женщиной, однако информация о вреде для здоровья, как правило, не фигурирует в информированном согласии женщины. Биотехнологические компании, использующие в своей деятельности яйцеклетки, взывают к альтруистическим чувствам женщин, отмечая, что это — акт донорства (то есть в идеале — безвозмездная процедура), и не компенсируют риски для здоровья должным образом (либо денежная компенсация невелика). Также

¹ Бердышева Е. С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 1. С. 77.

² Hogshire J. Sell Yourself to Science: The Complete Guide to Selling Your Organs, Body Fluids, Bodily Functions and Being a Human. Guinea Pig Paperbac, 1992.

все большее распространение обретает практика репродуктивного туризма, которая включает в том числе и поиск доноров яйцеклеток в странах «третьего мира».

Поиск оснований, на которых можно бы было построить классификацию коммодифицируемых и некоммодифицируемых благ, всегда будет апеллировать к мировоззренческим принципам, отталкиваться от некоторых исходных социокультурных архетипов. Под коммодификацией блага будет подразумеваться нечто, обретающее «статус вещи, которой человек может управлять (и манипулировать) по своей воле»¹.

Онтологические основания коммодификации заложены в осуществившейся в Новое время либерализации отношения к своему собственному телу как к инструменту, объекту манипуляций, собственности.

Образ человека Нового времени — это образ экономического субъекта, реализующего себя в деятельности. В рамках новоевропейской либеральной парадигмы достоинство человека предполагает обладание некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности. Первичной и наиболее фундаментальной собственностью является человеческое тело, в социальном плане выражающее себя в «труде» и в результатах этого труда (вспомним философские идеи Дж. Локка). Современный субъект в рамках очерченной мною темы также идет по этому пути. Но он не просто реализует себя, а воспроизводит, «клонировает» свое тело (свои клетки, свои субстанции) и продает себя. Его труд — в поддержании здоровья и самосохранении, результаты его труда — это то естественное, что принадлежит телу и субъекту каждое мгновение, но в то же время и то, что, благодаря особой воле субъекта и его отношению, становится артефактом, товаром (речь, конечно же, идет о телесных биоматериалах). Последовательный неограниченный либерализм, отстаивающий тело как индивидуальную ценность, позволяет человеку инструментализировать его разными способами, в том числе дисконтируя его и наживаясь на этом.

¹ См.: Бердышева Е. С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 1. С. 69.

Проблема коммерциализации телесности постепенно проникает в массовую культуру. Так, в фантастическом триллере «Восхождение Юпитер» главная героиня, простая уборщица, мечтающая купить телескоп, но, не имея на это средств, решает сдать за определенную сумму денег свои яйцеклетки. Сама героиня, обладая идеальным ДНК-кодом и являясь генетической реинкарнацией (фактически клоном) основательницы династии, когда-то управляющей Землей и рядом других планет, обладает правами на королевский титул вселенского масштаба. Коллизия сюжета фильма связана с практикой так называемой «жатвы», когда Землю и ее обитателей (их тела, биологические субстанции) рассматривают как биологический ресурс для производства эликсиров, обеспечивающих резкое омоложение, обновление клеток тела. Здесь прослеживается косвенная аналогия с клонированием в исследовательских целях, поскольку стволовые клетки, получаемые от эмбрионов, также рассматриваются как своего рода аналоги пиллюль бессмертия. Этот и многочисленные подобные ему примеры связаны с определенной мировоззренческой составляющей.

Тело фигурирует как первооснова личности, осознается в качестве орудийного аспекта свободы. Выбор между неотчуждаемостью телесности (и, следовательно, невозможностью ее использования в коммерческих целях) или, наоборот, возможность полноценной манипуляции телом упирается в способ противопоставления субъектов и объектов, мира людей и мира вещей.

Стоит обратить внимание на то, что дистанция между ними, характерная для западного мышления, достаточно легко нарушается не-западными культурами, где вещь может считаться продолжением человека, где тело может обобществляться, приобретать черты государственной вещи. Впрочем, и для западных и для не-западных культур тело, размещенное в топосе внесакрализованного пространства рациональной экономической деятельности, символизирующее собой саму возможность ее разворачивания, теряет статус неотчуждаемого блага. И с этой перспективы рассмотрения окажется неважно, кто будет отчуждать, объекти-

вировать и инструментализировать телесность — государство или сама личность. Тело в любом случае утратит характеристики неприкасаемой ценности.

Во Франции, одной из немногих стран, запрещена продажа яйцеклеток на основании наличия медицинских рисков и прямой угрозы эксплуатации доноров-женщин. Как отмечает в работе «Глобальный рынок тела» М. Гудвин, термин «эксплуатация» используется в дебатах без всякого стеснения, он не является эмоциональным. Скорее таковым, по мнению Гудвина, является слепая и необдуманная риторика, связанная с понятием выбора. Речь идет о пафосной аргументации, связанной с использованием категорий «автономия» и «выбор» в тех случаях, когда их употребление необходимо для прикрытия аморальности той или иной практики, в частности, в аргументации, скрывающей коммерческий эффект от сделки. Например, когда речь идет о женщинах, продающих свои яйцеклетки, говорится, что это их выбор (в случае с продажей яйцеклеток для целей ЭКО — репродуктивный выбор), при этом умалчивается, в каких условиях осуществляется этот выбор: преимущественно его осуществляют малообеспеченные, малоинформированные женщины, не обладающие полной информацией о рисках для своего здоровья процедур по извлечению яйцеклеток.

Проведенное в Великобритании исследование женщин, участвующих в программе «поделись яйцеклеткой» («яйцеобмена»), продемонстрировало, что участницы отказываются от языка эксплуатации, хотя и говорят о себе как об отчаявшихся¹. Программа подразумевает использование яйцеклеток, полученных для процедуры ЭКО от женщин-доноров, также желающих участвовать в этой программе².

И вновь возвращаясь к проблеме клонирования, нельзя пройти мимо прецедента сближения этих двух практик («яйцеобмена» и использования яйцеклеток в исследовательских целях). В Великобритании в 2006 г. была предложена схема двукратного

¹ The Global Body Market. Altruism's Limits. (ed. by M. Goodwin). Cambridge: Cambridge University Press. P. 31.

² Подробнее см.: URL: http://www.eggsharing.com/what_is_eggsharing.html.

снижения затрат на прохождение цикла ЭКО в случае, если женщина готова поделиться своими яйцеклетками для проведения неоднозначного клонирования в исследовательских целях¹.

Ученые настаивали на том, что подобный шаг поможет снизить дефицит яйцеклеток, от которого страдает развитие многообещающих научных исследований стволовых клеток. Этические службы выступили резко против. Они оценили подобную практику как продажу яйцеклеток, на которую будут вынуждены пойти социально необеспеченные, уязвимые женщины.

Интересно хитросплетение ценностных позиций, вызванное возможным внедрением продажи яйцеклеток в целях осуществления исследовательского клонирования. Заинтересованные в продвижении подобной практики настаивали на том, что для участия в подобной программе женщины не набираются путем принуждения или чрезмерного финансового стимулирования. С другой стороны, прозвучал аргумент, что внедрение подобной практики — не что иное, как поправление общественного мнения в угоду развитию индустрии ЭКО. Также специалистом по репродуктивной этике была озвучена точка зрения об особой уязвимости бесплодных женщин.

На мой взгляд, мозаичная картина моральной аргументации, вызванная прецедентом коммодификации телесности (в этом конкретном случае — продажей яйцеклеток), показало, что интенсивное технологическое развитие предлагает человечеству не просто этические задачи, которые можно решить здесь и сейчас, основываясь на уже полученном опыте ответов на моральные вопросы. Фактически, микрокризис моральной аргументации, который разразился в отношении исследовательского клонирования, является частичным зеркальным отражением этического макрокризиса, который мог бы случиться в случае попытки распространения репродуктивного клонирования человека. Прежде всего он еще раз артикулировал кардинальный вопрос: возможно ли искусственно ускорить процесс создания норм, которые будут являть собой успешный ответ общества на революцию в области биотехнологических инноваций?

¹ См.: Women who give eggs for cloning will get cheap IVF. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-397984/Women-eggs-cloning-cheap-IVF.html>.

А. Макинтайр в знаменитом труде «После добродетели», описывая современное состояние этики, охарактеризовал его как «несоизмеримость концептуальных аргументов». В нравственной рефлексии современного общества он усмотрел ряд проблем, которые в либеральных сообществах не могут быть решены окончательно, находясь за рамками ригористических представлений о добре и зле.

В этой связи, будучи помещенными в ситуацию перманентной открытости проблем (к которым следует отнести и клонирование во всех его видах) нельзя не вспомнить мысль Л. Шестова, которая парадоксальным образом оказывается востребована в современных технологических условиях: «Современный законодатель мысли устанавливает незыблемый принцип: уметь кончать. Но попробуйте допросить его: что дает ему право с такой уверенностью провозглашать свой закон, — и вы увидите, что у него, в сущности, ничего, кроме «доказательств по аналогии», нет за душой»¹. Современные ученые, медики и юристы имеют дело с констелляцией мысли в нормативных актах, в законах, в действующих инструкциях, где, в том числе закреплены различные алгоритмы «правильного» профессионального поведения и очерчена область запретного, недопустимого. Однако сложность биоэтических проблем, их противоречивость вызывает мировоззренческий кризис, утрату нравственных опор, демонстрирует своего рода апофеоз моральной «беспочвенности», невозможности опереться при решении проблемы к полученному опыту, к догмам мысли, к готовым формулам.

И в этом отношении клонирование в исследовательских целях, пример которого был рассмотрен выше, является, в некотором смысле, испытательным полигоном для рефлексии над моральными практиками, затрагивающими такие этико-антропологические проблемы, как коммодификация тела, автономия личности, репродуктивные права женщины и т.д., и позволяющими заглянуть за ширму современных моральных представлений,

¹ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest08.htm>.

чтобы понять и прочувствовать риски еще более морально неоднозначных и даже сомнительных практик, таких, например, как клонирование человека.

Библиографический список

Buchanan A., Brock D., Daniels N., Wikler D. From Chance to Choice. Genetics and Justice, 2009.

Derrida J. For What Tomorrow...: A Dialogue. With Elisabeth Roudinesco / Transl. by J. Fort. Stanford: Stanford University Press, 2004.

Flusser V. Vom Projizieren // Vom Subjekt zum Projekt. Menschwerdung / Schriften von Vilém Flusser. Hrsg. von Stefan Bollmann; Bd. 3. Mannheim: Bollmann, 1998. S. 9–27 // ХОПА. 2009. № 3/4 (9/10).

Hogshire J. Sell Yourself to Science: The Complete Guide to Selling Your Organs, Body Fluids, Bodily Functions and Being a Human. Guinea. Pig Paperbac, 1992. URL: http://www.eggsharing.com/what_is_eggsharing.html.

The Global Body Market. Altruism's Limits. (ed. by M. Goodwin). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 236 p.

Women who give eggs for cloning will get cheap IVF. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-397984/Women-eggs-cloning-cheap-IVF.html>.

Бердышева Е. С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология. Т. 13. № 1. Январь 2012.

Исигуро К. Не отпускай меня. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Isiguro_Ne_otpuskai_menya.doc.

Клонирование человека. Вопросы этики. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Париж: ЮНЕСКО, 2004.

Полански С. Отчет Брэдли. URL: <http://coollib.com/b/248863/read>.

Шестов Л. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest08.htm>.

Этнокультурный фактор персональной модернизации¹

Ламажаа Ч. К.

Ethno-cultural factor of personal modernization

Lamazhaa Ch.K.

Аннотация. В статье обобщаются теоретические представления о персональной модернизации микроуровня модернизации. Анализируется актуальность этнокультурного фактора, который способен определять облик модернизации как на персональном уровне, так и на общественном — не позволяя трансформирующемуся обществу менять свои и социокультурные основания, полностью вестернизироваться.

Ключевые слова. Модернизация, персональная модернизация, этническая культура, этнокультурный фактор, человеческий потенциал.

Abstract. The article summarizes the theoretical understanding of the micro-level personal modernization. We analyze the relevance of ethno-cultural factor that is able to shape the image of modernization, on a personal and public level and doesn't allow to transform society and to change their socio-cultural base, to fully westernize.

Keywords. Modernization, personal modernization, ethnic culture, ethnic and cultural factors, the human potential.

В российской социальной, гуманитарной науке тема персональной модернизации — модернизации человека — стала обсуждаться во второй половины 2000-х гг., причем пробивалась эта идея со значительными трудностями, особенно в философских кругах². Несмотря на то что теории модернизации, пришедшие к нам с Запада, стали востребованы и активно обсуждались применительно к общественным процессам, человеческий аспект модернизации не воспринимался, поскольку, по мнению против-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект «Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии», грант № 15-23-01008а(м)).

² Федотова В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 1. С. 163.

ников такого подхода, он упрощает человека до определенных функциональных черт¹. Ряд авторов все же выступили в научной литературе за эту тему, и в их числе В. Г. Федотова, В. П. Верякина, В. Б. Власова, Н. С. Петренко и др. — практически все — представители Института философии РАН. Мы также писали об этом, предлагая рассматривать этнокультурный фактор персональной модернизации. В данной статье мы обобщим имеющиеся работы по этой теме и конкретизируем наши предложения.

Персональная модернизация

Прежде всего остановимся на определении персональной модернизации. Западные теоретики модернизации — осовременивания общества (А. Инкельс, Д. Смит, Л. Диаманд и др.) еще с 1970-х годов рассуждали о человеческом основании общественных процессов. В частности, А. Инкельс и Д. Смит под персональной модернизацией в работе 1974 г. понимали не только функционально запрашиваемые качества человека — узкую профессионализацию, экономический интерес, эффективность, планирование времени, но и ряд принципиальных социокультурных изменений — развитие рациональности, инновативности, формирование в себе субъекта творческой деятельности, способности быть персонально ответственным, привыкать к разнообразию взглядов, обретать личное достоинство, партикуляризм и оптимизм².

Тем не менее в научной литературе сохранялось определенное разделение представлений о человеческом факторе модернизации — в зависимости от той стороны модернизации, которую авторы предпочитали считать наиважнейшей, и основывалось это на общем понимании факторов социальных процессов. Например, известны истоки представлений об экономическом человеке как двигателе прогресса (А. Смит, К. Маркс и др.),

¹ Федотова В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 1. С. 163.

² Inkeles A., Smith D. Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974. P. 15–35; Федотова В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 1. С. 163.

что было развито позднее в работах Дж. Бьюкенена, Г. Таллока, М. Фридмана, В. С. Автономова, И. В. Розмаинского и др.¹ Как пишет В. Г. Федотова, развитие общества потребления привело к тому, что модель «экономического человека» была распространена посредством социальных технологий на поведение тех, кто не был причастен к производству иначе, чем через потребление, но должен был проявить в нем чрезвычайную устремленность к максимуму удовлетворений и минимуму издержек, сформированную посредством символизации престижных и модных товаров².

О политическом человеке писали политологи, разрабатывавшие тему политической культуры, которая, по их убеждению, определяет особенности политической жизни, политических процессов в каждом обществе (Х. Файер, Г. Алмонд, С. Верба, А. Липсет, Л. Пай, Р. Роуз, М. Крозье и др.). Соответственно человек модернизированный с этой точки зрения ориентирован на либерально-демократическую модель политической культуры, основанную на обеспечении политических прав и свобод гражданина, регламентации жизнедеятельности общества исключительно через правовое регулирование. В этой модели основными ценностями признаны: права человека, свобода, плюрализм в идеологии, политике, экономике, демократия, правопорядок, неприкосновенность частной жизни и частной собственности, приоритетность общественного мнения, гражданское общество, экология и др. Изменение в системе ценностей и моделях поведения людей ряд авторов полагают основным фактором как политического развития, так модернизации

¹ Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Дж. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. М.: Таурус Альфа, 1997. 560 с.; Фридман М. Четыре шага к свободе // Общественные науки и современность. 1991. № 3. С. 16–19; Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998. 229 с.; Розмаинский И. В. «Посткейнсианская модель человека» и хозяйственное поведение россиян в 1990-е годы // TERRA ECONOMICUS. 2005. Т. 3. № 1. С. 62–73.

² Федотова В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (начало). С. 167.

в целом: К. Дойч, А. Инкельс, Р. Инглехарт и др.¹. Исследователи политической культуры, безусловно, рассматривали уже и в целом фактор культуры, определяющий особенности сознания и поведения человека.

Сегодня политэкономические теории капитализма преобразуются с учетом задач «новой экономики» и запросов на творческую личность. Западным ученым и организациям (Всемирному банку, Организации экономического сотрудничества и развития) принадлежит заслуга в разработке таких понятий, как социальный, человеческий, культурный и символический капитал. ООН использует более абстрактные характеристики: социальный, человеческий, культурный и символический потенциал. На концепцию внеэкономического капитала работают понятия «интеллектуальный капитал», «творческий капитал». Философы говорят также об экономическом, социальном, человеческом, культурном, символическом, интеллектуальном, творческом потенциалах².

Условием эффективного функционирования современного человека стали считать взаимное влияние институционального, организационного и личностного уровней. В этой связи ряд авторов, в том числе и упоминавшиеся выше, попытались сформулировать модель «современного человека». Одно из таких исследований было проведено под эгидой Гарвардского проекта по социальным и культурным аспектам развития еще в 1970-х годах (под руководством А. Инкельса), когда изучалось население шести развивающихся стран (Аргентины, Чили, Индии, Израиля, Нигерии и Пакистана). В результате были выделены черты современной личности:

- открытость экспериментам, инновациям и изменениям;
- готовность к плюрализму мнений и даже к одобрению этого плюрализма;

¹ Deutsch K. W. Politics and Government: How People Decide Their Fate. 2nd ed. Boston: Houghton Mifflin Co., 1974. XXVIII, 607 p.; Inkeles A., Smith D. Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries; Инглехарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

² Федотова В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (начало). С. 168.

- ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое, экономика времени, пунктуальность;
- способность организовать свою жизнь так, чтобы преодолевать создаваемые ею препятствия;
- планирование будущих действий для достижения предполагаемых целей, как в общественной;
- вера в регулируемость и предсказуемость социальной жизни, позволяющая рассчитывать действия;
- чувство справедливости распределения;
- высокая ценность формального образования и обучения;
- уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус или кто обладает меньшей властью.

А. Инкельс заключил: «Мы верим, что можно говорить не только о тех, кто наделен отдельными современными характеристиками, но и о людях, которых правомерно назвать современными»¹.

В. Г. Федотова персональную модернизацию в своих работах тесно связывает с идеями М. Вебера. В ее трактовке веберовская концепция рассматривает две важнейшие характеристики личности, которые определяют ее как инновационную: персональность и внутреннюю дистанцию. «Персональность характеризует отношение человека к конечным смыслам. Это то, что поднимает индивида над рутинной повседневности, ее «растительной» основой. Твердая приверженность определенным нормам возвышает над обыденностью, не отнимая возможность жить в повседневном мире»². «Внутренняя дистанция, в понимании Вебера, означает способность индивида отказаться от тех образцов поведения и ценностей, которые не соответствуют персональности, твердым принципам индивида»³. Основным же двигателем социальных изменений, в том числе модернизационных перемен, является противоречие между харизмой и рутинизацией. Харизматический лидер выступает как источник новых взглядов

¹ Inkeles A. A Model of the Modern Man: Theoretical and Methodological Issues // Comparative Modernization: A Reader / ed. by S.E. Black. New York: The Free Press, 1976. P. 321.

² Федотова В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 23.

³ Там же. С. 24.

и верований. Затем следует фаза рутинизации, превращения необычных идей в рутину, факт повседневной жизни. Это осуществляется как путем систематизации верований интерпретаторами и распространения ее догматов среди населения, так и путем приспособления системы верований к интересам различных слоев¹. Этот процесс и был проанализирован М. Вебером на примере протестантизма, революционное значение которого состояло в преобразовании части западного общества путем поддержания и выдвигания на роль культурного образца трудового аскетизма рядовых людей, совпадающего с идеей аскетизма протестантской секты как найденного ею пути к спасению².

В. Б. Власова пишет, что в персональной модернизации уместно видеть не только и, может быть, не столько часть целого или слагаемое некой «суммарной» трансформации общественной жизни, сколько самостоятельное осуществление более или менее значимых внутренних преобразований ценностных ориентаций личности³.

Н. С. Петренко связывает персональную модернизацию с изменением социокультурной модели индивида, приближением к идеалу современности на атомарном уровне, в котором одним из должных качеств человека является его интуиция, чутье на такую вещь, как современность, т.е. качество своевременности. Своевременность автор описывает как некоторое сложное соответствие течения личностного времени человека и внеположного ему объективного хода вещей, на фоне более или менее параллельного течения которого происходит (или не происходит, или должно произойти, ожидается) некое новое событие⁴.

Мы сформулируем определение *персональной модернизации* как микроуровня модернизации (макроуровень — модернизация всего общества; мезоуровень — модернизация социальных

¹ Федотова В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 23.

² Там же. С. 24–25.

³ Власова В. Б. Соотношение персональной модернизации с социальными процессами // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 104–111.

⁴ Петренко Н. С. Идея своевременности как часть контекста теорий персональной модернизации // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 136–142.

групп), на котором происходит принятие человеком новых ценностей и установок, позволяющих ему реализовывать свой творческий потенциал, добиваться экономического благосостояния в условиях определенной социальной конкуренции, при этом сохраняя свою социокультурную идентичность, приверженность базовым ценностям. Распространенность персональной модернизации в развивающемся, модернизируемом — осовременивающемся — обществе становится условием успешности всей модернизации. Причем успешности не только в степени изменений, но и в степени сохранности социокультурных оснований общества.

Этнокультурный фактор

Значимость этнокультурного фактора, по нашему мнению, тесно связана со значением персональности как твердой приверженности определенным нормам (по В. Г. Федотовой). В некотором смысле это то же оливковое дерево, о котором писал Т. Фридман¹. Однако, если основная идея американского журналиста заключалась в противопоставлении двух начал мировых социальных процессов — двигателя для процветания и развития, символизируемого «Лексусом», и желания сохранить идентичность и традиции, символизируемого оливковым деревом, то мы полагаем, что, по крайней мере, второй символ по своей сути сложнее и многозначнее.

С одной стороны, действительно, этническая культура, определяемая как совокупность форм человеческой деятельности, обретенных знаний, образов самопознания и символических обозначений окружающего мира, выступает в качестве структурообразующей основы этноса, обеспечивающей его целостность и способность к автономному устойчивому развитию². Соответственно, механизм сохранения целостности этнической культуры, осуществляемый в форме традиции, не позволит од-

номоментно перестроить общность на иной лад. Ценности своей культуры, признаваемые членами этнической общности, будут настолько прочны и будут определять характер социальных процессов, насколько они глубоко усвоены большинством в данной общности и насколько неизменными они оставались на протяжении длительного времени (безусловно, эволюционируя).

Но, с другой стороны, этнокультурная самобытность способна определять облик модернизации как на персональном уровне, так и на общественном — не позволяя трансформирующемуся обществу менять свои и социокультурные основания, полностью вестернизироваться. Разумеется, процессы глобализации не могут не затрагивать культурных оснований обществ, поскольку они распространяются и в сфере массовой культуры, привлекая доступностью, универсальностью, условиями моды, космополитичностью¹. Тем не менее ряд исследователей считает, что культурная глобализация проявляется как процесс двусторонний, в который существенный вклад вносят и не западные страны, активно противостоящие влиянию американской культуры и организующие циркуляцию тех смыслов и значений, которые продуцируются в собственных культурных границах, способствуя сплочению нации и поддержанию традиции. Подобное активное сопротивление нивелирующему влиянию североамериканской культуры, заключает А.В. Костина, проявляется не только в стремлении к интеграции и углублению культурного взаимодействия, но и в намеренном возрождении собственных этнокультурных оснований².

Однако воздействие этнической культуры на процесс общественной модернизации лишь номинально можно рассматривать с двух сторон. С позиции же социального реализма, с которого отечественные философы предлагают рассматривать проблему персональной модернизации³, как соотношение персональной модернизации с общественной, так и этнокультурного фактора

¹ Фридман Т. Lexus и олива. Понимая глобализацию. М.: ИГ «Весь», 2003. 448 с.

² Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с. С. 45–58; Костина А. В. Этническая культура: специфика развития в современном мире [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2009. №№ 1–2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/118-ethnic-culture.html (дата обращения: 12.09.2015).

¹ Костина А. В. Национальная и этническая культура: соотношение в глобализирующемся мире // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 128–139; № 4. С. 165–172.

² Там же. С. 129.

³ Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2002. С. 172–173.

с модернизацией на всех ее уровнях реализуется в сложном многостороннем взаимодействии. Развивая мысль теоретика социально-функционального подхода в социологии Т. Парсонса, авторы утверждают, что общественная система при изменении своей структуры сталкивается с инерцией индивидуального сознания, которое не может на когнитивном уровне осмыслить необходимость нововведений и новых ценностей, так как в большинстве случаев приверженность устоявшимся правилам была привита нормативным способом. Ценности этнической культуры, в числе которых и приверженность традициям, и коллективные ценности, прививаются человеку с детства, он их не осмысливает и принимает как должное. Тем не менее человек взрослеющий, развивающийся как личность, способен осознавать полезность, стратегическую цель принятия и иных ценностей, причем не меняя себя и своей идентичности, а принимая новые стратегии рационально. Задача общества, политика государства, ориентированного на модернизацию, состоит в создании соответствующих общественных институтов, которые должны обеспечивать быструю переориентацию индивидов на новые ценности и нормы посредством специально разработанных механизмов внушения. И поскольку тотальное отрицание старого будет иметь лишь разрушающий само общество эффект, государственная политика должна также быть направленной на поддержание тех общественных институтов, которые ориентируют на сохранность и развитие традиций.

В отношении российского общества часто высказываются неутешительные заключения об утрате значительного объема ценностных установок традиционной культуры как этнической, так и общей советской, о механическом заимствовании западных клише и, соответственно, духовной деградации населения, в том числе молодой его части. Именно этот вакуум, по мнению многих исследователей, приводит к пробуксовке модернизационных подвижек: не позволяет не только «догнать и перегнать» Запад, но и сформулировать собственный эффективный путь развития. Однако, на наш взгляд, все это происходит на фоне непродуманной государственной политики, в том числе и в сфере индустрии

массовых развлечений (телевидения, кино и пр.), которая стала каналом для вестернизации общества, итак ослабленного периодом тотальной либерализации 1990-х годов.

Феномены персональной модернизации в современной России можно наблюдать в определенных условиях, которые во многом сложились как результат сочетания ряда обстоятельств, далеко не всегда являющихся результатом продуманной стратегии. Мы наблюдали, например, жизнь представителей этнической диаспоры в мегаполисе — этнических тувинцев, проживающих в Москве. И заключили, что приверженность к сохранившимся во многом свою силу этническим корням не только не затрудняет модернизацию, но и в определенных обстоятельствах помогает ей, делает процессы более успешными¹. Осознание уникальности своей этнической культуры наполняет существование человека особой персональностью и осознанием морального императива для отказа от чуждых образцов, то есть помогает более эффективно осуществлять модернизацию с опорой на собственную традиционность. С одной стороны, большинство «новоселов»-тувинцев в Москве вынуждено подчиняться правилам нового места, меняя свое поведение и образ мышления. А с другой стороны, этнокультурная идентичность выполняет адаптивную функцию и представляет для них внутреннюю, духовную преграду от механического копирования иных культурных образцов поведения. Более того, члены диаспоры, в том числе молодежь, признаются в своем большом желании быть сопричастными к жизни своей республики: приносить какую-либо пользу в позитивных преобразованиях в ней, использовать накапливаемый столичный опыт для внедрения инновационных идей и проектов на малой Родине — Туве. К обстановке чужого окружения, новых правил, естественно, быстрее адаптируется молодежь. Она лучше и быстрее вписывается в современный ритм города. Молодым людям уже труднее дается обратная адаптация (реадаптация) в размеренном образе жизни на исторической родине, потому они часто стремятся продолжить учебу и (или) остаться работать вдалеке

¹ Даргын-оол Ч. К. Диаспора в мегаполисе: традиции и современность // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 96–101; № 3. С. 109–115.

от нее. Численность диаспоры каждый год увеличивается, пополняясь в том числе за счет бывших студентов, выпускников учебных заведений. Человек в мегаполисе осовременивается, понимает себя как активного участника социальных изменений, в нем вырабатывается инновационное мышление, и он начинает испытывать еще один дискомфорт от существенного разрыва в уровне развития — модернизации столичного мегаполиса и своего общества исхода, родительской культуры.

Выходцы из традиционных обществ, попадающие в активно модернизирующийся регион, вынуждены менять ориентир с одного на противоположный, с традиции — на инновацию. Тем самым они переживают (не менее драматично, но по времени быстрее) индивидуальную модернизацию и в итоге «обгоняют» в своем личностном развитии свой исконный, «коренной» социум. Потому среди членов диаспоры отмечается большая критичность в отношении к социальным процессам на малой Родине, к деятельности своих бывших коллег, земляков. Что не мешает им испытывать ностальгию, верить в свое возвращение, а также в изменения к лучшему в жизни своей республики.

Заключение

Для России тема персональной модернизации и факторов ее развития и торможения, в том числе этнокультурного, имеет большое значение, в том числе и потому, что культурная самобытность многонационального общества является ее отличительной особенностью. Эта основа представляет собой богатство (духовное, материальное) нации, а также определяет неоднородность социального развития в региональном разрезе, которое в итоге выражается в социально-экономических показателях, в особенностях политической жизни. Как подчеркивает В. П. Веряскина, персональную модернизацию необходимо сделать стратегическим приоритетом развития России, так как построение постиндустриального общества и инновационной экономики напрямую зависит от наличия человеческого капитала и эффективности развития человека, что определяется как расширение свободы выбора, и на этой основе — деятельности в различных сферах со-

циальной жизни¹. Поэтому мы настаиваем на острой необходимости дальнейшего анализа этнокультурного фактора модернизации, в частности, исследований персональной модернизации в целом и учета этого в социальной практике.

Библиографический список

Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998. 229 с.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.

Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен, Дж. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. М.: Таурус Альфа, 1997. 560 с.

Веряскина В. П. Персональная модернизация — стратегическая цель развития России и ее регионов / Такие разные России. Ч. I. Круглый стол журнала «Полис» и сектора социальной философии Института философии РАН // Полис. 2013. № 2. С. 85–89.

Власова В. Б. Соотношение персональной модернизации с социальными процессами // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 104–111.

Даргын-оол Ч. К. Диаспора в мегаполисе: традиции и современность (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 2. С. 96–101.

Даргын-оол Ч. К. Диаспора в мегаполисе: традиции и современность (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 109–115.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Костина А. В. Национальная и этническая культура: соотношение в глобализирующемся мире (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 128–139.

Костина А. В. Национальная и этническая культура: соотношение в глобализирующемся мире (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 165–172.

¹ Веряскина В. П. Персональная модернизация — стратегическая цель развития России и ее регионов / Такие разные России. Ч. I. Круглый стол журнала «Полис» и сектора социальной философии Института философии РАН // Полис. 2013. № 2. С. 89.

Костина А. В. Этническая культура: специфика развития в современном мире [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2009. № 1–2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/118-ethnic-culture.html (дата обращения: 12.09.2015).

Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФ РАН, 2002. 208 с.

Петренко Н. С. Идея своевременности как часть контекста теорий персональной модернизации // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 136–142.

Розмаинский И. В. «Посткейнсианская модель человека» и хозяйственное поведение россиян в 1990-е годы // TERRA ECONOMICUS. 2005. Т. 3. № 1. С. 62–73.

Федотова В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 1. С. 163–169.

Федотова В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 21–27.

Фридман М. Четыре шага к свободе // Общественные науки и современность. 1991. № 3. С. 16–19.

Фридман Т. Lexus и олива. Понимая глобализацию. М. : ИГ «Весь», 2003. 448 с.

Deutsch K. W. Politics and Government: How People Decide Their Fate. 2-nd ed. Boston: Houghton Mifflin Co., 1974. XXVIII, 607 p.

Inkeles A., Smith D. Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1974. P. xi, 436.

Inkeles A. A Model of the Modern Man: Theoretical and Methodological Issues // Comparative Modernization: A Reader / ed. by S.E. Black. New York : The Free Press, 1976. P. 320–348.

Феномен блокирования рефлексии в социальных процессах: виртуальный подход

Пронин М. А.

Phenomenon of blocking of a reflection in social processes: virtual approach

Pronin M. A.

Аннотация. Феномен блокирования рефлексии описан Н. А. Носовым, что связано с фундаментальными свойствами человеческой психики. Теоретическая модель механизма позволяет выделять, описывать и объяснять аналогичные феномены на популяционном уровне.

Ключевые слова: социальные процессы, блокирование рефлексии, виртуальный подход, аномии самоидентификации.

Abstract. The phenomenon of blocking of a reflection is described by N. A. Nosov that is connected with fundamental properties of human mentality. The theoretical model of the mechanism allows to allocate, describe and explain similar phenomena at the population level.

Keywords: social processes, blocking of a reflection, virtual approach, self-identification anomies.

Феномен блокирования рефлексии у человека на индивидуальном уровне описан Н. А. Носовым (1952–2002) в работах Центра виртуалистики Института человека РАН (1992–2004 гг.: www.irtuslistika.ru)¹. Им разработана и экспериментально подтверждена теоретическая модель ошибки, связанной с феноменом неразличения выполненного и невыполнимого действия в деятельности человека-оператора — военного летчика². Механизм нарушений — неразличения — связан с фундаментальными природными свойствами человеческой психики, что позволяет выделять, описывать, интерпретировать и объяс-

¹ Люкин А. Вдовий дом // Фронтовая лирика. Стихотворения. Песни / К 50-летию великой Победы. М.: Худ. лит., 1995. 350 с.

² Носов Н. А. Ошибки пилота: психологические причины. М. : Транспорт, 1990. 64 с.

нять¹. В обобщенном, систематизированном виде с указанными результатами можно познакомиться в книге Н. А. Носова «Виртуальная психология»².

Аналогичные феномены на популяционном уровне будут рассмотрены в настоящей работе.

В рамках II Якутского международного кинофестиваля, проходившего 20–24 августа 2014 года, я посетил семинар «Культурная идентификация в национальном кино (на примере Ливанского кинематографа)», который вели 24 августа 2014 года сценарист, режиссер, продюсер Сэм Лахуд и писатель, режиссер, продюсер кино и театра Николас Хаббаз. По окончании у меня была возможность побеседовать с коллегами и углубить свое понимание того, что ими было рассказано. Говорили они о том, что в Ливане сегодня снимается три типа фильмов — нельзя говорить о жанрах, — речь шла об историях, о чем истории, жанровая же принадлежность фильма может быть любая. Не жанровая специфика была в фокус их доклада и нашего рассмотрения. Вообще, история — квинтэссенция человеческого общения. Если встречаются цивилизации, то это встречаются их истории.

Чтобы понимать происходящее на ливанском экране, необходимо понимать, что происходило и происходит в самом Ливане.

С 70-х годов XX века в стране и вокруг страны идут войны. Население Ливана — около 4 млн человек, плюс беженцы и «пришельцы» из других стран — по не точным оценкам, еще порядка двух миллионов. За эти годы друг с другом переевали уже все: и мусульмане с христианами, и ветви мусульманской уммы между собой, аналогично и христианские конфессии, и беженцы со старожилами, и «старопришельцы» с «новопришельцами»... Поэтому вполне закономерно, что снимается кино на тему «как трудно выжить на войне, как в ее условиях остаться человеком». Причем для съемок такого кино не надо строить декораций — достаточно переехать в беспокойный регион или страну рядом: на заднем плане будут видны взрывы, слышна стрельба и пр.

¹ Носов Н. А. Убийство в свете представлений виртуалистики // Механизмы человеческой агрессии. М. : ВНИИ МВД России, 2000. С. 55–68.

² Носов Н. А. Виртуальная психология. М. : Аграф, 2000. 432 с.

Второй тип истории в кино — об огромном разочаровании после войны. Человек пришел с войны, люди вернулись к мирной жизни, но мира в душе нет. То, что было, уже не вернуть: ни людей, которых потеряли, ни отношений, которые не сохранили и испортили. О том внутреннем конфликте, обиде и злобе на то, что «здесь» народ танцует на дискотеке, а «там», совсем не далеко, идет война — и гибнут не абстрактные солдаты, а твои боевые товарищи, с которыми ты еще недавно стоял в одном строю.

Третий тип историй — о растерянности и потерянности, о страхе будущего. Иными словами, самоидентичность ливанца сегодня — это отсутствие или потеря идентичности.

Эти фильмы уже снимаются 40 лет. Почему? За 40 лет кровопролитий не возникло новейшей истории Ливана — в буквальном смысле нет учебников истории, как и нет ответов на вопросы — кто мы? куда идем?

Если сравнить кино, которое снимается в Ливане сегодня, с социальным кино, что показывают нам на экранах телевизоров про события на Украине, то можно увидеть много параллелей. Первый Майдан — разочарование! Второй Майдан — разочарование!.. Пятый Майдан — разочарование!.. Не хочется говорить, шестнадцатый...

Здесь встает вопрос: а в чем моя самоидентичность как человека? В чем моя взрослость и социальная трезвость? Где мое место в мире? В строю, как говорил наш Президент, уходя с первого президентского срока. Где место в строю у философа, антрополога, преподавателя?

Дело в том, что «социальное кино» мы не видим в историческом разрезе и в широком контексте: каждый раз, к сожалению, мы на него смотрим как известное животное на новые ворота, если мы не отдаем себе отчет в том, кто мы, где мы — и самое главное, куда мы идем. Потому что ответ на вопрос «кто я?» всегда включает ответ на два вопроса: кем я был? и куда я иду, кем хочу стать? Поэтому обсуждение самоидентификации — всегда обсуждение вопроса о будущем. И о прошлом.

Перенесемся на столетие назад. Хочу привести стихотворение Саши Черного «Жалобы обывателя»¹, написанное им в годы Первой русской революции.

Моя жена — наседка, Мой сын, увы, эсер. Моя сестра — кадетка, Мой дворник — старовер.	Молю тебя, создатель (Совсем я не шучу), Я русский обыватель — Я просто жить хочу!
Кухарка — монархистка, Аристократ — свояк, Мамаша — анархистка, А я — я просто так...	Уйми мою мамашу, Уйми родную мать — Не в силах эту кашу Один я расхлебать.
Дочурка-гимназистка (Всего ей десять лет), И та социалистка, — Таков уж нынче свет!	Она, как анархистка, Всегда сама начнет, — За нею гимназистка И весь домашний скот.
От самого рассвета Сойдутся и визжат, — Но мне комедья эта, Поверьте, сущий ад.	Сестра кричит: «Устроим!» Свояк вопит: «Плевать!» Сынок шипит: «Накроем!» А я кричу: «Молчать!!»
Сестра кричит: «Поправим!» Сынок кричит: «Снесем!» Свояк вопит: «Натравим!» А дворник: «Донесем!»	Проклятья посылаю Родному очагу И втайне замышляю — В Америку сбегу!..
А милая супруга, Иссохшая как тень, Вздыхает, как белуга, И стонет: «Ах, мигрень!»	(1906)

¹ Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). Л. : Сов. писатель, 1985. С. 400–402.

Как возникает на таком фоне «социальное кино»? Объективная журналистка нам должна все социальные роли всех домочадцев объективно, непредвзято представить на экране: «наседку», эсера, кадетку, старовера, монархистку, аристократа, социалистку — их политические воззрения и планы.

К сожалению, объективность журналистики сегодня, да и вчера, подменяется псевдосоциологией. А псевдосоциология подменяет науку, теорию — теоретический пласт осмысления происходящего.

Весь «домашний скот» надо описать, пересказать, указать в процентах их представительство в популяции, дать характеристики их устремлениям и действиям: «снести», «натравить», «донести» и пр. Весь социальный бедлам — домашний скот, где греч. skotos — «темнота», не дающий отчета своим мыслям и действиям, надо «объективно» перенести на экран. Необходимо честно проинформировать, и зритель сам сделает выводы! А готов ли зритель, человек, вовлеченный эмоционально в происходящее, сделать выводы?

В дискуссии на конференции уже отмечалось, что «темный человек» — это человек неразмышляющий, не осознающий себя. И в этом смысле — человек не взрослый, не отличающийся от ребенка.

Чем взрослый отличается от ребенка? Ответ на этот вопрос дает виртуалистика, так как она занята установлением онтологии внутреннего пространства человека. Наши онтологические построения подтверждены не только феноменологией психофизиологии летного труда, но и экспериментально¹. До трех лет у ребенка нет тела — это реальность, которую он осваивает, для него она виртуальная: константная же реальность телесности для него — это телесность его рода, семьи, матери — без них он не выживет.

В виртуалистике мы оперируем категориальными оппозициями «константный — порождающий» — «виртуальный — порожденный» и не сводим виртуальность к компьютерам,

¹ Носов Н. А. Ошибки пилота: психологические причины. М. : Транспорт, 1990. 64 с.; Носов Н. А. Виртуальная психология. М. : Аграф, 2000. 432 с.

Интернету. И уж тем более — к надуманности, потенциальности и пр. Виртуальная реальность вводится через атрибутику ее признаков: порожденность, актуальность, автономность и интерактивность. Щелкните пальцами — звук, возникший в результате, и есть актуальная порожденная (виртуальная) реальность, автономная — со своими законами и временем существования, в отличие от породивших их пальцев человека... Если вы зайдете в храм любой религии, вы сразу попадете в «шлем», так что шлем виртуальной реальности Ж. Ланье, которому приписывают «изобретение виртуальной реальности», вторичен по отношению к «шлему» храма. Вообще, человек и есть виртуальная реальность, женщина — тем более. Если меня как мужчину женщина пускает в свою реальность, то это меня очень сильно модифицирует со всеми вытекающими последствиями: любовь, дети и пр. Сегодня говорят о дополненной реальности: вы идете в очках, а вам что-то дополнительно подают на экран перед вами... Инженеры, которые считают, что они эту дополненную реальность придумали, просто малокультурны: взгляните на православную икону! Вы увидите «дополненную реальность», которой уже несколько сотен лет!

Итак, в три года у ребенка возникает феномен удвоения реальности телесности — он начинает различать свое тело и окружающий мир (подробнее см. «Словарь виртуальных терминов»¹: полностью размещен на сайте www.virtualistika.ru). В шесть лет (это все средние цифры) возникает феномен удвоения реальности сознания. Это не значит, что второе сознание появилось, просто человек начинает различать свои и чужие мысли. Его можно отдавать в школу учиться.

У некоторых людей в некоторых вопросах такое удвоение не происходит никогда. Наблюдается феномен неразличения, описанный в авиационной медицине и психологии: феномен неразличения выполненного и невыполненного действия. Летчик уверен, что шасси выпустил и сажает самолет на фюзеляж, на «брюхо», так как он шасси не выпускал!² Данная ошибка свя-

зана с фундаментальными особенностями функционирования психики человека. Ошибки такой же природы мы встречаем и в быту: человек оговорился, ослышался, обознался, но продолжает действовать так, как будто бы все сделал правильно!

Продолжим (подробнее смотри Н.А. Носов, 1997¹). В районе 12 лет у ребенка происходит феномен удвоения реальности личности: если до этого ребенка можно было взять за руку и отвезти к бабушке ничего не говоря, то с появлением личности ему надо уже объяснить, «зачем ему надо ехать к любимой бабушке». В 21–23 года происходит удвоение реальности воли: человек начинает различать свою волю и чужую волю. Начинает осваивать выбор «хочу — могу — должен»: чувства, мысли и телесные желания. Ну и в 27 лет происходит удвоение реальности внутреннего человека: человек начинает различать себя внешнего и внутреннего. Здесь начинается уже другая история: если до этого удвоение реальностей происходило более-менее независимо от усилий человека, то дальнейшая эволюция (виртуоляция на языке виртуалистики) — это уже его индивидуальное усилие и труд. Здесь начинается социальная зрелость или ее тотальное отсутствие.

Чтобы она — зрелость — «развернулась», иногда достаточно одного слова. Вот еще один стихотворный пример, как на одном слове (элементе) развертывается реальность. Название стихотворения назову позже, сначала — прочитайте, пожалуйста!

Пол намыт	Непорочна,
С песком до блеска.	Не помята
Утром политы цветы.	У стены
На окошке занавеска	Стоит кровать.
Несказанной чистоты.	
	Но в неистовой
В доме чисто,	Истоме
В доме свято,	Стены,
Ни соринки	Стулья.
Не видать.	Тьма в углу —
	...

¹ Носов Н. А. Словарь виртуальных терминов. М. : Путь, 2000. 69 с.

² Носов Н. А. Ошибки пилота...

¹ Носов Н. А. Виртуальный человек: Очерки по виртуальной психологии детства. — М. : Магистр, 1997. 192 с.

Здесь я специально сделал паузу в произведении. Подумайте о чем это стихотворение? Что это за дом?..

Подумали? Тогда читаем дальше:

Все тоскует
В этом доме
Об окурках
На полу.

Это стихотворение Александра Люкина — участника Великой Отечественной войны, называется оно «Вдовый дом»¹.

Вот что такое один элемент, на котором может развернуться видение реальности (и сама реальность). На примере данного стихотворения становится видимым антропологическая рельефность жизни, взрослость, социальная трезвость, наблюдательность автора, не даром он был фронтовиком.

Поэтому если мы говорим о самоосознании, самоидентичности, то мы должны говорить прежде всего о внутренней социальной зрелости, взрослости человека. Иначе «социальное кино», которое мы видим на Украине сегодня, будет повторяться. Стихотворение «Жалобы обывателя», которому же более 100 лет, и современное ливанское кино — тому подтверждение. Можем констатировать, что феномен блокирования рефлексии имеет место и в социальных процессах.

Каков выход из замкнутого круга повторения?

В Коре в 2008 году, во время банкета у мэра Сеула по случаю приема участников Всемирного философского конгресса, сидя за одним столом с послом Анголы в ЮНЕСКО, философом по образованию и по призванию, господином Almerindo Jaka Jamba, в который уже раз задал свой вопрос: «Господин Альмериндо, зачем Анголе философия?»

— У нас война идет уже более 40 лет. Выросли и повзрослели поколения людей — дети, отцы и деды, — поколения, которые ничего, кроме войны, не видели в жизни. Ничего дру-

¹ Люкин А. Вдовый дом // Фронтовая лирика. Стихотворения. Песни / К 50-летию Великой Победы. М. : Худ. лит., 1995. С. 59.

гого они не представляют. Изменить и возродить страну без философии, без мировоззрения мы не сможем. Это наше правительство понимает. Поэтому я здесь — на конгрессе!¹

Выход из воронки повторяющегося «социального кино» — в философии! В том, чтобы предложить мировоззрение, которое помогает менять уклад жизни, в узком смысле — уклад экономики. Менять будущее!

Одно из определений цивилизации, или ее атрибутов, если хотите, состоит в том, что страна, этнос, претендующие на звание цивилизации, начинает решать проблемы всего человечества: СССР вывел человека в космос. Это цивилизационная задача! Если мы посмотрим на наших великих поэтов — на Расула Гамзатова, на Джамбула, о которых шла речь в дискуссиях на конференции, то это были цивилизационные люди, так как они поднимали вопросы, связанные с выживанием всего человечества.

Встреча с министром по национальной политике Республики Дагестан Гамалей Татьяной Владимировной и ее коллегами, которая состоялась в период конференции, привела меня к пониманию того, что сегодня Дагестан решает проблемы мира и дружбы в многонациональном и поликонфессиональном регионе. И сегодня это не только республиканская задача, это общероссийская задача. И мировая одновременно, а значит, и цивилизационная. При всей конкретности, в хорошем смысле приземленности задач, решаемых республикой, ее успехи и практики могут иметь планетарный резонанс.

Библиографический список

Люкин А. Вдовый дом // Фронтовая лирика. Стихотворения. Песни / К 50-летию Великой Победы. М. : Худ. лит., 1995. 350 с.

Носов Н. А. Ошибки пилота: психологические причины. М. : Транспорт, 1990. 64 с.

Носов Н. А. Виртуальный человек: Очерки по виртуальной психологии детства. М. : Магистр, 1997. 192 с.

¹ Пронин М. А. Дары Востока — аршин российский // Философские науки. 2009, № 7. С. 135–151.

Носов Н. А. Убийство в свете представлений виртуалистики // Механизмы человеческой агрессии. М. : ВНИИ МВД России, 2000.

Носов Н. А. Виртуальная психология. М. : Аграф, 2000. 432 с.

Носов Н. А. Словарь виртуальных терминов. М. : Путь, 2000. 69 с.

Носов Н. А. Виртуал и рефлексия // Рефлексивные процессы и управление. 2003. № 1, Т. 3. С. 58–63.

Пронин М. А. Дары Востока — аршин российский // Философские науки. 2009. № 7. С. 135–151.

Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). Л. : Сов. писатель, 1985. 624 с.

Конструирование желаемого будущего с помощью техник НЛП

Майленова Ф. Г.

Construction of a desired future with the help of NLP techniques

Maylenova F. G.

Аннотация. Сеанс психологического консультирования начинается с установления двух главных точек, вокруг которых и будет строиться дальнейшая работа. Первая — это актуальное состояние, под которым понимается то, с чем клиент пришел на консультацию, некая проблемная ситуация, что имеется сейчас. Вторая точка — это желаемое состояние, то, что хотелось бы, чтобы было. С определением первой точки, которая отвечает на вопрос: от чего хотелось бы избавиться? — как правило, особых трудностей не возникает. А вот поиск ответа на вопрос: а чего бы хотелось, чтобы было? — далеко не так прост. Видение желаемого будущего обычно оказывается весьма туманным. Однако без конструирования этого нового состояния, которое включает в себя как новое окружение, так и новое видение себя, своего «Я», успех невозможен. Для того чтобы прийти куда-то, нам нужно знать, куда мы идем — и львиная доля усилий психолога состоит в том, чтобы помочь клиенту вообразить, придумать, спланировать, максимально подробно и детально сконструировать свое будущее.

Ключевые слова: психологическое консультирование, нейролингвистическое программирование, конструирование будущего.

Abstract. Counseling psychology session begins with the establishment of two major points around which to build further work. First — this is the current state, defined as something with which the client has come to the consultation, some current problematic situation. The second point — it is a desired state, that he would like to have. Setting the first point, which answers the question of what we would like to get rid of, mostly makes no special difficulties. However, search for the answer «what would he like to have?» is

not so simple. The vision of the desired future is usually very vague. Nevertheless, without the construction of this new state — which includes both a new environment and a new self-vision, personal identity — the success of consultation is not possible. In order to arrive somewhere, we need to know where we are going — and the lion's share of the psychologist's efforts is to help the client to see (to imagine, to invent), then to plan and construct his future with the most details.

Keywords: counseling psychology, neuro-linguistic programming, designing the future

Желаемое будущее как цель психологического консультирования

Сеанс психологического консультирования начинается с установления двух главных точек, вокруг которых далее и строится дальнейшая работа. Первая — это актуальное состояние, под которым понимается то, с чем клиент пришел на консультацию, некая проблемная ситуация, что имеется сейчас. Вторая точка — это желаемое состояние, то, что хотелось бы, чтобы было (стало), она же цель. Цель, которую ставит перед собой клиент под руководством психолога, — это то, к чему он хочет прийти в результате психотерапии. В зависимости от уровня осознанности проблем эта цель может быть определена клиентом сразу, еще до беседы с психологом, в других же случаях, когда клиент приходит, еще не вполне понимая, что с ним происходит и чего он хочет, цель вырабатывается в процессе работы совместно с консультантом.

Можно выделить три подхода к описанию результата психотерапии. Первый подход — классический, восходящий к положениям психоанализа, в котором результат как таковой жестко не выделяется. Фактически результатом считается сам процесс психотерапии, представляющий собой скрупулезное пошаговое изучение причин симптомов: считается, что в процессе осознания причин своих проблем клиент постепенно освобождается от внутренних конфликтов и приходит к состоянию равновесия и гармонии. В некоторых случаях так и происходит, так как при

грамотно построенной работе психоаналитика задействуется мощная сила человеческого организма — осознание, и благодаря этому возможны серьезные изменения. По мнению З. Фрейда, в идеале результатом терапии является расширение области осознаваемого через толкование знаков, символов, с помощью которых наше бессознательное общается с нами: таким образом, «Оно» становится «Я»¹. Есть определенные негативные последствия этого подхода, прежде всего — недостаточная четкость, неопределенность результатов. Также минусом является большая длительность терапии: если для начала XX века было нормальным годами (а порой десятилетиями!) посещать психоаналитика, терпеливо ожидая неопределенного «улучшения» в течение десятков сеансов, нынче ускорение темпов жизни требует других подходов. Хотя существуют люди определенного склада, которым такой способ организации терапии подходит, и они, если имеют возможность, готовы годами ходить на сеансы и уверены, что это для них полезно. Скорее всего, они действительно извлекают пользу из таких сеансов, так как убеждены в этом. Сложно судить о результативности теории по такой зыбкой и неопределенной составляющей, как мнение клиента, который в зависимости от настроения может отвечать на одни и те же вопросы совершенно по-разному, но, так как критерий истинности и результативности в психотерапевтической работе лежит в области внутреннего восприятия, нужно уметь учитывать все аспекты.

Тем не менее будет некорректным не отметить бесценный вклад, сделанный Фрейдом в психиатрию и психологию, который оказался воистину революционным, — он и сегодня представляет громадный теоретический и практический интерес, так что отказываться от него, как порой требуют радикально настроенные психологи «новой волны», нет смысла. Это золотой фонд психологии и психотерапии. Используя его методы, можно очень много сделать при работе с причинами ранних детских травм, конфликтов, разрешить проблемы, не решаемые обычными способами рациональной терапии.

¹ Фрейд З. Я и Оно. Избранные работы. СПб.: Лениздат, 2014. С. 256.

Действительно, многое, произошедшее с человеком (особенно в раннем детском возрасте), забывается, вытесняется, и он может даже не подозревать, что какое-то событие, случившееся в детстве, серьезно повлияло и продолжает влиять на его сегодняшнее состояние. Например, техника «реимпринта»¹, которая есть в модели НЛП, представляет собой переработанный и сокращенный вариант психоаналитического сеанса. В нее вошли главные приемы, открытые Фрейдом в работе с клиентами, вплоть до возрастной регрессии.

Второй подход, выработанный более современным течением в психотерапии, — гуманистический. В нем так же, как в психоаналитическом подходе, цель терапии является включенной в процесс. Согласно этому подходу, в человеке есть глубинная потребность в росте, творчестве и развитии, которая при соответствующих условиях, организованных психотерапевтом, сама движет клиента вперед и улучшает его состояние. «Клиент изменяет и переструктурирует представления о себе. Он уходит от представления о себе как о человеке, не принятом самим собой, недостойном уважения, должном жить по чужим нормам. Он движется к понятию о себе как о достойном самоуправляемом человеке, способном определять свои нормы и ценности на основе своего опыта. У него формируется гораздо более положительное отношение к себе»², — пишет К. Роджерс, основоположник гуманистической психологии и психотерапии. Согласно этому подходу, психотерапия в основном ориентирована на личностный рост.

Третий подход к цели психотерапии выработан новейшим направлением в психологии и психотерапии — НЛП (нейролингвистическое программирование). Модель НЛП позволяет работать с четко обозначенным результатом, каким бы ни было его

¹ Реимпринтинг — техника, разработанная Робертом Дилтсом на основе его анализа психотерапевтического метода З. Фрейда. Суть этой техники состоит в исследовании глубинных причин мучительных проблем клиента и выявлении самого первого травмирующего впечатления (зачастую из раннего детства), с которым впоследствии проводится большая работа. Результатом обычно становится освобождение от той детской травмы, которая много лет отравляла человеку его существование.

² Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Изд. группа «Прогресс»: «Универс», 1994. С. 109.

содержание. Клиент, пришедший к психологу, использующему модель НЛП, может рассчитывать на следующую модель взаимодействия: он говорит, что он хочет (если ему сложно сразу сформулировать свое желание четко и конкретно, терапевт помогает ему в этом), а затем после соответствующей работы он получает ровно то, что он «заказывал». Данная технология очень успешно работает в бизнесе, в образовании (в этих областях особенно важно знать, что мы хотим иметь на выходе — идея развития ради развития тут не подходит), поэтому специалист, хорошо владеющий НЛП, может помочь клиенту с любым запросом.

Между тем эта радостная картина омрачается определенными негативными нюансами, в основном нравственно-этического характера. Многие сторонники модели НЛП категорически отвергают другие психологические школы, считая их устаревшими, неэффективными и бесполезными (особенно от них достается психоанализу). Действительно, быстрота результатов, достигаемых с помощью техник НЛП, поражает. Однако именно быстрота результатов и мощь по силе воздействия техник НЛП требуют от терапевта особого такта и умения. К сожалению, порой приходится наблюдать негативные последствия действий консультантов, применяющих техники НЛП, просто следуя прописанным шагам инструкции и при этом не вполне понимая, как эти техники работают и какие аспекты личности и жизни клиента они затрагивают, и главное — какие могут быть последствия этих быстрых изменений. Все это заставляет серьезно задуматься о нравственно-этических проблемах в этой области, в первую очередь об ответственности терапевта за производимые им изменения в личности клиента, а также об уместности достижения любого заявленного результата, независимо от его нравственной ценности.

Тем не менее сама концепция цели и результата терапии наиболее четко построена именно в модели НЛП, и в сегодняшних условиях постоянного дефицита времени и наличия у людей множества неотложных проблем, которые требуют разрешения немедленно, а не через месяц и тем более не через годы, технология НЛП может быть самой полезной и наиболее соответствующей

современным требованиям к психологии. Собственно, главная цель практической психологии — помощь людям, и если появилось еще одно эффективное средство, специалистам надо научиться им пользоваться, не отказываясь, однако, в угоду нового и модного, от тех навыков, достижений и ценностей, которые уже были выработаны ранее.

Благодаря модели НЛП психологи получили возможность работать не только с проблемами людей, страдающих неврозами, избавляя их от боли и страданий (это всегда объединяло психотерапию с медициной). Применяя разработки НЛП, психолог-консультант может быстро и эффективно помочь клиенту правильно добиваться поставленных целей, устанавливать и поддерживать хорошую коммуникацию, поддерживать себя в нужном эмоциональном состоянии и т. п. — фактически это уже не психотерапия, а совершенствование тех или иных аспектов личности. По тем же логическим схемам, по которым проводится индивидуальное консультирование, строится и консультирование организаций (бизнес-консультирование) — с четко построенным результатом и поиском максимально эффективных путей к его достижению.

Результат — не просто конечная точка в любой деятельности, результат придает смысл всей человеческой деятельности вообще. Любая деятельность, будь то производство, учеба или же какие-то другие усилия — в нашем случае это психотерапевтическая работа, — нуждается в том, чтобы был зафиксирован какой-то результат, «то, ради чего».

Отсутствие результата в работе, ее явная ненужность и бессмысленность опустошают человека, от такой работы человек устает намного быстрее, даже если она не требует особых усилий. Вряд ли возник бы образ Сизифа и это имя стало бы нарицательным, если бы в культуре, в которой мы существуем, не было представления о том, что бессмысленный труд — самое тяжкое наказание для человека.

Зная эту особенность человеческой природы, подобное наказание применяют в местах лишения свободы — прежде всего к политическим заключенным, чье преступление находится

именно в области духа, идеологии. Тяжелый и бессмысленный труд в отсутствии какой-либо возможности избежать его, изменить что-то в своей ситуации — очень действенный способ ослабить человека духовно и деморализовать его.

Личный опыт, пережитый В. Франклом и описанный в работе «Человек в поисках смысла»¹, также свидетельствует об испытаниях, которым подвергается личность в тех невыносимых условиях, которые были созданы специально для того, чтобы люди — заключенные концлагеря, умирали медленной мучительной смертью. Только нахождение смысла в непосильном труде на пределе физических возможностей человека могло выжить (не только физически, но и морально, и духовно) ему лично, а также помочь тем людям, которые оказались способными воспринять его метод работы над собой. Виктор Франкл еще раз доказал, что даже в тех жизненных ситуациях, когда окружающая среда настолько враждебна, что обычному человеку остается только бегство в смерть или в безумие, человеческий дух может стать источником силы. За счет доступа к глубинным ресурсам личность не просто выживает, а обретает смысл бытия, даже в обстоятельствах, когда все смыслы уничтожены.

Возвращаясь к нашему относительно мирному времени, можно сделать следующее обобщение: бессмысленный труд, труд без результата — это не только напрасно потерянное время, это еще и разрушительное, опустошающее душу наказание, приводящее к тому, что человек теряет себя, свой человеческий облик, свое «Я». Естественной реакцией на бессмысленность того, что человеку приходится делать, бывает реакция ухода, нежелание продолжать это действие, внутренний саботаж, порой в виде психосоматических заболеваний, так что при работе психотерапевта необходимо учитывать эту особенность человеческой природы.

Таким образом, при всей ценности самого процесса психотерапии для личности клиента, важно заранее обозначить, что мы будем считать за результат, и стремиться к нему, каждый раз

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. Москва : Прогресс, 1990. С. 368.

возвращаясь и проверяя, идем ли мы в нужном направлении, задавая для этого специальные вопросы. Содержание и логика этих вопросов раскрываются ниже — каждый раздел соответствует определенному аспекту анализа и проверки желаемого результата.

1. Позитивная формулировка цели

Как правило, приход человека к психологу вызван какой-то трудной ситуацией в жизни, проблемой, от которой он хочет освободиться, избавиться. Совершенно естественно, что клиент сразу говорит обо всем этом именно в негативной формулировке: «хочу избавиться от..», «хочу, чтобы у меня не было...», «хочу перестать (страдать, ревновать, опаздывать)» и т. п. Выслушав внимательно, чего же человек не хочет, можно сделать выводы о его состоянии на данный момент, можно также многое узнать о причинах возникновения его проблем, однако, если мы с клиентом будем постоянно говорить только о том негативе, с которым он пришел, мы не скоро продвинемся дальше — к желаемому результату.

После того как выяснены симптомы, то есть чего человек не хочет, что он желает изменить в своей жизни, всегда важно выяснить, чего он хочет, к чему стремится. Тут приходится совершать определенное усилие, так как обычно клиент бывает так поглощен переживаниями своих проблем, что хочет бесконечно рассказывать о том, как ему плохо. Порой вопросы типа «а чего вы хотите вместо этого?», «что бы вы хотели чувствовать?», «как вы хотели бы общаться с начальником (супругом, ребенком)?» и т. п. могут повергать клиента в полнейшее замешательство, так как его мысль никогда не работала в таком направлении. Однако замешательство — это уже первый шаг: клиент усомнился в том, что его видение проблемной ситуации — единственно возможное.

Постоянно удерживая фокус внимания на том, чего нет, что у нас отсутствует, что не получается, мы мало что можем узнать о возможностях дальнейшего роста и развития, поэтому следующий шаг, на совершение которого психолог подталкивает клиента, — думать позитивно, без частицы «не».

В чем состоит работа психотерапевта на этом этапе? Прежде всего необходимо настроиться доброжелательно и открыто к любой цели, которую клиент выскажет. Совершенно не обязательно, чтобы все цели звучали красиво и благородно, порой они могут казаться бессмысленными или недостойными (с точки зрения терапевта), однако в его обязанность входит все выслушать и помочь клиенту сформулировать цель так, как комфортно клиенту, а не терапевту. Выполнение этого требования может стать особенно сложным в тех случаях, когда цели и ценности терапевта и клиента не просто не совпадают, а в чем-то противоположны. Имеет ли терапевт право «корректировать» цели и ценности клиента, или же он должен полностью следовать за клиентом? Профессионализм психолога в данном случае проявляется в том, чтобы, не вторгаясь в мир ценностей другого человека, принять его (принять — не означает «одобрить», а именно спокойно принять как данность) таким, каков он есть, помня, что тот пришел не для того, чтобы терапевт его воспитывал, а за помощью. Впоследствии, когда уже будет наработано общее пространство терапии, в котором клиент станет доверять психологу настолько, что будет готов прислушиваться к советам, возможно какое-то влияние и на уровне ценностей и убеждений; но в начале консультирования психологу необходимо стараться быть по возможности предельно объективным и даже беспристрастным.

Для того чтобы клиент смог разобраться в себе, ему необходимо получить по возможности свободную от оценок и максимально объективную картину своего внутреннего мира. Для этого терапевт должен суметь присоединиться к реальности клиента и принять ее как истинную, даже если она совершенно фантастическая (как в случаях с психическими отклонениями) или абсолютно неприемлемая с точки зрения моральных норм самого терапевта. Последнее встречается достаточно часто и представляет собой серьезный вызов психологу, которому необходимо четко разделять свои человеческие, личностные установки и профессиональные, и в каждый отдельный момент осознавать, из какой позиции он выступает, чтобы не навредить ни себе, ни своим клиентам.

Как правило, с проблемами в личной и семейной жизни приходят обычно женщины — возможно, потому, что они более, нежели мужчины, вовлечены в эмоциональные отношения, либо они действительно более чувствительны и ранимы. Как бы то ни было, после нескольких лет психотерапевтической работы создается впечатление, что несчастных женщин с разбитыми сердцами значительно больше, чем мужчин. *Клиентка Л.* — яркий пример современной русской женщины, на которой и дом, и дети, и непутевый муж, который не только не помогает ей, а, наоборот, живя фактически у нее на содержании, лишь мучает и унижает ее. Со стороны может показаться, что с таким мужем нужно немедленно разводиться, однако это именно взгляд со стороны. У нашей же клиентки нет готовности к разводу, и настаивать на нем — значит совершенно не понимать ее ситуацию. Поэтому приходится на время принять ее систему ценностей, в которой наличие даже такого мужа — меньшее зло, чем полное его отсутствие, и исходить в работе с ней именно из ее желания сохранить и по возможности улучшить отношения с ним.

Бывают ситуации, когда терапевту совсем невозможно помочь клиенту в достижении какой-то совершенно неприемлемой для него (терапевта) цели, и ему трудно справиться с такой раздвоенностью. В таком случае, пожалуй, честнее будет сразу отказаться от работы с данным клиентом и посоветовать тому обратиться к другому специалисту.

Впрочем, серьезной помощью терапевту в данной сложной ситуации может быть гуманистическая установка о позитивной интенции любого поведения; вера в то, что абсолютного зла не бывает и какие-то внешние проявления поведения, кажущиеся злыми, могут быть продиктованы самыми добрыми мотивами. То, что на первых порах может проявляться как агрессия, злоба, мстительность и враждебность, после анализа и глубокой проработки оказывается некой защитой, закрывающей такой вот «колючей проволокой» от внешнего мира уязвимость, жажду близости и некомпетентность в каких-то вопросах. Когда человек начинает меньше бояться и больше доверять себе, окружающим людям и миру в целом, у него уже больше нет надобности постоянно

оставаться во всеоружии — он становится уже настолько силен, что может позволить себе расслабиться и не воевать каждую секунду своего существования. Чем ближе он подходит к самому себе, к своему «Я», тем комфортнее он себя чувствует, так как «ядро человеческой личности — это сам его организм, который по существу является и самосохраняющим, и социальным»¹.

«Говоря другими словами, когда человек является неполным, то есть когда он не допускает в сознание различные виды своего опыта, тогда, конечно, у нас часто есть основания бояться его самого и его поведения, о чем свидетельствует современное положение в мире. Но когда человек полностью функционирует, когда он — совершенный организм, когда осознание опыта — это особое человеческое свойство — действует в наиболее полной мере, — тогда человеку можно доверять, тогда его поведение конструктивно. Оно не всегда является общепринятым. Оно не всегда будет конформным. Оно будет индивидуальным. Но оно также будет социализированным»². Карл Роджерс считает осознание и принятие себя целиком тем важнейшим лучиком, способным осветить не только существование отдельного индивида, но и общества в целом. В какой-то мере это положение подтверждается в процессе проведения психотерапевтических групп, которые по стилю взаимодействия их участников можно рассматривать как модель идеального социума: участники проявляют себя максимально полно, во всем спектре эмоций, тем не менее суть их общения остается позитивной, принимающей, гуманистической.

Итак, первейшее условие формулировки цели психотерапии — это ее позитивная, утвердительная форма. Когда мы знаем конкретно, к чему хорошему мы стремимся (а не только от чего плохого мы убегаем), у нас появляется перспектива и оптимизм. Ведь человек, пришедший на терапию, и без того уже постоянно думает только о плохом. А если не помочь ему научиться думать позитивно, он очень скоро снова попадет в беду, так как привык во всем видеть только негатив. Такое обучение не происходит

¹ Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М. : Изд. группа «Прогресс»; «Универс», 1994. С.136.

² Там же. С. 151.

сразу — сила инерции мышления, привычки весьма велика, однако это одна из экзистенциальных задач психотерапевта — научить клиента видеть в жизни, в других людях, в себе самом хорошее и радоваться этому хорошему.

2. Цель и процесс ее реализации находится под вашим собственным контролем

Требование, чтобы цель, которую хочет достичь клиент, была действительно его собственной целью, может показаться банальным, но тем не менее многие психологи нередко забывают об этом, увлекаясь формулировкой целей для своих клиентов по своему разумению. «На самом деле вам нужно вовсе не это», — заявляют они авторитетным тоном эксперта, и, если клиент не очень уверен в себе, он тут же соглашается, что он хочет не того, с чем он пришел, а хочет того, о чем ему говорит психолог. А последний практически навязывает ему то, с чем привычно, и потому удобно и выгодно работать ему самому...

Например, очень хитрая политика применялась в центре дианэтики, в котором автору довелось побывать лично и на собственном опыте убедиться в силе негативного внушения. За 30–40 минут (примерно столько длится «собеседование») «специалист» объясняет незадачливому клиенту, попавшему в центр, прельстившись на рекламу «бесплатное тестирование», насколько у него все плохо, а в ближайшем будущем будет еще хуже — и все это говорится, как бы опираясь как раз на результаты тестирования, внушается потихоньку и весьма успешно. В процессе беседы внедряется идея, что только дианэтика может помочь этому человеку, и ему необходимо подобрать соответствующие программы (которые стоят несколько сотен долларов каждая — но чего не сделаешь для своего душевного здоровья!). Только профессиональный скептицизм, достаточно большой опыт в подобного рода взаимодействиях и не очень качественная работа «специалиста», проводившего «тестирование» и последующее «собеседование», помогли нам отнестись к этому с иронией и не впасть в уныние, а то и депрессию (которую, кстати, тоже «предсказали» в ближайшем будущем — и спасти от нее способна, конечно же, только дианэтика...).

Такие вопиющие нарушения этики психотерапии, столь беззастенчивое манипулирование с целью наживы, к сожалению, имеют место в нашей сегодняшней жизни, и избежать подобного воздействия можно прежде всего с помощью знания, умения отличать настоящего, добросовестного специалиста, который на самом деле хочет (и главное — может) нам помочь, от самозванца и шарлатана, лишь притворяющегося гуманным и понимающим, а на деле разрушающим нашу самооценку и наше «Я».

Впрочем, даже у добросовестного психотерапевта может возникнуть порой искушение «приневолить человека быть счастливым по-нашему». В какой-то момент, в силу собственных жизненных установок, у него могут возникнуть иллюзии полной ясности, что «на самом деле» необходимо тому или другому клиенту. Можно, например, внушать молодой девушке, что все ее душевные метания происходят от того, что она не нашла себе мужа и не родила ребенка (а метания замужних женщин?), абсолютно не обращая внимания на ее личностные особенности, так как терапевт не может абстрагироваться от собственных убеждений по этому вопросу... Каждый клиент индивидуален, и каждый случай терапии нужно воспринимать как возможность открытия. Уважение к внутреннему миру каждого человека, его ценностям, потребностям, может быть, даже и заблуждениям — тот важнейший этический принцип, который вряд ли, к сожалению, можно выучить или применять, как какую-то технику. Это зависит от того, насколько провозглашаемые психологом по «долгу службы» гуманистические идеи и принципы являются его собственными жизненными ценностями.

«Терапевту не следует оценивать экзистенциальные потребности пациента. Терапевта может не слишком интересовать бизнес, но если для пациента деловой успех является экзистенциальной потребностью, терапевт должен помочь ему обрести такую меру способности опираться на себя, что достижение этой цели станет возможным. Терапевту не нужно унифицировать своих пациентов, снабжать их одним и тем же набором экзистенциальных потребностей, скроенных по мерке самого себя или самого компе-

тентного из них. Его задача — помочь развитию каждого из них, что даст ему возможность найти значимые для него цели и адекватный путь их достижения. Потому что в момент, когда пациент приходит на терапию, он еще не может сделать это для себя сам»¹. Психолог в данном случае — не учитель, который знает, что нужно знать и делать ученику, а скорее проводник, который показывает дорогу, по которой клиент может пойти самостоятельно (если он захочет это сделать), а может быть, он найдет какую-то другую, совершенно новую, и это может стать неожиданным открытием для них обоих. Задача психолога — создать для клиента такие условия, в которых тот сможет проявить себя максимально творчески и, опираясь на лучшее в своей личности, сделает свой выбор.

Формулируемая цель должна не просто относиться к клиенту (а не к терапевту), но еще и ее достижение должно зависеть от самого клиента. Часто запрос на терапию звучит в форме пожелания, чтобы другие люди изменились, или же жизнь вообще и т.п. В таких случаях задачей терапевта является перевод фокуса внимания клиента на его собственные возможности, на то, что он сам может сделать в данной ситуации, что зависит от него самого. Собственно, когда речь идет о других людях, многие упускают из внимания тот факт, что в общении участвуют двое — и поэтому никогда не бывает так, что мы ничего не можем поделать, раз с нами так обращаются... На самом деле можно очень многое сделать, даже если противоположная сторона не хочет изменений и яростно им сопротивляется (например, соседи в коммунальной квартире, находящие смысл жизни в каждодневных мелких скандалах, вряд ли способны к конструктивному диалогу, но сделать жизнь с ними более сносной — можно). Любое взаимодействие между людьми — это система, в которой все элементы зависят друг от друга. Поэтому, даже изменив лишь один элемент системы, можно воздействовать как на всю систему в целом, так и на ее отдельные элементы, — это воздействие неизбежно, и речь идет уже о том, как можно его спланировать и простроить.

¹ Перлз Ф. Гештальт-подход. Свидетель терапии. М. : Либрис, 1996. С. 61–62.

Подобный взгляд на вещи прибавляет, с одной стороны, оптимизма, так как не бывает абсолютно неразрешимых конфликтов и безвыходных ситуаций; а с другой — указывает на большую степень ответственности за те взаимоотношения, в которые мы вступаем. Если принять, что не бывает пассивных страдальцев, и каждый вносит свой вклад в существующие отношения, получается, что каждый и отвечает за них. Так что сетовать на то, что кругом злые, несговорчивые люди, которые нам отравляют жизнь, — это означает признаваться в собственной лени и нежелании изменять свою жизненную нишу.

Строго говоря, другие люди — это зеркала, в которых мы видим себя, и поэтому не бывает просто несчастной судьбы и невезения в любви — человек сам строит и свои счастье, и свое несчастье. Так что задача психолога — показать клиенту, как он делает самого себя несчастным, и помочь ему начать другую жизнь, более счастливую и радостную.

3. Принцип разделенной ответственности за достижение цели психотерапевтического вмешательства

Важнейшей нравственной проблемой психотерапевтической работы является проблема ответственности терапевта за достигнутый клиентом результат. С одной стороны, кажется совершенно очевидным, что, выяснив цель, которую клиент хочет достичь, терапевт должен приложить все усилия для ее достижения — фактически в этом и состоит, казалось бы, его работа. Однако как быть в тех случаях, когда клиент не достигает заявленного результата? Кто отвечает за то, что все осталось по-прежнему? Еще бывают случаи, когда клиент, достигнув результата, через некоторое время возвращается к прежнему поведению. Кто тогда ответственен за возврат симптомов?

По статистике, даже у очень хороших психотерапевтов реального результата достигают не более 70–80 % клиентов. Например, если клиент приходит с личными проблемами или желает улучшить свое материальное положение, в таких случаях можно проверить, произошли желаемые изменения или нет. Клиент может через некоторое время прийти и заявить, что он потратил столько времени (и денег), а у него как не было де-

нег, так и нет, и улучшений в личной жизни не наблюдается... Кто в таких случаях виноват? И можно ли вообще тут говорить о вине и ответственности?

Так как традиционно психотерапевтическая работа многими воспринимается скорее как средство улучшить переживание или восприятие того, что есть, нежели как средство достижения реальных изменений, многие психотерапевтические школы — в частности, школа психоанализа, скорее ориентированная на сам *процесс* психоанализа, чем на какой-то конкретный, тем более проверяемый *результат*, — просто берут за основу положение, что результатом является сам процесс. Гуманистическая психология также больше ориентирована на процесс, предполагая даже, что клиент и терапевт в чем-то равны друг другу, и на самом деле помощь обоюдна. Разумеется, если психолог — настоящий профессионал, даже просто процесс общения с ним принесет немало пользы клиенту, и он сможет в процессе постепенного осознания своих проблем как-то с ними справляться, а ведь большая часть работы психолога на это и направлена. Однако в рамках консультирования, например, только лишь гуманистической школы, клиенту зачастую непонятно, что же такое с ним происходит — ему нужно дополнительно разъяснять те процессы, которые в нем оказались запущены в процессе психотерапии, чтобы он мог адекватно их оценивать. Так что, если заранее не оговорено, что будет, по мнению клиента, результатом терапии, в процессе можно так запутаться, что психологу ничего не останется, как говорить об «изменениях вообще» или об абстрактном личностном росте. Если в ценностях человека нет стремления к изменениям и личностному росту, он вряд ли согласится считать это за результат. Такому клиенту хочется прежде всего решить свою, конкретную проблему, а не развиваться вообще. В данном случае психолог-консультант ответственен также и за выбор фокуса своего внимания, т. е. того, на что он обращает внимание в первую очередь: порой необходимо сделать над собой усилие и не браться за «интересную» (для психолога) проблему, если клиент не готов или не хочет ею заниматься.

Стоит также поразмышлять на тему, отчего у одного и того же терапевта, одинаково добросовестно работающего со всеми клиентами, бывают такие разные результаты? Этот вопрос волнует прежде всего психологов, практикующих краткосрочную терапию, которая ориентирована именно на результат. Ответ на этот вопрос лежит сразу в нескольких плоскостях.

Во-первых, даже с одним и тем же человеком никогда не бывает двух одинаковых сеансов. И о каких одинаковых методах можно говорить, когда речь идет о разных индивидуальностях? Во-вторых, подлинная психотерапия обладает свойством изменять жизненное пространство таким образом, что клиент попадает в ситуацию максимально глубоких переживаний своего жизненного опыта, и в таких условиях каждая минута будет уникальна и полна смысла. Сеанс психотерапии — это тоже часть жизни, и как нельзя никогда с достоверностью предсказать, чем все закончится в реальной жизни, так и результат психотерапии предскажем лишь приблизительно, в общих чертах; даже скрупулезно все распланировав, «разложив по полочкам», можно оказаться лицом к лицу с неожиданными поправками, которые вносит затем сама жизнь. В-третьих, согласно гуманистическому взгляду на природу человека, психотерапия призвана стимулировать творческое начало в личности, соответственно, можно с достоверностью говорить лишь о каких-то творческих процессах, а не о конечном результате.

Впрочем, на наш взгляд, подобный подход к человеку отнюдь не означает, что психотерапия не может быть ориентирована на какой-то результат, будучи направленной на абстрактное творчество, ведь творческие возможности человека можно применить как для личностного развития вообще, так и для решения конкретных задач. Например, для решения коммуникативных проблем всегда важно использование творческих возможностей человека — коммуникативные ситуации, особенно сложные, конфликтные, всегда представляют собой некоторый вызов прежде всего творческому началу личности, способностям быстро найти в ситуации и в самом себе какой-то новый, неожиданный ракурс и успешно выйти из конфликта.

Тем не менее наиболее остро этический аспект проблемы результата психотерапии лежит в плоскости, примыкающей к вопросу о том, имеет ли психотерапевт вообще право брать на себя подобную ответственность. Собственно, только очень технократически настроенные люди могут говорить о человеке, о его мозге, психике как о чем-то, что можно наладить, чуть ли не починить, как некую вещь. К сожалению, материалистический (а точнее, позитивистский) взгляд на человека позволяет существовать и даже преобладать такому подходу. В его рамках уже кажется весьма логичным, что раз существует наука о человеке, о его психике, эмоциональной жизни, о закономерностях, которым подчиняются внутренние процессы, стало быть, можно и воздействовать на нее и заранее задавать некие параметры, которым должен клиент соответствовать на выходе. В таком случае специалист, который берется за эту работу, и является ответственным за результаты. Однако при всей своей похожести на машину, на компьютер, человеческий мозг все-таки таковым не является, тут можно говорить лишь о некоторой метафоре, и предсказать, что произойдет с человеком в результате психотерапевтического вмешательства, какие новые паттерны поведения, способности и даже убеждения он приобретет, можно лишь приблизительно, учитывая некие общие закономерности.

На наш взгляд, наиболее приемлемым в данном аспекте является принцип *разделенной ответственности*. Каждый в паре «психотерапевт-клиент» отвечает за свою часть процесса. Психотерапевт отвечает за качество психотерапевтической работы, за продуманность и аккуратность в применении сильнейших психотерапевтических техник, а также за ту атмосферу принятия, открытости и творчества, без которой невозможны глубокие позитивные изменения в восприятии клиента. Клиент, в свою очередь, продлевает большую, весьма сложную душевную работу и фактически отвечает за результат, так как только если он добросовестно будет выполнять все то, что ему будет необходимо в процессе терапии, результат станет достижимым. Без желания самого клиента и активного участия всех его душевных сил будут бессильны самые опытные и знающие психотерапевты.

Если клиент будет занимать пассивную позицию и представлять себя объектом, которого «лечат» как бы помимо его воли, он вряд ли добьется успеха. Все то хорошее, что с ним происходило в кабинете психотерапевта, он вряд ли сможет перенести в свою реальную жизнь, за стены кабинета, где ему нужно самостоятельно принимать все решения и учиться поступать по-новому. Для того чтобы изменения на самом деле претворились «в жизнь», необходимы воля и желание клиента изменяться и предпринимать внутренние усилия на этом нелегком пути.

Так что в тех случаях, когда психотерапия «не сработала», можно говорить, как о недостаточном профессионализме психотерапевта, так и о недостаточном желании клиента быть вылеченным. Обычно в подобных случаях при повторном анализе ситуации (если психотерапевт работал добросовестно) оказывается, что обнаружались какие-либо дополнительные (так называемые вторичные) выгоды от того, что прежнее проблемное положение сохранилось. Например, соматические головные боли, аллергия, сердечные приступы при всей их очевидной неприятности могут приносить выгоду в виде жалости, внимания, заботы, в конечном итоге проявлений любви со стороны близких. Опять же можно таким образом дать понять своим близким, что они в чем-то не правы (если сложно сказать им об этом прямо) и даже внушить им чувство вины и раскаяния. Механизм, поддерживающий проблемное поведение или состояние и мешающий человеку изменяться, в то время как он изъявляет желание начать жить по-другому, получил в психотерапии название «сопротивление». Однако это название лишь указывает на наличие, но не вскрывает причин и механизмов того, каким образом это «сопротивление» происходит. Видимо, в большинстве случаев так называемого сопротивления можно говорить именно о неосознанных вторичных выгодах. Вторичные выгоды — это те плюсы (зачастую неосознаваемые), которые человек получает для себя боля, страдая; причем если процесс психотерапии тормозится по непонятной причине — это сигнал для психолога, что ему надо исследовать именно вторичные выгоды. Разобравшись с ними, можно так

построить дальнейшую работу, чтобы учесть не только прямые, но и вторичные выгоды. Очень часто вторичными выгодами, которые, будучи неучтенными, всячески тормозят процесс изменений, являются какие-то ценности и убеждения (в глубине души человек остается убежденным, что это новое состояние или поведение для него несвойственно, недопустимо или же даже безнравственно). Осознав эти убеждения и ценности, уже можно найти такие варианты решения, в которых эти ценности, если они настолько важны для клиента, сохранялись бы в полном объеме, либо же как-то переформулировались, видоизменялись, если это какие-то производные ценности, еще не ставшие базовыми для личности. В данном аспекте также стоит говорить о совместной ответственности клиента и психолога: когда речь идет о каких-то глубинных структурах, решает все-таки клиент, менять там что-либо или нет, а психолог помогает ему осуществлять изменения, которые клиент выбрал.

Каким бы ужасным ни казалось состояние, с которым человек приходит к терапевту, он как-то в этом состоянии жил и живет, и приспособился к своим страданиям. А психотерапевтическое вмешательство этот внутренний баланс нарушает, и порой полученные плюсы оказываются недостаточными, чтобы компенсировать потери.

Еще одна причина, почему иногда кажется, что психотерапия не сработала, — человеку хочется немедленных результатов, и чтобы старое уже никогда не повторялось, но он забывает при этом о мощнейшей силе привычных мыслей, чувств, поступков, которые совершаются автоматически, просто потому, что много раз до этого это был единственный выбор. Для того чтобы новые выборы стали такими же привычными и «настоящими», как прежние, требуется достаточно долгий период активного вмешательства воли, чтобы человек осознанно вел себя по новому пути, не позволяя скатываться к старым способам реагирования, терпеливо и упорно приучая себя. Так что успешная терапия отнюдь не исключает самостоятельной работы клиента — напротив, лишь объединив усилия, можно достичь результатов на этом пути.

Таким образом, заранее решать за клиента, каким ему становиться, как будет лучше для него, — это не только не полезно для психотерапевта, но и, пожалуй, вредно — как для него, так и для клиента, которого пытаются заставить быть счастливым сообразно какой-то схеме. Пытаясь «осчастливливать» другого, объясняя ему, каким ему надлежит быть, мы тем самым нарушаем его личностные границы и лишаем его возможности самому научиться принимать за себя решения. Хотя большинство клиентов как раз и не хотят ничего решать сами, стремясь переложить всю ответственность за свою жизнь на кого-то, будь то близкие люди, обстоятельства жизни или тот же психотерапевт, им нельзя потакать. В противном случае можно попасть в замкнутый круг: сначала психотерапевт будет выступать для клиента, чувствующего себя *жертвой* обстоятельств (судьбы, начальника, супруга, родителей, других психотерапевтов и т. п. — все они выступают как *преследователи* для жертвы) таким *спасителем*, помогающим в трудный час. Однако ситуация изменится, клиент, недовольный исходом, станет сам преследователем по отношению к терапевту (бывшему спасателю), начав его обвинять в том, что тот дал неправильные рекомендации, и теперь из-за него все плохо и даже еще хуже, чем было. Таким образом, тот, кто изначально взял на себя ответственность большую, чем он в состоянии нести, в итоге сам уничтожает результаты своих усилий, превращаясь в виноватого. Порой получается так: кто-то из преследователей может превратиться в спасателя или в жертву по отношению к бывшей жертве — ситуация, главный участники которой перекалывают ответственность на кого-то постороннего, постоянно преподносят такие сюрпризы¹.

Так что вся трудность и смысл работы психотерапевта в данном контексте в том и состоят, чтобы не поддаваться на подобные призывы-манипуляции со стороны клиентов, не становиться для них «спасителем», а помогать им становиться самостоятельными, ответственными за свою судьбу людьми. Об этом необхо-

¹ Подробнее с описанием этого явления можно познакомиться в книге Э. Берна «Игры, в которые играют люди».

димо говорить в самом начале работы, уже в процессе принятия решения о том, чего мы хотим добиться в результате психотерапии. Причем важно быть последовательным и конгруэнтным, чтобы то, что говорится, осуществлялось на самом деле — психологу необходимо постоянно соблюдать баланс между симпатией и фрустрацией, не переходя ни в одну из крайностей.

Этический аспект работы психолога в данном контексте — формирование у клиента чувства ответственности как за все свои поступки, даже мелкие и незначительные, так и за свою судьбу в целом. Уже во время первой беседы клиент учится отвечать за то, как он излагает свою проблему. Ответственность в данном случае означает, что он не может отделаться общими фразами «все плохо», «у меня ничего не получается», «меня никто не любит» и т. п. Любое такое высказывание может подвергнуться тщательному структурному анализу с целью выявить конкретный жизненный опыт, стоящий за ним. Отвечая на вопросы психолога «как именно вы узнаете о том, что вам плохо?», «что именно у вас не получается?», «есть ли что-то, что у вас все-таки получалось?» и т. п., клиент узнает внутреннюю структуру своего опыта и начинает более осознанно относиться к своим словам и поступкам. Впоследствии на каждом сеансе все попытки «уплыть» в пространство общих фраз-обвинений пресекаются подобного рода анализом. Также проводится подробная работа с различными неявными просьбами, невысказанными ожиданиями, внушением чувства вины другим людям и прочими манипуляторскими приемами, которыми клиент обычно «вооружен до зубов». Обычно такое восхождение от абстрактного к конкретному бывает более действенным, чем наоборот — человек, который на словах признает и декларирует ответственность вообще, может в каждодневных мелочах поступать так, что все кругом у него получают виноваты. Именно умение психолога «ловить» клиента на таких мелочах и показывать ему, как он это делает, помогает клиенту впоследствии выработать подлинную ответственность за собственную жизнь, которая проявляется именно в каждодневных поступках, во всем образе жизни.

Вероятно, возникает вопрос: как можно требовать от больного, страдающего человека какой-то ответственности и внутренних усилий? Если бы он был на них способен, он бы и не пришел к психологу. Откуда ему брать силы, ту самую волю, о которой говорилось выше, на что опираться в процессе самой работы, ведь клиент так слаб, так раним? В общих чертах можно ответить так: клиент действительно страдает, и его душа порой представляет открытую рану, однако роль психолога заключается не только в том, чтобы просто отогреть его и утешить, но и в том, чтобы помочь ему научиться справляться с жизнью самостоятельно. То, что человек так страдает, в большинстве случаев означает, что не меньше (может по-другому) страдают рядом с ним другие люди — всякая коммуникация состоит из влияния обеих сторон ее участников. Для того чтобы не просто вытащить человека из ямы, а научить его ходить так, чтобы больше в нее не попадать, нужно помочь ему увидеть собственный вклад в свои проблемы. Необходимо показать клиенту, какова доля его личной ответственности за то, что он сейчас в таком плачевном положении, и что он сам может сделать сейчас и продолжать делать в будущем, уже понимая, как он сам умеет продуцировать свои проблемы. А если человек ясно понимает, как он создает себе проблемы, остается лишь сделать еще шаг и понять, как можно самому же с ними справляться — ведь и то и другое зависит от него самого.

4. Цель находится в нужном контексте и сохраняет первоначальные позитивные побочные результаты.

Формулировка цели, даже самая удачная, позитивная и зависящая от самого человека, внешне проверяемая, тем не менее неполна без учета контекста или уместности ее в разных жизненных ситуациях. Например, человек хотел научиться быть и выглядеть сильным и уверенным, может быть даже жестким, для того чтобы успешно взаимодействовать со своими сослуживцами на работе. Если добросовестно поработать, фактически любого человека можно научить вести себя уверенно и твердо отстаивать свою позицию. Однако всегда ли это полезно?

Прежде чем отпускать клиента «в жизнь» с тем результатом, который достигается (или уже достигнут в результате терапии), всегда важно задать вопрос: «а нет ли таких контекстов в жизни, когда этот результат (черта характера, элемент поведения и т.п.) будет неуместен?» Часто этот вопрос оказывается весьма своевременным, так как если его не задавать, человек может начать вести себя по-новому всегда и везде, и это может привести порой к нежелательным эффектам.

Клиентка Л., чувствовавшая себя чрезмерно зависимой от мнения других людей, попросила терапевта изменить ее отношение к чужому влиянию. После проведения техники «установки нового убеждения» она с удовлетворением заявила, что теперь никто не будет сбивать ее с толку и она будет всегда опираться лишь на собственное мнение. После этого она отправилась в гости к старинным друзьям и объявила им в довольно резкой форме, что она больше не намерена прислушиваться к их мнению о ней, чем несказанно всех удивила, а кого-то и обидела.

Разумеется, сложно учесть все возможные жизненные ситуации, в которых проявляются полученные изменения, однако подумать о них и заранее оценить их последствия возможно.

Другое важное условие хорошо сформулированной цели — сохранение первоначальных позитивных побочных результатов. Как уже говорилось выше, любое поведение имеет как явные, так и вторичные выгоды. Если полностью отбросить старое поведение, не учитывая имеющиеся побочные позитивные результаты, можно в итоге либо не достигнуть поставленной цели, либо же будут такие последствия, что человек сам начнет раскаиваться, что затеял все эти изменения.

При работе с позитивными намерениями, лежащими в основе какого-либо поведения, мешающего или вредного на данный момент клиенту или его окружению, зачастую оказывается, что полное отбрасывание этого поведения ненужно и даже вредно в некоторых контекстах, так как когда-то, возникнув в конкретной ситуации, оно было весьма успешным: «во благо», а не во вред.

Клиентка А. вследствие своей жесткой авторитарности и постоянной придирчивости по отношению к мужу живет в ситуации постоянного мучительного конфликта с ним. После работы над тем, что она может сделать в сложившейся ситуации с собой, а не «изменить поведение мужа», «сделать его человеком» и т. п., она пришла к выводу, что ей лично мешает именно ее нежелание его слушать и стремление к авторитарному, командному поведению. Простейшим выходом представлялось обучение клиентки более мягкому взаимодействию с мужем, однако сильнейшее внутреннее сопротивление с ее стороны при одной лишь мысли о необходимости стать более мягкой и уступчивой явилось сигналом к дальнейшему изучению симптома. Выяснилось, что такое авторитарное поведение по отношению к мужчинам выработалось у нее в юности, когда она на долгое время оставалась в квартире одна без матери, которая уезжала на работу, и тогда А. приходилось общаться с домогающим ее соседом. Жесткая тактика поведения на тот период жизни была наилучшим выбором и мобилизовала ее силы в трудные моменты ее жизни. Отказываться от нее полностью совершенно не имело смысла — то, что ей помогло тогда, могло помочь и теперь, если бы пришлось противостоять грубой силе, защитить себя и своих детей. Даже сегодня, вспоминая тот период жизни, она гордилась собой и считала, что выстояла и осталась сама собой лишь благодаря уверенности в себе и внутренней силе, которую она научилась проявлять в разговоре с мужчинами.

Однако при общении с близким человеком, от которого на самом деле не исходит никакой угрозы, можно было научиться реализовывать другие варианты поведения. Муж, в отличие от тех мужчин из ее прошлого, не собирался причинять ей зло и готов был добровольно помогать ей и строить добрые отношения, а она постоянно создавала обстановку напряженной борьбы характеров, в которой, разумеется, побеждала — хотя эта победа не приносила ей особой радости. После проработки проблемы на таком уровне у нее уже не было сопротивления, а лишь сильнейшее желание научиться этим новым вариантам.

Внимательное исследование проблемы во время постановки цели помогло сохранить все то положительное, что лежало в глубине личности, и «не выбросить вместе с водой ребенка». Если бы клиентка А. просто стала работать над изменением своего стиля поведения с мужем в сторону мягкости и избавления от авторитарности, она бы потеряла чувство уверенности в себе и своей силе, что плохо бы сказалось на ее самочувствии и вряд ли улучшило взаимоотношения в семье. Сохранив же ее внутреннюю уверенность в своей правоте, не разрушая собственный образ «Я», для терапевта оказалось возможным начать работу по творческому изменению способов взаимодействия клиентки в семье, заручившись полным согласием ее на глубинном эмоциональном уровне.

Во время выполнения любой техники, приводящей к глубоким изменениям личности, необходимо делать «проверку на экологию»¹ — задавать вопросы о том, не повредит ли достижение цели кому-то из близких или самому клиенту, не потеряет ли он что-нибудь, добившись желаемого, и т. п. Если пропустить этот шаг, можно добиться цели, даже какой-то пользы, но личность в целом, особенно ее нравственная часть, может впоследствии сильно пострадать. Если платой за достижение цели будет вред, нанесенный нашим близким, и — самое главное — это выяснится уже потом, когда ничего нельзя будет сделать, достигнутый результат станет пирровой победой. Поэтому психолог должен уметь предвидеть возможные негативные эффекты достижения цели и вовремя направить на них внимание клиента, и этот шаг должен проследить именно консультант, так как клиент может быть настолько увлечен своей проблемой и стремлением ее решить, что может не подумать о последствиях.

5. Исследование доступа к ресурсам и возможных препятствий на пути к достижению цели.

¹ Экологическая проверка — термин, принятый в НЛП для обозначения исследования возможных последствий терапевтического вмешательства, а также достижения какой-либо цели. Идея целостности личности как системы предполагает, что любое вмешательство в ее жизнедеятельность должно учитывать по возможности все контексты, в том числе нравственные ценности и убеждения. Главный принцип — «не навреди!»

Для того чтобы цель, которую мы хотим достичь, стала из мечты реальностью, необходимо учесть все, что нам необходимо для ее осуществления. Не секрет, что многое из того, чего мы хотим добиться в жизни, требует не только личных усилий, но и наличия внешних условий, в том числе материальных средств, которых у нас просто может не быть на данный момент. Поэтому, стремясь к достижению цели, необходимо учесть как внутренние ресурсы, зависящие от нашей воли, характера, способностей, внутреннего настроя, так и внешние — что может понадобиться извне, может быть, от других людей. Например, если целью человека является выздоровление, то тут необходимо учесть, кроме его готовности самому делать все необходимое, еще и потребность в хороших специалистах, каких-то лечебных препаратах. Все это может стоить денег, и порой немалых, и потому стоит заранее обдумать, откуда взять эти средства (заработать, занять, взять ссуду на предприятии, получить страховку и т. п.). Также можно обнаружить совершенно неожиданные, «неучтенные» источники ресурсов — системы оздоровительной гимнастики, йогу, медитацию, знакомство с людьми, имеющими уникальный опыт в преодолении схожих проблем, и многое другое.

Зачастую оказывается, что цель, которая казалась абсолютно недостижимой из-за недостатка ресурсов, перестает быть таковой, если внимательно изучить все возможности, перестав мыслить о ней лишь известными и привычными способами. Обнаруживается, что клиент постоянно пропускает мимо своего внимания то, что еще могло бы ему помочь при достижении цели, так как он видит лишь один-единственный путь достижения, а все остальные представляются ему нереальными или «ненастоящими». Между тем в жизни добиваются успеха именно те люди, которые умеют гибко относиться к реальности и извлекать пользу из любых жизненных обстоятельств. Очень часто люди даже не обращают внимания на какие-то свои уникальные способности и таланты, которые могли бы быть применены в жизни, действуя по раз и навсегда заданной схеме поведения. А ведь иногда достаточно подумать и представить, что еще можно было бы использовать даже из имеющегося арсенала средств, чтобы желаемая цель приблизилась к реализации.

После того как клиент представит в наилучшем виде все то, к чему он хочет прийти, будь то взаимоотношения с близкими, успешная сдача экзаменов или улучшение собственного состояния, ему начинает казаться, что все именно так и произойдет, потому что у него появляется ясное видение своей цели. Наличие веры в свои силы и знания — уже половина успеха. Однако может случиться так, что жизнь подбросит какие-то дополнительные трудности на пути к достижению желаемого результата, и если человек к ним не готов, он может отступить уже при первом же испытании. Для того чтобы этого не произошло, важно обратить внимание еще на один аспект работы с целью — исследование возможных *препятствий*. Если клиент не представляет, какие препятствия его могут ожидать, психолог может подсказать ему, в каком направлении думать на эту тему, представив, например, других людей, которые уже достигали подобных целей, либо, зная личностные особенности клиента и возможную динамику развития событий, рассказать ему о том, что может быть, и затем задать вопрос, как он собирается действовать в случае, если с ним произойдет то же самое.

Например, женщина, решившаяся изменить свое отношение к мужчинам, неизбежно столкнется с недоумением своего партнера по поводу ее новых поступков, а возможно, и с выражением открытого недовольства, вплоть до угрозы разрыва. Задача психолога — предупредить ее об этом и морально подготовить к тому, что ей придется столкнуться с такими жизненными вызовами, о которых она на данный момент не подозревает. Например, у нее могут быть непонятные для нее состояния, перепады настроения, может быть даже чувство пустоты, неестественности жизни. Так бывает, когда человек меняет привычные стереотипы поведения, а новое еще не установилось и кажется чужим и «неудобным». Консультанту необходимо бывает предупредить клиента и о том, что тому в какой-то момент может понадобиться поддержка, и пусть он заранее решит, откуда он будет ее получать, чтобы подготовиться к решению будущей задачи.

Изучив возможные препятствия и продумав действия, которые можно будет предпринять по их преодолению, человек уже готов к реальному столкновению с ними и чувствует себя сильным и подготовленным.

Вполне может быть, что возникнут какие-то новые, неисследованные трудности, однако и на этот случай можно провести какую-то психологическую работу. Например, продумать, откуда клиент может ожидать помощи, где будет искать необходимую информацию, как будет себя при этом чувствовать... Таким образом, можно подготовиться и к неожиданностям, научиться не бояться их и не терять оптимизма и веры в удачу.

Заключение

Как уже говорилось в начале статьи, с определением первой точки, которая отвечает на вопрос: от чего хотелось бы избавиться? — как правило, ни у кого особых трудностей не возникает. А вот поиск ответа на вопрос: а чего бы хотелось, чтобы было? — далеко не так прост. Видение желаемого будущего обычно оказывается весьма туманным, и сориентироваться в этом тумане может помочь именно грамотный консультант, вооруженный эффективными техниками. Без конструирования этого будущего, которое включает в себя как новое окружение, так и новое видение себя, своего «Я», успех невозможен. Для того чтобы прийти куда-то, нам нужно знать, куда мы идем, — и львиная доля усилий психолога состоит в том, чтобы помочь клиенту вообразить, придумать, спланировать, максимально подробно и детально сконструировать свое будущее. Предложенная в данном тексте технология может помочь структурировать неявные ожидания и мечты в четкий план, который остается только реализовать.

Библиографический список

- Фрейд З. Я и Оно. Избранные работы. СПб: Лениздат, 2014.
- Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М. : Прогресс; Универс, 1994.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990.
- Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс; Универс, 1994.
- Перлз Ф. Гештальт-Подход. Свидетель терапии. М. : Либрис, 1996. С. 61–62.

Персонализированная медицина: проблема социотехнологического артефакта¹

Белялетдинов Р. Р.

Personalized medicine: problem of socio-technological artifact

Belyaletdinov R. R.

Аннотация. В статье исследуются особенности становления персонализированной медицины, которая рассматривается как социотехнологический артефакт. Анализируется принцип симметрии, роль технодетерминизма в развитии персонализированной медицины и проблемы обработки информации «омиков».

Ключевые слова: технодетерминизм, персонализированная медицина, исследования науки и технологий.

Abstract. The article examines the peculiarities of personalized medicine, which is regarded as socio-technological artifact. The principles of symmetry, techno-technological determinism role in the development of personalized medicine and problems of information processing of «omics» data.

Keywords: technological determinism, bioinformatics, personalised medicine, science and technology studies.

Представить развитие биотехнологий в изоляции от общества сегодня практически невозможно. Институционально то, как общество оказывает воздействие на развитие технологий является объектом исследований науки, общества и технологии (STS). Значимой для STS остается интенция на развенчание мифа о ведущей роли технологий в обществе, или технологического детерминизма, в котором технологический прогресс уравнивается с социальным прогрессом². С точки зрения STS, наука — это не только совокупность технологий, возникших в лаборатории

и являющихся самостоятельными артефактами, но и социотехнологическая проекция, чья значимость вытекает не столько из совокупности объективных технических процессов, сколько из готовности общества производить и принимать эти процессы как работающие структуры.

Согласно В. Бейкеру (W. Bijker) и Т. Пинчу (T. Pinch), свидетельством того, что машина «работает», является сам результат ее признания, а не причина, по которой ее признают. Точно так же и научный проект как совокупность работающих технологий превращается в социотехнологический артефакт, машину только в том случае, если он признан обществом. Следовательно, даже нефункционирующие технологии могут рассматриваться как работающие, если они получают признание. Можно попробовать рассмотреть персонализированную медицину в этой проекции.

Персонализированная медицина является амбициозной попыткой трансформации существующей конвенциональной медицины. Она неразрывно связана с техническим прогрессом, поскольку опирается на самые современные достижения науки и техники, причем не только биомедицины, развивающей многочисленные «омики» (геномику, транскриптомику, эпигеномику, протеомику и др.), но и информационных технологий, связанных с хранением, анализом и построением алгоритмов обработки больших объемов информации. Существенная сторона персонализированной медицины как артефакта — это развитие технологий и через них развитие общества (технологический детерминизм). Однако предпосылки развития персонализированной медицины, которые формируют ее социальную базу как артефакта, не столь прямолинейны. Условия форсайта, в котором идет становление персонализированной медицины, связано с технологическими трудностями, и реализация проекта вызывает опасения. Между тем общество инвестирует в проект персонализированной медицины свои ожидания, даже невзирая на то, что она как работающая эффективная система пока еще не существует.

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФНФ, грант 15-03-00822-а.

² Wyatt S. Technological Determinism Is Dead; Long Live Technological Determinism // The Handbook of Science and Technology Studies. / ed. by E. J. Hackett, O. Amsterdamska, M. Lynch, J. Wajcman. 3-rd ed. USA, Cambridge: The MIT Press, 2008. P. 168.

Идея персонализированной медицины: от простого к сложному

Идея персонализированной медицины не была напрямую связана с проектом «Геном человека», не ориентировалась на решение масштабной задачи, но в итоге ее реализация, как и реализация проекта «Геном человека», осуществлялась в одном с ним русле с тем лишь отличием, что изначально эта идея была направлена на достижение конкретных целей. В конце 90-х годов крупные фармакологические компании стали предпринимать попытки применять немногочисленные известные в то время генетические маркеры для оптимизации действия уже существующих лекарственных препаратов. Гипотеза состояла в том, что люди с определенными генетическими особенностями лучше реагируют на некоторые лекарства. Так, фармакологическая компания Roche имела в своем активе лекарство Xeloda, которое, попав в организм, переходило в активное состояние под воздействием определенных ферментов. Ученые из Roche предположили, что пациенты, не имеющие отклика на лекарство, возможно, обладают персональными нуклеотидными полиморфизмами, отвечающими за генерацию ферментов, которые не переводят лекарство в активное состояние¹. Генетическая предрасположенность к воздействию лекарств была также определена для Герцептина (Genentech), Глоцарила (Novartis), Орцела (Bristol-Myers Squibb).

Идея проекта по картированию нуклеотидных полиморфизмов, которые отвечают за индивидуальный отклик на лекарственные препараты, была поддержана десятью фармакологическими компаниями, в том числе Roche, Novartis и Glaxo Wellcome². Кроме того, первоначальный замысел был расширен до поиска полиморфизмов, ответственных за риски диабета, астмы и болезни сердца.

На сегодняшний день замысел пионеров персонализированной медицины перешел из стадии решения прикладных трудностей отдельных фармакологических компаний в разряд глобаль-

¹ Langreth R., Waldholz M. New Era of Personalized Medicine. Targeting Drugs For Each Unique Genetic Profile // The Oncologist. 1999. № 4. P. 426.

² Ibid. P. 426.

ных проектов по смене парадигмы медицины и превращения ее в персональную, превентивную и предиктивную медицину. Однако этот глобальный проект можно рассматривать и как глобальную «машину», которая существует, не работая.

Биоинформация, очень много биоинформации

Биоинформация — ключевой аспект развития персонализированной медицины. Она поступает от «омиков» — многочисленных биомедицинских тестов, которые отражают в деталях индивидуальные биологические процессы. Однако лаборатории, генерируя потоки данных, сталкиваются с проблемой их интеграции в единую картину, которую можно было бы полноценно использовать¹. Речь идет о необходимости интеграции тысяч параметров сотен тысяч пациентов. При этом биологические системы — это нелинейные взаимодействия и эффект, возникающий в результате объединения многих факторов, который приводит к сложности идентификации сигнала и ошибки². Чтобы представить себе, как работает персонализированная медицина, следует взглянуть на нее как на процесс превращения данных в клинически полезные результаты.

Хранение биоданных обычно осуществляется с помощью компьютеризированных суперсистем и решается при помощи облачных сервисов, таких как EasyGenomics (Пекинский институт геномики), информационное облако «Embassy», входящее в европейский проект «Elixir». Обычные лаборатории не в состоянии поддерживать вычислительные системы, которые могли бы справиться с такими потоками информации.

После поступления биоинформации в облако, ее необходимо обрабатывать. Проблема интеграции данных связана с ограниченностью числа биологических образцов и большим числом тестов, для которых они используются (эта проблема персонализированной медицины известна как «большая размерность»

¹ Alyass A., Turcotte M., Meyre D. From big data analysis to personalized medicine for all: challenges and opportunities // BMC Medical Genomics. 2015, V. 8. № 33. P. 4. (URL: <http://www.biomedcentral.com>)

² Ibid P. 5.

данных, полученных от «омик»-тестов). Поскольку результаты тестов с использованием небольших образцов могут давать отклонения по отношению к данным, полученным от используемого для исследования биологического материала (как правило, это некоторый конечный набор биологических образцов), совместный анализ данных, полученных из одного источника и интегральных данных, приводит к росту ошибочных результатов¹.

Кроме того при интерпретации данных возникает сложность в установлении корреляции между различными «омиками», например, транскриптомикой и протеомикой у эукариотических организмов².

Биоданные позволяют не только делать новые обобщения и устанавливать биологические закономерности с помощью «омиков», но также несут в себе большое число ошибок на уровне значительных объемов информации³. Так, 3 гигабайта информации, содержащей расшифровку генома человека, будут иметь 30 000 возможных ошибочных данных⁴.

Решение проблемы интеграции больших объемов информации в единую и содержательную клиническую картину является масштабной технической задачей, которая находится в процессе решения. Тем не менее, даже в случае успеха в преодолении проблемы обработки биоинформации, перспектива использования «персонализированной» машины может оказаться не столь масштабной. Пока не удастся установить, насколько персонализированная медицина может быть эффективна, так как «геном человека не позволяет объяснить вариативность обычных заболеваний, а те особенности, которые он объясняет, как правило, не поддаются под прямые медицинские интервенции»⁵.

¹ Alyass A., Turcotte M., Meyre D. From big data analysis to personalized medicine for all: challenges and opportunities // BMC Medical Genomics. 2015, V. 8. № 33. P. 4. (URL: <http://www.biomedcentral.com>) P. 6.

² Ibid P. 8.

³ Ibid P. 10–11.

⁴ Fernald G. H., Capriotti E., Daneshjou R., Karczewski K. J., Altman R. B. Bioinformatics Challenges for Personalized Medicine // Bioinformatics Review. 2011. V. 27, № 13, P. 1742.

⁵ Joyner M. J. Seven Questions for Personalized Medicine // JAMA. 2015/09. Vol. 314, № 10. (URL: www.jama.com).

Персонализированная медицина, технологический детерминизм и социотехнологический артефакт

Если рассматривать персонализированную медицину как социотехнологический артефакт, то есть как совместный проект ученых и общества, то необходима методология, которая бы объяснила, каким образом этот проект может развиваться, поглощая значительные объемы научной активности и при этом не решая никаких глобальных проблем общественного здоровья.

Персонализированная медицина существует уже достаточно долго (идея была сформулирована в 1997 г.), и сегодня она по-прежнему остается «обещающей технологией», по сути, техно-биомедицинской машиной, работающей без результата, лишь углубляющей собственную проблематику, создающей все новые инновации, завораживающей, но не производящей продукт — повышение качества медицины. На правах гипотезы можно предположить, что существует потребность общества в технологиях, имеющая своей целью не результат их применения, а сам факт поступательного технологического процесса, который может развиваться какой-то период времени только лишь за счет технотерминистских интенций, производимых самим обществом.

С методологической точки зрения эта проблема может анализироваться с помощью принципа симметрии. Принцип симметрии рассматривается в статье С. Виат¹, где автор экстраполирует этот принцип на отношения аналитиков и акторов. Первоначальная версия принципа симметрии была введена Дэвидом Блуром (D. Bloor) для социологии науки. Он полагал, что как истинные, так и ложные утверждения должны рассматриваться с точки зрения социологии, в терминах социологии. Любые отсылки к природе как аргументу в пользу истинности того или иного утверждения принимать не следует, так как само признание чего-либо природой не является объективным фактом, а конъюнкцией природного и истинного, поэтому любые референции к аргументу от природы необходимо устранять. Переноса этот принцип

¹ Wyatt S. Technological Determinism Is Dead; Long Live Technological Determinism // The Handbook of Science and Technology Studies. 3rd ed. / ed. by E. J. Hackett, O. Amsterdamska, M. Lynch, J. Wajcman. USA, Cambridge: The MIT Press, 2008. P. 165–180.

на отношение аналитиков и акторов, С. Виат полагает, что «то, каким образом стейкхолдеры и аналитики идентифицируют других игроков и их интересы, следует толковать симметрично»¹. Таким образом автор развивает идею Э. Гидденса о том, что социальные ученые должны не только генерировать теории, объясняющие действия социальных акторов, но также им следует принимать во внимание то, как социальные игроки воспринимают их теории.

И поскольку технодетерминизм в различных формах присутствует в социальном пространстве², технодетерминистский дискурс необходимо включать в анализ происходящего в обществе.

Особенно интересно отметить, что выделение трех типов медицины: «у постели больного», «больничная медицина» и «лабораторная медицина»³ — отражает изменение статуса пациента и его выпадение из процесса лечения, но не касается того, что и врач выпадает из процесса лечения, предоставляя синтез «омиков» сложным вычислительным машинам. В этом смысле под видом «персонализации» можно увидеть стремление общества к глобальному социотехнологическому артефакту — «машине», реализованной в виде обезличивающей супергенерализированной медицины, из которой уже исключены и врач, и пациент, — остается только вычислительная машина, геном и оцифрованные модели заболеваний.

Персонализированная медицина представляет из себя проекцию социального «естественного» технодетерминизма на конвенциональную медицину. Если следовать идее, что «работающая» машина является результатом признания, а не причиной, то «ожидание» персонализированной медицины есть признание ценности артефакта вне зависимости от его фактической полезности. И пусть критики персонализированной медицины запрашивают новые модели обоснования, которые бы поддерживали ее развитие. В этом нет необходимости, поскольку в обществе есть позитивное отношение к технологиям как инструментам достижения результата.

¹ Wyatt S. Technological Determinism Is Dead; Long Live Technological Determinism // The Handbook of Science and Technology Studies. 3rd ed. / ed. by E. J. Hackett, O. Amsterdamska, M. Lynch, J. Wajcman. USA, Cambridge: The MIT Press, 2008. P. 171.

² Ibid P. 169–171.

³ Tutton R. Personalizing medicine: Futures present and past // Social Science & Medicine. 2012. № 10. Vol. 75. P. 6.

В настоящее время персонализированная медицина проявляет себя не столько в результатах, сколько в технологиях обработки и интерпретации биоинформации и развитии компьютерных систем работы с биоинформацией. Как социотехнологический артефакт, персонализированная медицина развивается в значительной степени за счет «социологии ожидания», одновременно внося весомый вклад в развитие компьютерных технологий. Но очень симптоматично то обстоятельство, что для конвенциональной медицины как сложившейся традиции персонализированная медицина в своем несовершенном виде выглядит чужеродным методом лечения, закрытым для большинства врачей в силу технологических особенностей обработки информации «омиков».

Библиографический список

Wyatt S. Technological Determinism Is Dead; Long Live Technological Determinism // The Handbook of Science and Technology Studies. 3rd ed. / Ed. by E. J. Hackett, O. Amsterdamska, M. Lynch, J. Wajcman. USA, Cambridge: The MIT Press, 2008. P. 165–180.

Fernald G. H., Capriotti E., Daneshjou R., Karczewski K. J., Altman R. B. Bioinformatics Challenges for Personalized Medicine // Bioinformatics Review. 2011. V. 27, №13, P. 1741–1748.

S. Naylor, Chen J. Y. Unraveling human complexity and disease with systems biology and personalized medicine // Per. Med. 2010. № 7(3). P. 275–289.

Тущенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001.

Langreth R., Waldholz M. New Era of Personalized Medicine. Targeting Drugs For Each Unique Genetic Profile // The Oncologist. 1999. № 4. P. 426–427.

Joyner M. J. Seven Questions for Personalized Medicine // JAMA. 2015. Vol. 314, № 10. P. 999–1000. doi:10.101/jama.2015.7725. URL:jama.jamanetwork.com.

Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay // Law, Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? London: Routledge, 1986. P. 196–223.

Lesko L. J. Personalized Medicine: Elusive Dream or Imminent Reality? // *Clinical Pharmacology and Therapeutics*. Vol. 81, 2007. № 6. P. 807–816.

Alyass A., Turcotte M., Meyre D. From Big Data Analysis to Personalized Medicine for All: Challenges and Opportunities // *BMC Medical Genomics*. 2015. Vol. 8. № 33. URL: <http://www.biomedcentral.com>.

Tutton R. Personalizing medicine: Futures present and past // *Social Science & Medicine*, 2012. № 10, Vol. 75. P. 1721–1728.

Pinch T., Bijker W. The Social Construction of Facts and Artefacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other // *The Social Construction of Technological Systems. New Directions in the Sociology and History of Technology* / ed. by W. E. Bijker, T. P. Hughes, T. Pinch. MIT, 1989.

Идея самосовершенствования у Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше

Майленова Ф. Г.

The idea of self-improvement from Fyodor Dostoyevsky and Friedrich Nietzsche

Maylenova F. G.

Аннотация. Проблема совершенствования, личностного и духовного роста всегда была в фокусе внимания русской литературы. Поиск смысла жизни, свободы, подлинной любви, богоискательство, богостроительство — все эти тенденции неизменно сопровождаются напряженным поиском своего «я», стремлением улучшения себя в сочетании с недовольством собой, порой мучительным и трагическим. В данной статье, ни в коем разе не претендующей на полный анализ столь широкой темы, речь пойдет о том пути к самосовершенствованию, который предлагает Ф. М. Достоевский. Однако невозможно анализировать его вне связи с другим великим мыслителем того времени — Фридрихом Ницше. Ход рассуждений героев Достоевского зачастую поразительно созвучен философским и этическим идеям Ницше.

Представляется, что объединение этих двух таких противоречивых мыслителей по основанию гуманистического видения человека позволяет не только увидеть новые грани в интерпретации их творчества, но и приближает их к сегодняшнему человеку, с его поиском места в мире и не менее сложными взаимоотношениями с богом. И самое главное — позволяет объединить веру в высшие силы с гуманистическим видением человека как хозяина собственной судьбы, призванного проживать свою жизнь максимально полно и достойно, в том числе в вечности.

Ключевые слова: новый человек, самосовершенствование, сверхчеловек, Ницше, Достоевский, гуманистическая этика и психология, свобода.

Abstract. The problem of improvement of personal and spiritual growth has always been the focus of Russian literature. Search for the meaning of life, freedom, true love, seeking God, God-building —

all of these trends are constantly accompanied by the tense search of personal identity, the desire for self-improvement, combined with self-dissatisfaction, sometimes painful and tragic. This article, by no means claiming to be a complete analysis of such a broad topic, will talk about the way to self-improvement, which Dostoevsky offers. However, it is impossible to analyze it independently of another great thinker of his time — Friedrich Nietzsche. The way of reasoning of Dostoevsky's heroes is often amazingly in tune with the philosophical and ethical ideas of Nietzsche.

It seems that the union of these two controversial thinkers of the base of the humanist vision of man not only allows to see new faces in the interpretation of their work but also brings them closer to modern human with his search for a place in the world and no less complicated relationship with God. And most importantly, it allows to combine faith in a higher power with a humanistic vision of man as the master of his own destiny, designated to live his life to the full and with dignity — including in eternity.

Keywords: new man, self-improvement, superman, Nietzsche, Dostoevsky, humanistic ethics and psychology, freedom.

От работы с болью — к самосовершенствованию

Проблема совершенствования, личностного и духовного роста всегда была в фокусе внимания русской философии и литературы. Поиск смысла жизни, свободы, подлинной любви, богоискательство, богостроительство — все эти тенденции неизменно сопровождаются напряженным поиском своего «я», стремлением улучшения себя в сочетании с недовольством собой, порой мучительным и трагическим. В данной статье, ни в коем разе не претендующей на полный анализ столь широкой темы, речь пойдет о том пути к самосовершенствованию, который предлагает Ф. М. Достоевский.

Однако невозможно анализировать его вне связи с другим великим мыслителем того времени — Фридрихом Ницше. Ход рассуждений героев Достоевского зачастую поразительно созвучен философским и этическим идеям Ницше, их герои как будто знакомы: они идут тем же путем, у них схожие установки. Идея

нового человека, который, с одной стороны, абсолютно одинок в мире, так как традиционного бога больше нет, а с другой стороны, сам становится равен богу — одна из ключевых как у Ницше, так и у Достоевского.

Выбор этих двух авторов продиктован профессиональным взглядом психолога-консультанта. Психолог, психотерапевт не только помогает другим людям справляться с душевной болью, но еще и нередко отвечает на вопросы другого, более высокого порядка, а именно: как изменять себя, расти, работать над собой, собственными ограничениями и менять свой характер, свои убеждения, другими словами, совершенствоваться, модифицировать собственную природу. Запрос на самомодификацию, весьма часто звучащий в последние годы, свидетельствует о том, что избавление от боли — не самоцель, хотя и является обычно первопричиной обращения к психологу, а оказание помощи страдающему человеку остается главной обязанностью психолога. На этом непростом пути работы с болью встречается немало подводных камней, в частности — вторичные выгоды от этой боли. В предыдущей моей статье о Достоевском говорилось о нежелании многих людей расставаться со своей болью, упоении ею, так как боль, страдание обладают способностью придавать смысл происходящим событиям, заполняя жизнь целиком. Также речь шла о некотором даже вреде, который человек со слабой психикой может нанести самому себе, чрезмерно погружаясь в мир героев Достоевского и усиливая свое депрессивное состояние¹.

Однако возможна и другая интерпретация идей Достоевского, на которой мы и остановимся в данной статье. Работа с болью, осознание ее и избавление от нее освобождают силы человека для дальнейшей работы над собой, уже на пути развития, улучшения себя, личностного роста². На этом этапе уже

¹ Майленова Ф. Г. Страдания, облагораживающие душу, или упоение болью // Достоевский и современность: материалы XXVIII Междунар. старорусских чтений. В. Новгород, 2014. С.113–120.

² Подробное изложение нашей точки зрения на эту проблему содержится в работе: Майленова Ф. Г. Роль страдания в становлении личности // Спектр антропологических учений. Вып. 6 / отв. ред. П.С. Гуревич. М. : 2014. С. 142–158.

недостаточно средств одной лишь практической психологии. Когда заходит речь о мировоззрении, ценностях, убеждениях, мы вступаем в пространство этики, философии и литературы. Нередко клиенты ссылаются в своих рассуждениях на прочитанные книги, где они ищут ответы на «проклятые вопросы бытия», и одним из наиболее читаемых авторов русской классики остается Достоевский. Из философов особо популярен Ницше, и, видимо, этот выбор не случаен: оба эти мыслителя глубоко психологичны, и проблемы, затрагиваемые в их работах, по-прежнему актуальны для всех мыслящих и ищущих людей. Чтение этих авторов, столь похожих и одновременно непохожих, заставляет с особым вниманием задуматься над проблемами морального выбора, личностной силы, самосовершенствования, личного духовного пути, и, несомненно, оба они дают огромный материал для размышлений на эти темы, более того — позволяют увидеть ориентиры на этом непростом пути.

Достоевский и Ницше

как отражение духовной жизни своей эпохи

Тема «Достоевский и Ницше» представляется одной из важнейших для понимания смысла изменения картины мира, произошедшей в европейской философии и культуре на рубеже XIX и XX столетий.

Эта эпоха стала одновременно и периодом расцвета творческих сил европейского человечества, и началом трагического «слома» истории, породившего две мировые войны и невиданные бедствия. Несомненно, существует теснейшая взаимосвязь между мировыми катаклизмами и тем, что происходило в пространстве внутренних поисков, жизни человеческого духа, отраженной в литературе и философии.

Что же можно увидеть в том «микрокосме», внутреннем мире отдельного человека, жившего в ту трагическую эпоху?

В западной философии рубежа XIX–XX веков на первый план выходит проблема человека, его сущности, смысла его существования, его отношений с собой, с обществом, миром и Абсолютом.

В то же время бурное развитие наук, технический прогресс и порожденный этим позитивистский взгляд на человека, который отверг все традиционные философские проблемы и установил, что человек есть всего лишь незначительный элемент бытия, устроенный по тем же самым законам, что и вся остальная природа, и не обладающий никаким существенным значением в ней, порождает волну протеста против дегуманизации человека. Знаменитая идея «бог умер», возникшая как следствие понимания человека, всей духовной составляющей личности всего лишь как сочетания электрических импульсов, распространяющихся по нервным волокнам, по мере развития приводит в итоге к тому, что богом объявляет себя сам человек!

Существующее мнение о коренном мировоззренческом отличии этих двух мыслителей, обосновывавшееся на том, что Ницше по сути своей — атеистичный философ, а Достоевский — православный мыслитель, не является препятствием для рассмотрения их в рамках одного и того же идейного и духовного поиска. Они, начав с совершенно противоположных точек и на основании разных исходных принципов, парадоксальным образом продвигались в одном направлении. Их роднит страстный поиск места человека в мире, в котором традиционный бог больше не может быть смыслом бытия и поддержкой перед лицом бездны. При этом они оба пытались взять из критикуемого ими христианства (опять же очень по-разному критикуемого) то позитивное гуманистическое зерно, которое ни в коем случае не должно быть утеряно.

Конечно, существует определенный нюанс в исследовании философских воззрений писателя, так как мы можем судить о них лишь по высказываниям героев его произведений. Можно ли считать, что идеи, излагаемые героями, разделял сам писатель, а если да, то какие именно — тема отдельного обсуждения. Однако другого способа узнавать о них у нас нет. С другой стороны, сам Ницше, в свою очередь, будучи противником строгого стиля философских трактатов, тоже чаще всего излагал свои идеи в художественной форме, зачастую маскируя свои глубокие мысли за яркими, хлесткими афоризмами.

«Бог необходим, а потому должен быть»

Герои Достоевского и он сам очень много говорят о том, что без Бога человек не имеет ни бытийных, метафизических, ни моральных оснований в жизни. Однако традиционная, догматическая концепция Бога не устраивает писателя, он пытается самого Бога понять как некую инстанцию бытия, «дополнительную» по отношению к человеку, а не противоположную ему. Бог как бы вырастает из человека, он — символ идеала, воплощение, максимальная реализация того, что заложено в человеке, вплоть до бессмертия и вечности. Бог — не нечто внешнее, а что-то, наоборот, глубоко, предельно внутреннее.

Христос для Достоевского — это человек, доказавший возможность реализации той полноты жизни и той потенциальной абсолютности, которые заложены в каждом из нас и которые каждый может хотя бы частично раскрыть в своем бытии. Именно в этом состоит смысл Богочеловечности Христа, а вовсе не в том, что он соединил в себе человеческое начало с некоей сверх- и внечеловеческой божественной сущностью.

Вот как рассуждает об этом Кириллов из романа «Бесы»¹:

Вспомним центральный элемент рассуждений Кириллова, его парадоксальный «силлогизм», в котором он приходит к признанию себя Богом. Критически исследуя человеческую историю, Кириллов приходит к выводу, что «человек только и делал, что выдумывал Бога, чтобы жить не убивая себя»; и значит, «Бога нет»². Однако второй (первой, по хронологии романа) посылкой его умозаключения является утверждение, что «Бог необходим, а потому должен быть»³.

Итак, что мы имеем. Бог необходим, и потому должен быть. Что понимается под «необходимостью» бога? Это объективная необходимость, которая означает, что в построении мировоззрения непременно должна присутствовать идея творца? Или необходимость субъективная, обусловленная психологией человека,

¹ См.: *Евлампиев И. И.* Кириллов и Христос. Самоубийцы Достоевского и проблема бессмертия // *Вопросы философии.* 1998. № 3.

² *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1990. Т. 10. С. 471.

³ Там же. С. 469.

и необходимость эта — с одной стороны, потребность человека в нахождении, обнаружении или построении Абсолюта, а с другой — возможно, некий объективный закон нашего мышления, невозможность мыслить без допущения того, что бог (Абсолют) есть?

Все эти рассуждения ведут к тому, что бог необходим именно человеку, причем эта необходимость, рассматривается она как объективная (законы мышления или бытия) либо как субъективная, или психологическая (потребность найти опору, утешение, объяснение и т. п.) — безусловна. Так что Кириллов наш отнюдь не безбожник и не атеист, он лишь выступает против традиционного бога, бога авторитетов, церкви. Утверждая, что объективного бога, бога как некой внешней силы, нет, но человек всю свою историю его выдумывал, Кириллов приходит к выводу, что бог, который быть должен, находится внутри, а не снаружи.

Ибо невозможно столь упорно, на протяжении многих веков, выдумывать то, чего не существует вовсе! Разгадка состоит в том, что искать бога надо не снаружи, а внутри!

Таким образом, Кириллов говорит о необходимости присутствия в мире некоторого абсолютного основания, опираясь на которое человек мыслящий может бороться с пустотой, абсурдом и нелепицей мира за безусловный смысл.

Из двух тезисов — «Бога нет» и «Бог должен быть» — Кириллов выводит парадоксальное заключение: «Значит, я — Бог». Однако оно вполне логично, если интерпретировать его именно как поиск (и обнаружение) бога внутри, который не просто живет в мыслях и чаяниях человека, а является именно его сутью. В таком случае действительно, бог — это человек, а человек — это бог, точнее его возможность, и перед каждым человеком стоит задача раскрыть это содержание в своей жизни, сделать его из потенциального актуальным. Именно такое понимание бого-человека роднит рассуждения Достоевского как с подобными идеями Ницше (об этом более подробно ниже), так и с восточными мистическими учениями, а также с современным гуманизмом, согласно которому человеческая личность потенциально является центром мировой гармонии, способной перерасти собственную

земную ограниченность и реализовать в своей жизни высочайший замысел. Вполне возможно, что «пятисекундные озарения» Кириллова — это не просто сбивчиво описанный мистический опыт, а мгновения присутствия нового человека, того, который должен впоследствии прийти на смену тому, который живет сейчас. Таким образом, можно сказать, что идея эволюции человеческой природы (ее духовной составляющей) также явно и неявно присутствует в этих (и многих других) рассуждениях Ф. М. Достоевского.

«Ошибка» Христа

Только один человек смог приблизиться в своей жизни к реализации полноты своей абсолютности и тем самым дал пример и образец для всех нас — это Иисус Христос. Именно так Кириллов видит значение Христа и его великую заслугу в выявлении подлинных целей человеческой жизни. Но кроме этого он видит и то, что, по его мнению, не видят другие — роковую ошибку Иисуса, которая исказила откровение, принесенное им в мир и, в результате, не позволила человечеству правильно понять смысл его жизни. В предсмертном разговоре с Верховенским Кириллов таким образом излагает свое видение истории Иисуса: «Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни раю, ни воскресения. Не оправдалось сказанное. Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека — одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Ему такого же, и никогда, даже до чуда. В том то и чудо, что не было и не будет такого же никогда»¹.

Фразу «не оправдалось сказанное» следует понимать не в том смысле, что Христос и разбойник не обрели посмертного существования, — то, что после смерти человека непременно ждет ка-

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. М. : Наука, 1990. Т. 10. С. 471–472.

кое-то иное бытие, ему представляется очевидным, — но в том смысле, что указанное иное бытие не является «райским», совершенным, божественным. Оно остается таким же «открытым» и полным различных возможностей, как и земное бытие человека; оно в равной степени может оказаться и более совершенным, и более ужасным, и абсурдным — подобным «бане с пауками», жуткому образу вечности, встающему в воспаленном воображении другого героя Достоевского — Свидригайлова.

Уйдя от этой жизни, мы не исчезнем, но и не избавимся ни от боли, ни от несовершенства (как вселенского, так и собственного), так как становление и путь к совершенству продолжится — пусть и в другом бытии.

Ошибка Христа, по мнению Кириллова, в том и состояла, что он уповал на «высшую силу», на Бога-отца в своем ожидании совершенной, райской жизни и за этим упованием забыл о главном, о том, что возвещала его собственная жизнь: совершенство должно быть реализовано в каждом мгновении земной жизни через усилия самого человека; и только эти усилия способны сделать жизнь совершенной. Никто не может даровать совершенство, оно добывается неустанным духовным трудом, личным усилием каждого живущего, стремлением реализовывать лучшее в себе — как теперь, в этой жизни, так и потом, в следующей, которая настанет за гробом.

Духовный труд и стремление к совершенству — вечны, не будет точки, когда можно будет сказать — все, я достиг совершенства и теперь могу почивать на лаврах...

Поняв эту ошибку Иисуса (хотя это скорее ошибка в понимании Христа, обусловленная человеческой слабостью и ленью, но Кириллов полагает, что именно ошибка Христа), Кириллов хочет донести до людей открывшуюся ему истину, он хочет стать новым Христом, новым пророком, который наконец объяснит людям, что им нужно делать, чтобы достичь желанного совершенства. Таким образом, радикального отличия между жизнью «теперь» и тем, что будет после жизни, по сути-то, и нет! А это означает, что духовная, моральная ответственность человека распространяется даже за границы его бытия.

Ошибка Христа привела к тому, что люди стали одновременно и бояться смерти, и уповать на нее как на единственный путь к радикальному преобразению своего бытия. Возможно, именно от такого понимания роли смерти в жизни человека идет пассивность по отношению к собственной судьбе, упование на внешние силы, личностная слабость и безответственность...

В противоположность этому Кириллов мечтает о новых поколениях, которым «будет все равно — жить или не жить»¹, о людях, нашедших правильное понимание себя и своего значения в мире, обретших подлинную свободу и поэтому понявших несущественность смерти для реализации высших целей человека. Они поймут, наконец, что смерть — только относительная грань между отдельными формами вечной жизни личности, и она не принесет ни совершенства, ни рая. Перестав бояться смерти и уповать на нее, человек поймет, что в его жизни каждое мгновение обладает тем самым значением, которое он раньше придавал смерти, и сумеет сделать себя совершенным, стремиться к этому, хотя бы в некоторых из этих мгновений, как это сумел сделать Кириллов в своих «пяти секундах».

Постоянно рассуждая о смерти, о необходимости изменения отношения к ней, Кириллов приходит к решению покончить с собой, чтобы совершить акт «абсолютного своеволия», приблизиться к голгофскому деянию Христа. Он полагает, что его смерть должна вдохновить других людей на другую, новую жизнь: «Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога, и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же раз, что сам Богом стал, есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Если сознаешь — ты царь и уже не убьешь себя сам, а будешь жить в самой главной славе. Но один, тот, кто первый, должен убить себя сам непременно, иначе кто же начнет и докажет? Это я убью себя сам непременно, чтобы начать и доказать. Я еще только Бог поневоле и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие. Все несчастны потому, что все боятся заявлять своеволие»².

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание... С. 93.

² Там же. С. 472.

Это его «заявленное своеволие» не есть обычное самоубийство, которое совершается от нестерпимой боли и невозможности длить ее, то есть «бегство» от жизни, как можно было бы предположить; его желание покончить с собой является в его представлении величайшей жертвой, которую он приносит людям, самопожертвованием нового Богочеловека, повторяющего путь Иисуса Христа. Это идейное самоубийство, совершающееся ради того, чтобы доказать людям: не нужно бояться смерти, вовсе не в ней заключено главное для человека; нужно думать о том мгновении, которое свершается сейчас, и не ожидать от «высшей силы» реализации «Царства Небесного» после смерти. Уход из жизни, не ожидая «там» ни рая, ни облегчения, ровно чтобы доказать всем, что смерти бояться не надо, — очень радикальный поступок. Впрочем, герои Достоевского во всех своих поступках стремятся выйти за пределы, и почти всё, что они делают, выходит за рамки обычных представлений о норме, и всегда продиктовано мучительными духовными исканиями.

Гуманистические идеи Достоевского и Ницше

В своем творчестве Достоевский пытался обосновать систему идей, согласно которой конкретная человеческая личность воспринимается как нечто абсолютно значимое, первоисходное, несводимое ни к какой высшей, божественной сущности. Именно такой взгляд на личность, гуманистические ценности и роднят его с Ницше.

Особенно заметным совпадением взглядов двух мыслителей на человека и его значение в бытии становится в той работе Ницше, которую специалисты считают написанной под прямым впечатлением от образов Достоевского, — в «Антихристе».

Мы знаем, что главный смысл ницшевского «Антихриста» заключается в резком осуждении христианства как «морали рабов», религии, ослабляющей человека, подавляющей творческие силы личности. Однако, как и во многих других сочинениях Ницше, здесь есть как минимум два противоречащих друг другу смысловых уровня, сталкивающихся между собой.

С одной стороны, мы находим здесь обычные для самых известных работ Ницше утверждения, заставляющих говорить о его «антигуманизме». «Слабые и неудачники, — например, заявляет он, — должны погибнуть: первое положение нашей любви к человеку. И им должно еще помочь в этом»¹. Здесь же — осуждение христианского «Бога добра», осуждение христианства и проклятие ему за то, что оно через чувства вины, сострадания и жалости подавляет силу человека и уравнивает всех в слабости, более того — возвеличивает эту слабость и тем самым питает ее. Здесь же — возвеличивание законов Ману и «естественной» иерархии каст в древней Индии, не смешивающей благородных и сильных со слабыми, с «чандалой», а также превознесение «благородства» и «аристократизма» Ренессанса.

Но, с другой стороны, кульминацией этой работы Ницше является его обращение к личности Иисуса Христа, к личности основателя столь ненавистной ему религии. И здесь мы обнаруживаем удивительное изменение тона суждений. Он не только не осуждает Иисуса, а, наоборот, превозносит его, по существу, превращая его в воплощение того самого высшего типа человека, о котором сам же говорил в «Заратустре», назвав его «сверхчеловеком».

Он отделяет Иисуса от христианства и, осуждая второе, утверждает, что никто не понял подлинного смысла проповедей Христа и его жизни. Как уже говорилось выше, Достоевский устами Кириллова также много и страстно говорит о том, что Иисус оказался не понят, точнее, понят неправильно, и в этом снова проступает близость Ницше к Достоевскому.

Влияние Достоевского на Ницше в понимании образа Иисуса Христа становится очевидным, когда Ницше называет Христа «идиотом», и мы отчетливо видим, что упомянуто это слово не в отрицательном, а в положительном смысле, в качестве прямой отсылки к роману Достоевского, где выведен «земной Христос», «идиот» Мышкин².

¹ Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 2. С. 633.

² О влиянии Достоевского на формирование образа Христа в «Антихристе» подробно пишет К. Свасьян в своих комментариях к изданию этой работы Ницше. См.: Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 799–804.

«Тот странный и больной мир, — пишет Ницше об образе Христа, — в который вводят нас Евангелия, — мир как бы из одного русского романа, где сходятся отбросы общества, нервное страдание и «ребячество» идиота, — этот мир должен был при всех обстоятельствах сделать тип более грубым: в особенности первые ученики, чтобы хоть что-нибудь понять, переводили это бытие, расплывающееся в символическом и непонятном, на язык собственной грубости, — для них тип существовал только после того, как он отлился в более знакомые формы»¹. Чтение евангелий может дать лишь приблизительное понимание личности Христа, только намек на него. А «интерпретации» жизни и личности Христа в каноническом христианстве, заданные учениками Иисуса, он противопоставляет своему пониманию, глубоко созвучному идеям Достоевского. Ницше оказывается в этом смысле первым проницательным читателем Достоевского, угадавшим за внешней канонической религиозностью писателя его необычную веру, далеко отклоняющуюся от того, что предписывалось традицией.

Все то, что Ницше далее пишет о смысле образа Иисуса Христа, еще больше подтверждает это предположение: он интерпретирует его точно так же, как это делает Достоевский в историях своих героев — князя Мышкина и Кириллова. Прежде всего Ницше отвергает значение собственно учения Иисуса, подчеркивая, что весь смысл в данном случае сконцентрирован во «внутреннем», в самой жизни основателя религии. В личности Иисуса и в его жизни самое главное — это способность открыть в себе и сделать творчески значимой ту бесконечную глубину, которая таится в каждом человеке и определяет его потенциальную абсолютность, что и позволяет уничтожение различия между понятиями «человек» и «Бог».

При этом принципиальным является не «соединение» Бога и человека, а, строго говоря, признание «Богом», «Царством Небесным» внутреннего состояния самой личности, раскрывающей свое бесконечное содержание.

¹ Ницше Ф. Антихрист. С. 656.

В этом состоянии достигнутого, обретенного внутреннего совершенства, раскрытой абсолютности своего бытия человек приходит к пониманию того, что не он подчинен природному, мировому бытию, а само мировое бытие является «символом» и выражением абсолютного бытия личности. И в этом новом опыте исчезает понятие смерти, смерть перестает быть абсолютной границей, за которой личность полностью теряет свое старое бытие и обретает новое, «дарованное» кем-то «свыше».

«Царство Небесное» есть состояние сердца, а не что-либо, что «выше земли» или приходит «после смерти»... «Царство Божье» не есть что-либо, что можно ожидать; оно не имеет «вчера» и не имеет «послезавтра», оно не приходит через «тысячу лет» — это есть опыт сердца; оно повсюду, оно нигде...»¹.

Учитывая, что Ницше не только читал роман Достоевского перед началом работы над «Антихристом», но и подробно конспектировал некоторые его фрагменты, в том числе и те, в которых излагается мировоззрение Кириллова, кажется вполне естественным предположить, что эти (и последующие) мысли были навеяны Ницше именно образом Кириллова². Особенно ясные параллели к процитированному выше отрывку возникают в связи со словами Кириллова о «пяти секундах», в течение которых он преображается, обретает состояние высшего блаженства и признает весь мир частью своего бытия. Рассуждения Ницше в «Антихристе» заставляют вспомнить и еще одну фразу

¹ Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 660.

² См. русский перевод соответствующего фрагмента записных книжек Ницше: Ницше Ф. Из наследия (осень 1887 года — март 1888 года) // Иностранная литература. 1990. № 4. Конспект мыслей Кириллова здесь предваряется собственным весьма выразительным суждением Ницше: «Абсолютная перемена, наступающая с отрицанием Бога — // Нет больше абсолютно никакого владыки над нами; прежний мир, мир оценок — теологичен, и он опрокинут, — // Короче: нет никакой высшей инстанции: там, где возможен Бог, мы сами и суть Бог... // И мы должны приписать себе атрибуты, которые приписывали Богу...» (Ницше Ф. Из наследия. С. 191). В данном месте записных книжек можно обнаружить косвенное указание на то, что и само название скандально известной работы Ницше было навеяно романом Достоевского, а именно словами Шатова, который в своей запальчивой критике католицизма заявил, что римская церковь «провозгласила антихриста» (Там же. С. 193).

Кириллова: «Есть минуты, вы доходите до минут и время вдруг останавливается и будет вечно»¹.

И не случайно, что сразу после процитированного отрывка в работе Ницше возникает образ разбойника на кресте, уверовавшего во Христа и обретшего рай и воскресение, — тот самый образ, который является важнейшим элементом рассуждений Кириллова об истинном смысле жизни Иисуса. «В словах, обращенных к разбойнику на кресте, содержится все Евангелие. “Воистину это был Божий человек, Сын Божий!” — сказал разбойник. “Раз ты чувствуешь это, — ответил Спаситель, — значит, ты в Раю, значит, ты сын Божий”»². «Рай», о котором говорит Христос, — это, в понимании Ницше, не загробное совершенство, это не отрицание земной жизни, а сама земная жизнь, взятая в ее высшем смысле, пережитая с наивысшей интенсивностью, преображенная через внутреннее усилие самой личности, осуществляемое в каждый момент ее жизни, выводящее этот момент в вечность. Христос жил и умер, говорит Ницше, «не для «спасения людей», но чтобы показать, как нужно жить»³. И это следует понимать не в смысле морального примера и морального указания, а в смысле самой метафизики нашей жизни, т. е. в смысле примера самого радикального преображения жизни, выводящего личность в особое состояние — в состояние абсолютного центра жизни, всего бытия.

Именно такое понимание личности Иисуса и его «учения» Ницше считает единственно верным — забытым учениками Иисуса, церковью, «христианством» и открывшимся только тем «свободным умам», от имени которых говорит сам Ницше. «Больное варварство суммируется наконец в силу в виде церкви, этой формы, смертельно враждебной всякой правдивости, всякой высоте души, всякой дисциплине духа, всякой свободно настроенной и благожелательной гуманности. Христианские ценности — аристократические ценности. Только мы, ставшие

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1990. Т. 10. С. 188. Ряд очевидных совпадений мыслей Ницше с мыслями героя Достоевского подмечен в книге: Дудкин В. В. Достоевский — Ницше (Проблема человека). Петрозаводск, 1994. С. 98–101.

² Ницше Ф. Антихрист. С. 660.

³ Там же.

свободными умы, снова восстановили эту величайшую из противоположностей, какая только когда-либо существовала между ценностями!»¹. Можно согласиться с К. Ясперсом, который утверждал, что «жизненный опыт» Иисуса в существенной степени повлиял на размышления Ницше о цели человеческого развития: «...проблема изведенного в опыте блаженства присутствия вечности в настоящем, которую решил Иисус своей жизненной практикой, также есть собственная проблема Ницше»². Неслучайно Ницше одинаковыми словами характеризует Иисуса в «Антихристе» и себя самого в «Esse homo»³.

Пафос борьбы Ницше с историческим христианством за подлинный образ Иисуса Христа связан с усмотрением абсолютного начала в самом человеке — начала, реализуемого в конкретной жизни эмпирической личности, через постоянные усилия этой личности по выявлению своего бесконечного содержания, своего «совершенства», а не через причастность абстрактным и надчеловеческим началам «субстанции», «духа», «субъекта» и «Бога». Все это точно соответствует главным составляющим интерпретации образа Иисуса Христа, найденной нами в романе Достоевского «Бесы», в истории Кириллова. В дополнение к сказанному ранее можно привести еще один пример почти буквального совпадения высказываний Ницше и афористически емких мыслей Кириллова, он особенно любопытен, поскольку касается книги «Так говорил Заратустра», т. е. связан с периодом до знакомства Ницше с творчеством Достоевского (согласно свидетельствам самого Ницше). И суждение Заратустры о том, что «человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком», и его весть о том, что «Бог мертв», и его признание в любви тем, кто «приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека»⁴, — все эти ключевые тезисы Ницше предвосхищены в одном из рассуждений Кириллова, в его пророческом видении тех времен, когда придет новое поколение людей, которые не будут бояться смерти: «Теперь человек еще не тот человек.

¹ Ницше Ф. Антихрист. С. 661.

² Ясперс К. Ницше и христианство. М., 1994. С. 78.

³ Там же. С. 77.

⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 8–10.

Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет все равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам Бог будет... Тогда новая жизнь, тогда новый человек, все новое... Будет Богом человек и переменится физически. И мир переменится, и дела переменятся, и мысли, и все чувства»¹.

Даже в «критике» Христа можно обнаружить параллели у Ницше и Достоевского! Ницше, наряду с тем, что он отождествляет себя с Иисусом и полагает его жизнь примером «высшей жизни», также обвиняет его в болезненном отказе от действительности, называет подлинным «декадентом», противопоставляя себе и своим главным героям — Дионису и Заратустре.

Кириллов также неявно «критикует» Иисуса Христа — и как раз за те же самые качества «пассивности» и «безволия», связанные с упованием на внешнюю человеку божественную силу, которые отмечает как негативные черты образа Иисуса Ницше. Как и Кириллов, Ницше полностью принимает тот идеал человека и человеческой жизни, который демонстрирует Христос, но, точно так же как и герой Достоевского, Ницше отказывается признать, что путь к воплощению этого идеала может лежать через упование на божественную силу — на силу, внешнюю человеку. И для Кириллова, и для Ницше этот путь связан с предельными усилиями самого человека по преобразению своего бытия. И в этом смысле ницшевский Заратустра выступает точно таким же носителем «нового завета» — завета человекобожества, каким в романе Достоевского пытается стать Кириллов.

Такое прочтение этих двух великих мыслителей позволяет увидеть, насколько созвучны их поиски себя, своего места в мире, взаимоотношения с высшими силами с подобными исканиями современного человека. Уход от традиционной религии, «смерть бога» вовсе не означает, что поиск бога прекратился: он трансформировался в поиск смысла жизни, свободы, подлинной любви, обоснования морали, совершенствования себя. Нынешний человек как никогда близок ко всем этим вопросам, которые каждое поколение решает снова и снова. И сегодня, когда роль личности в построении собственной судьбы становится все более явной, умение брать

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 93.

ответственность за свою жизнь — причем не только ту, которую мы проживаем сейчас, но и ту, которая, возможно, воспоследует после смерти, кажется наиболее важным в ряду тех качеств, которые должны быть присущи «новому человеку».

Представляется, что именно такой взгляд, объединяющий двух таких противоречивых мыслителей по основанию гуманистического видения человека, позволяет не только увидеть новые грани в интерпретации их творчества, но и приближает их к сегодняшнему человеку, с его поиском места в мире и не менее сложными взаимоотношениями с богом. И — самое главное — позволяет объединить веру в высшие силы с гуманистическим видением человека как хозяина собственной судьбы, призванного проживать свою жизнь максимально полно и достойно — в том числе в вечности.

Библиографический список

Майленова Ф. Г. Страдания, облагораживающие душу, или Упоение болью // Достоевский и современность: материалы XXVIII Междунар. старорусских чтений. В. Новгород : 2014. С. 113–120.

Майленова Ф. Г. Роль страдания в становлении личности // Спектр антропологических учений. Вып. 6 / отв. ред. П.С. Гуревич. М. : 2014. С. 142–158.

Евлампиев И. И. Кириллов и Христос. Самоубийцы Достоевского и проблема бессмертия // Вопросы философии. 1998. № 3.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Наука. 1990.

Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. / сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян; пер. с нем. М. : Мысль, 1996. 829 с.

Дудкин В. В. Достоевский — Ницше (Проблема человека). Петрозаводск, 1994. С. 98–101.

Ясперс К. Ницше и христианство. М., 1994.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: в 2 т., Т. 2. / сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян; пер. с нем. М. : Мысль, 1996. С. 8–10.

Авторы выпуска Authors

Белялетдинов Роман Рифатович — младший научный сотрудник Института философии РАН

Belyaletdinov R. Rh. — Junior research associate, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
roman_rb@iph.ras.ru

Воронин Андрей Алексеевич — ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Voronin A. A. — leading researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. DSc in Philosophy.
andvoronin@rambler.ru

Иванюшкин Александр Яковлевич — профессор кафедры философии МГПУ и кафедры этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, кандидат медицинских наук

Ivanyushkin A. Y. — professor of Department of Philosophy, Moscow City Teacher Training University; professor of Department of Ethics, Lomonosov Moscow State University. DSc in Philosophy, Ph.D. in Medicine.

a_ivanyushkin@mail.ru

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук.

Lamazhaa Chimiza Kuder-oolovna — Deputy Director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Full Member, International Academy of Science (Innsbruck, Austria), DSc in Philosophy.

lamajaa@mail.ru

Майленова Фарида Габделхаковна — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук
Maylenova F. G. — leading researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. DSc in Philosophy.
farida.mailenova@mail.ru

Мелик-Гайказян Ирина Вигеновна — завкафедрой истории и философии науки, Томский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор.
Melik-Gaykazyan Irina Vigenovna — Head of the department History and Philosophy of Science, Tomsk State Pedagogical University, Professor, DSc in Philosophy.
melik-irina@yandex.ru

Попова Ольга Владимировна — старший научный сотрудник Института философии РАН, старший научный сотрудник ФГБНУ «Научный центр здоровья детей», кандидат философских наук.
Popova O. V. — senior researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Federal State Budgetary Institution «Scientific Centre of Children Health; researcher Ph.D.
j-9101980@yandex.ru

Пронин Михаил Анатольевич — старший научный сотрудник Института философии РАН, старший научный сотрудник, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика», кандидат медицинских наук.
Pronin M. A. — senior research associate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, senior research associate, head of research group «Virtualistika», Ph.D. in Medicine.
mapronin@gmail.com

Тищенко Павел Дмитриевич — заведующий Сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, доктор философских наук.
Tishchenko P. D. — department chief, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. DSc in Philosophy.
pavel.tishchenko@yandex.ru

Научное издание

Рабочие тетради по биоэтике

Выпуск 22

Философско-антропологические основания
персонализированной медицины
(междисциплинарный анализ)

Под редакцией доктора философских наук П. Д. Тищенко

Редактор Е. С. Головина
Компьютерная верстка Г. Г. Кротовой

Подписано в печать __. __. ____ г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 14,0. Тираж ____ экз.
Заказ № ____.

Издательство Московского гуманитарного университета
111395, Москва, ул. Юности, 5.